This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

WIDENER LIBRARY
HX 3CEB 4
3 2044 021 792 825

3241.108.120

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

КІЕВЪ

И

ЕГО

ДОСТОПАМЯТНОСТИ.

СОЧИНЕНІЕ

Члена сотрудника ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго и Члена Корреспондента ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Обществъ

НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКАГО.

КІЕВЪ.

1852.

Slav 3195.4.290

69 *2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 1852 года, Сентября 5 дня.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY SEP 16 1971

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

Инвент. № 459276

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

И седе Олегъ Князя въ Кіевѣ, и рече: се буди мати всѣмъ градомъ Русскимъ.

Несторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Отъѣздъ. Переяславль. Его древности. Мѣсто убіенія Князя Бориса. Разсказъ этого событія. Празднество на мѣстѣ убіенія. Путь за Переяславлемъ. Холмъ поклонниковъ. Борисполь. Бровари. Панорама Кіева. Бѣглый взглядъ на значеніе его. Переправа чрезъ Днѣпръ. Дождь. Пріѣздъ. 1.

II. Первыя могилы Христіянъ. Панорама Кіевскихъ высотъ отъ берега Днѣпра на Подолъ. Братскій монастырь. Могила Барскаго. Крестъ Патріарха Ѳеофана. Сагайдачный. Его могила. Его Крестъ. Торговки мѣлочами. Водометъ Сампсонія. Иконныя лавки. Иконописная Кіевская школа. Начало печатанія церковныхъ книгъ съ священными изображеніями. Промышленность разными вещицами. Садъ Дикаго. 30.

III. Видъ на Старый Городъ. Первая церковь, созданная Св. Владиміромъ. Копыревъ конецъ. Зборичевъ взвозъ. Чертово беремище. Уздыхальница. Пасынничная бесѣда. Казары. Путь къ храму Андрея Первозваннаго. Монастырь Св. Самсона. Мѣсто Іезуитской школы. Восхожденіе на террасу Андреевскаго храма. Видопись Кіево-Подола. Картина Заднѣпровья. Братскій монастырь. Греческій. Ближайшія церкви къ Днѣпру. Бульваръ. Александровская улица. Введенская церковь. Клятвы Великихъ Князей въ идолопоклонствѣ. Волосъ богъ скотовъ. Церковь Николая Добраго. Церковь Успенія Богоматери. Церковь Николая Притиска.

Улица Кириловская. Петропавловскій монастырь. Флоровская обитель. Гора Киселевка. Воздвиженская церковь. Житній торгъ и торговище Подольское. Божница Новогородская. Исторія Подола. Его торговля. Заключеніе. 51.

IV. Старокіевскія горы. Храмъ Андрея Первозваннаго. Исторія Андреевскаго холма. Трехсвятительская церковь. Перунъ. Исторія Трехсвятительской церкви. Ея древность и наружный видъ. Дворъ В. К. Владиміра. Мѣсто древнихъ Великокняжескихъ палатъ. Древнія обители. 84.

V. Поклоненіе Великомученицѣ Варварѣ. Богомолки. Обитель Михаиловская. Исторія обители. Древности и гробницы. Храмъ св. Николая. Развалины, открытыя у стѣнъ Михаиловской обители. 100.

VI. Великій Князь Ярославъ. Тріумфальная Колокольня. Внѣшній видъ Софійскаго Собора. Его архитектура и древніе куполы. Исторія Софійскаго храма. Внутреннее украшеніе и недавно открытыя мозаическія изображенія. Фрески и возобновленіе ихъ. Ихъ характеръ, величина, очертаніе и все прочее. Арабески. Древнія надписанія на фрескахъ. Древности и святыня собора. Остатокъ Великокняжеской гробницы. Гробница Ярославова. Вѣнчаніе на царство В. К. Владиміра Мономаха. Царскіе регаліи. Усыпальница Софійская и памятникъ Митрополиту Евгенію. Храмовое празднество. Новые трофеи. Зданія, окружающія Софійскій Соборъ. Остатокъ развалинъ Ирининскаго монастыря. Церковь Георгія. Золотыя ворота. Могила Князя Дира. Врата Лядскія и Львовскія. 114.

VII. Видъ Крещатика. Памятникъ Крещатинскій. Перевѣсище. Храмъ Десятинный. Его наружный видъ. Исторія Десятинной церкви. Гробница В. К. Вла-

диміра. Древняя судьба Десятинной церкви. Послѣднее возобновленіе этого храма. Его древности. Гробницы. Заключеніе. 156.

VIII. Путь изъ Стараго Кіева въ село Берестово. Могилы въ селѣ Берестовомъ. Фонтанъ Иванъ. Государевъ садъ. Кловъ. Монастырь Стефаничь. Исторія Государева сада. Царскій дворецъ. Бесѣдка. Видъ Заднѣпровья. Китайская бесѣдка. Мои товарищи. Видъ Стараго Кіева. Цѣпной мостъ. Минеральныя воды. Видъ Института. Дорога въ садъ. Путь въ село Берестово. Исторія села Берестоваго. Угорское мѣсто. Первая церковь въ Кіевѣ. Преданія. Пустынно-Николаевскій монастырь. Слупъ. Великокняжескій дворъ. 175.

IX. Приближеніе къ Печерской Лаврѣ. Святыя врата. Входъ во внутренній дворъ. Церковь надъ святыми вратами. Зданія, окружающія Лавру. Колокольня. Типографія. Наружныя надгробія. Внутренность Успенской церкви. Образъ Успенія Богородицы. Облаченіе. Жертва Графини Орловой-Чесменской. Угощеніе странныхъ. Святыня Лаврская. Икона Игоря и другіе образа. Паникадила. Главный алтарь. Церковныя утвари. Ризница. Библіотека Лавры. Портреты. Гробницы внутри Великой церкви. Начало основанія Лаврской Типографіи. Княжескія гробницы. Разсказъ о супругѣ Генриха IV. Посѣщеніе Лавры Іосифомъ II-мъ. Наружность Великой церкви. Надгробія. Исторія монастыря Печерскаго и особенно Великой церкви. Значеніе словъ: Лавра и Ставропигія. 194.

X. Исходъ въ пещеры ближнія. Нѣсколько словъ о жизни преподобнаго Антонія. Иларіоновская пещера. Варяжская пещера. Начало пещернаго или Печерскаго монастыря. Келья и ложе Преподобнаго

Антонія. Пещерная церковь. Мѣста покоя Преп. Нестора. Іоаннъ многострадальный. Мѣдный крестъ гробокопателя Марка. Мойсей Угринъ. Никола, Князь Кіевскій. Первый отечественный иконописецъ Алимпій. Нифонтъ, Епископъ Новгородскій. Двѣнадцать братій. Кладязи Антонія и Ѳеодосія. Галлерея къ дальнимъ пещерамъ. Церковь Зачатія Св. Анны. Исходъ въ дальнія пещеры. Годы жизни Препод. Антонія. Препод. Ѳеофилъ. Преп. Ѳеодоръ, Князь Острожскій. Входъ въ Варяжскія пещеры. Пр. Несторъ, некнижникъ. Церковь Благовѣщенія. Церковь Ѳеодосія. Келья и ложе Пр. Ѳеодосія. Мѣсто гроба его. Церковь Рождества Христова. Выходъ изъ пещеръ. Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича. Жертвы въ пещерныя церкви. О древнѣйшемъ поклоненіи св. Угодникамъ въ пещерахъ. Гробницы Генераловъ. Арсеналъ. Путь отъ Лавры къ Университету. Зданіе 2 Гимназіи. Университетъ. Новое Строеніе. Шулявщина. Зданіе Кадетскаго Корпуса. Историческое преданіе о Лыбеди. Рѣка Лыбедь и другія мѣста. Рогнѣда. Предслава и ея село. Заключеніе. 226.

I.

Отъѣздъ.—Переяславль.—Его древности.—Мѣсто убіенія Князя Бориса.—Разсказъ этого событія.—Празднество на мѣстѣ убіенія.—Путь за Переяславлемъ.—Холмъ поклонниковъ.—Борисполь. — Бровари. — Панорама Кіева. — Бѣглый взглядъ на значеніе его.—Переправа чрезъ Днѣпръ.—Дождь.—Пріѣздъ.—

Выѣхавъ, въ полдень втораго числа Іюня, изъ очаровательной мѣстоположеніемъ деревни Семеногорки, на разсвѣтѣ другаго дня я и братъ мой, пригласившій меня посѣтить Кіевъ и окрестности его, пріѣхали въ славный нѣкогда градъ Князя Всеволода, любимаго сына Ярослава.

Знаменитая этого Князя, изъ рода Владимірова, столица Переяславль, такъ недавно еще пострадавшій отъ пожара, на каждомъ шагу горестно напоминалъ намъ о своемъ бѣдствіи: вездѣ еще видны пространныя развалины, покрытыя кучами угля, щебня, кирпича и обгорѣлыми остатками домовъ, оградъ и

столбовъ. Сердце наполняется сожалѣніемъ, когда подумаешь, сколько бѣдъ испыталъ этотъ славный, древній городъ, эта третья вѣтвь родословнаго древа Русскихъ городовъ и первая отечественная митрополія, учрежденная здѣсь Княземъ Владиміромъ, при Михайловской церквѣ. — «Заповѣдываю вамъ Греки: даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ и на Переяславль.» Такъ заповѣдывалъ Вѣщій Олегъ, въ 907 году, приступая съ побѣдою къ Царяграду. Заповѣдь эту передалъ намъ отецъ лѣтописцевъ нашихъ, Преподобный Несторъ.

Но многовѣковая жизнь Переяславля нынѣ течетъ тихо, безмятежно, какъ течетъ жизнь одинокаго старца, согбеннаго бременемъ лѣтъ и обстоятельствами жизни. Въ настоящіе дни отъ давноминувшаго не осталось иныхъ памятниковъ, какъ темныя и неясныя преданія въ народѣ: о какомъ то двѣнадцати-главомъ чудовищѣ змiѣ, пожиравшемъ Переяславскихъ дѣвицъ-красавицъ; о Козьмѣ и Даміянѣ, запрягшемъ этого змія въ плугъ и проораввшемъ вокругъ Переяславскаго княженія великій валъ; о богатырскихъ подвигахъ древнихъ Переяславцевъ, названныхъ народомъ *велетнями*, т. е. великанами; о славномъ непобѣдимомъ богатырѣ *Свидѣ* и, пожалуй, укажутъ вамъ его могилу и темно передадутъ въ сбивчивомъ разсказѣ преданіе о заложеніи Княземъ Владиміромъ *Передгородья*, т. е. предмѣстья

Переяславля: «зане перея славу отрок-отъ!» преданіе разсказанное Преподобнымъ Несторомъ.

Мы спѣшили въ градъ Владиміра, и поэтому я отложилъ до другаго времени обозрѣніе града Всеволодова; но, проѣзжая мимо нынѣ опустѣлаго *Замка*, собственно древняго города, обнесеннаго валомъ, по повелѣнію Великаго Князя Владиміра, не могъ я не вспомнить о первомъ Князѣ-инокѣ, Игорѣ Ольговичѣ, заключенномъ въ порубъ и постриженномъ въ бывшемъ въ этомъ замкѣ Іоанновскомъ монастырѣ, коего въ настоящіе дни и слѣды непримѣтны. Не осталось слѣдовъ и отъ знаменитыхъ дворовъ: *Княжескаго*, при коемъ устроенъ былъ Успенскій храмъ, основанный Мономахомъ, съ небольшимъ за 753 года отъ настоящаго времени, и *Епископскаго* съ Михайловскою церковью, возобновленною въ недавнее время на своемъ первоначальномъ основаніи.

Память и воображеніе рисовали въ мысляхъ моихъ позднѣйшія событія Переяславскія: пріѣздъ пословъ польскихъ къ Гетману, Богдану Хмѣльницкому, пріемъ ихъ Гетманомъ, и его съ народомъ Малороссійскимъ славная присяга Царю Русскому, Государю Православному; но объ этомъ поведу рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Востокъ началъ золотиться зарею; ночью собравшіяся тучи мало по малу расходились; небо прояснялось, утренній вѣтерокъ пахнулъ на насъ прохладой. Мы сѣли въ экипажъ, чтобы продолжать

путь къ первой древней Русской столицѣ—къ матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по сбывшемуся пророчеству Вѣщаго Олега, какъ въ Переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ раздался протяжный благовѣстъ. Заочно поклонившись угоднику Божію Макарію, коего нетлѣнныя мощи *) почиваютъ въ этомъ монастырѣ, и, испросивъ у него благословеніе на дальній путь, быстро помчались мы по улицамъ Переяславля, мимо *Замка*, по *Нижнему Городу*, который собственно извѣстенъ по лѣтописямъ съ 907 года. Въ двухъ мѣстахъ мы переѣхали разрытые остатки древняго крѣпостнаго вала, коимъ былъ обнесенъ городъ, и знаменитую Альту, нѣкогда судоходную, а нынѣ совершенно изсякшую, и очутились за городомъ.

У самаго города, къ Кіеву по обѣимъ сторонамъ большой дороги, видно необозримое пространство небольшихъ могилъ, одна подлѣ другой разбросанныхъ по гладкому полю. Что это за могилы? трудно опредѣлить съ достовѣрностію. Предположеній объ нихъ много, но истины, кажется, нисколько не находится въ догадкахъ нашихъ путешественниковъ и историковъ: одни говорятъ, что это шанцы, другіе—что настоящія могилы, наполненныя костями воиновъ, убитыхъ въ войнахъ....

---

*) Архимандрита Овручскаго, страдальческая кончина коего послѣдовала въ 1653 году, Сентября 7-го дня.

Направо отъ дороги, въ трехъ верстахъ отъ Переяславля, сквозь зелень деревъ, показывались бѣлыя стѣны церкви, недавно созданной, на лѣвомъ берегу Альты, на мѣстѣ убіенія Бориса.

Ровно за мѣсяцъ, предъ проѣздомъ нашимъ, совершалось здѣсь ежегодное торжество, издавна установленное въ память убіенія несчастнаго Князя Бориса. Тысячи народа всякаго званія и изъ разныхъ мѣстъ пространной Россіи стекаются на Альтское поле, ко второму дню Мая, помолиться угоднику, на мѣстѣ пролитія крови его.

Предлагаю замѣтить читателямъ съ какого времени совершается церковное торжество въ память убіенія Бориса, на Альтскомъ полѣ. Въ лѣтописи Лаврентьевской записано празднованіе «въ лѣто 6595, т. е. 1187 года, во 2-й день Мая, на перенесеніе мощей Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, перенесеніе же это совершилось въ 1-й разъ въ 1072 году 2-го Мая, *въ Вышгородѣ*, при сыновьяхъ Ярослава, въ первое лѣто по окончаніи Борисоглѣбской церкви, построенной Княземъ Изяславомъ. Такъ замѣтилъ Преподобный Несторъ. За симъ въ лѣтописяхъ нашихъ, а преимущественно въ лѣтописи Кіевской, упоминается о второмъ перенесеніи мощей несчастныхъ Князей, совершившемся въ 1115 году, послѣ сооруженія въ Вышгородѣ каменной церкви Владиміромъ Мономахомъ, при пожертвованіи отъ двухъ сыновей Святослава.

Съ небольшимъ за 836 лѣтъ отъ настоящаго года, т. е. въ 1015 году, какъ Альтское поле оросилось праведною кровью Бориса. Событіе, тѣсно связанное съ судьбою Кіева, а поэтому съ судьбою и всей Россіи. Приведу его, хотя вкратцѣ, на память читателямъ:

Возлюбленный сынъ Св. Владиміра, возлюбленный за тихій нравъ и преданность Богу истинному, отправленъ былъ отцемъ съ войскомъ противъ Печенѣговъ. На возвратномъ пути Борисъ, для краткаго отдыха, остановился лагеремъ на живописномъ берегу Альты. Нежданно извѣщаютъ Бориса, что отецъ его десять дней прошло уже, какъ отошелъ въ вѣчность. Горестная вѣсть эта для Бориса, подала поводъ къ безпорядкамъ въ войскѣ его. Предавшись отчаянію и слезамъ, онъ былъ оставленъ тѣлохранителями своими, на вѣрность которыхъ вполнѣ полагался. Два брата только Угрины Георгій и Мойсей не покинули его, но раздѣляли съ нимъ слезы по Великомъ Князѣ.

Набожный Борисъ, сильно скорбя, прибѣгнулъ къ молитвѣ, и, съ вечера стоя на колѣняхъ предъ образомъ Спасителя, молился ему. Къ утру, изнеможенный душевнымъ страданіемъ, лишившись силъ тѣлесныхъ, онъ повалился на постель. Въ это время, подкупленные Святополкомъ убійцы, тайно подошли къ шатру Бориса, и, разсмотрѣвъ, что совершалось въ немъ, смѣло вошли въ шатеръ и пронзили Бориса

копьемъ. Георгій Угринъ, сквозь сонъ услышавшій предсмертный стонъ любимаго Князя, бросился на трупъ его, мечтая, въ пылу страха и отчаянія, защитить его собою, но и Угринъ палъ невинною жертвою отъ руки убійцъ, которые, замѣтивъ на шеѣ его висѣвшую на цѣпи золотую гривну, возложенную Борисомъ, чтобы скорѣе снять ее, отрубили Угрину голову. Братъ Георгія, Мойсей, успѣлъ скрыться изъ шатра, бѣжалъ въ Кіевъ и все, происходившее на полѣ Альтскомъ, передалъ сестрѣ Бориса, Предславѣ.

Поднявъ умирающаго Бориса, убійцы положили его на *кола,* и повезли къ Святополку, который, узнавъ, что Борисъ находится въ предсмертныхъ мученіяхъ, боясь его выздоровленія, торопливо послалъ двухъ воиновъ съ приказаніемъ приколоть еще дышущаго Бориса, и одинъ изъ нихъ, замѣтивъ остатки жизни въ Князѣ, поразилъ его мечемъ въ сердце.

Тѣло Бориса тайно было перенесено въ Вышгородъ и положено въ церквѣ Св. Василія. Четыре года Борисъ дожидалъ юнаго брата своего Глѣба, также въ одинъ годъ съ нимъ (1015 Сентября 5) измѣннически зарѣзаннаго убійцами окаяннаго брата ихъ, Святополка, не вдалекѣ отъ Смоленска, у рѣки Смядини; и на пятый годъ ловцы, по повелѣнію Ярослава, отыскали тѣло Глѣба, и юный братъ возлегъ въ Вышгородѣ, въ одной мученической гробницѣ съ старшимъ братомъ.

Чрезъ четыре года, со времени смерти благочестивыхъ Князей, Ярославъ, пылая мщеніемъ на окаяннаго Святополка за лишеніе жизни братьевъ, испросивъ у нихъ заступничества предъ Спасителемъ, выступилъ на Альтское поле противъ Святополка и собранныхъ имъ Печенѣговъ. Открылась кровопролитная битва. Святополкъ былъ разбитъ и едва могъ спастись бѣгствомъ. Такъ рѣшился, за восемь сотъ тридцать два года отъ настоящаго,— жребій *княженія Кіевскаго,* такъ было отомщено Ярославомъ Святополку братоубійство.

На мѣстѣ убіенія Бориса, Князь Всеволодъ Ярославовичъ въ 1073 году построилъ, на берегу Альты, Альтскую или сокращенно, по лѣтописному, *летскую* часовню. Чрезъ сорокъ четыре года, послѣ этого, Владиміръ Мономахъ «Велику вѣру стяжа къ Богу, и сродникома своима къ святыма мученикома Борису и Глѣбу, тѣмъ же и церковь прекрасну созда на Лтѣ во имя его, идѣже святаго Бориса кровь прольяна бысть.» Такъ записано въ Лаврентьевской лѣтописи; а чрезъ восемь лѣтъ, т. е. въ 1125 году, лѣтописецъ продолжаетъ: «представися Мономахъ, на Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаніемъ многимъ; сынове же его и Боляре несоша Кіеву; и положенъ бысть въ Святѣй Софіи, у отца своего.»

Церковь, построенная Владиміромъ Мономахомъ, простоявъ 37 лѣтъ, и часовня Всеволодова, въ княженіе Глѣба Юрьевича, были сожжены въ 1154 году

Половцами. Отъ этого времени, въ продолженіе слишкомъ пяти вѣковъ, лѣтописцы не упоминаютъ объ этомъ мѣстѣ, освященномъ смертію праведниковъ и кончиною Великаго Князя Мономаха, и уже въ 1664 году, 2 Мая, поставляется на немъ каменный крестъ и надъ нимъ устроивается деревянная часовня — *Капличка*, по мѣстному названію, существовавшая болѣе полутораста лѣтъ.

Полуистертая временемъ надпись на крестѣ передаетъ намъ, что крестъ поставленъ Переяславскимъ протоіереемъ Григоріемъ Бутовичемъ, при помощи Стрѣлецкаго главы Селивана Кирилова Бѣлаго. Въ верху креста надпись Греческими буквами: IC. XC. NIKA, означаетъ *Іисусъ Христосъ побѣждаетъ*. Такое надписаніе иногда встрѣчается на древнихъ памятникахъ и разныхъ предметахъ въ южной Россіи, подобное же начертаніе читаютъ также и на гробницѣ Ярославовой.

Въ 1840 году устроена, не подалеку отъ креста, каменная церковь во имя св. Бориса, съ придѣломъ св. Глѣба; церковь, стѣны которой видѣлъ я бѣлѣвшимися вдали отъ дороги, на пути въ Кіевъ.

Отрадно ѣхать по этому пути, богатому историческими событіями. На каждомъ шагу его, память рождаетъ воспоминанія, увлекающія воображеніе въ минувшіе вѣки. Здѣсь каждое крѣпостное возвышеніе, каждый холмъ и могила, среди полей, насыпанные руками человѣка и облитые его кровью, свидѣ-

тельствуютъ о многихъ событіяхъ минувшаго времени, и рождаютъ то воспоминанія, то предположенія: на зеленыхъ нивахъ, нынѣ красующихся прекрасными посѣвами хлѣбовъ, въ старину не разъ блестѣло боевое оружіе Половцовъ, Варягъ, Печенѣговъ, Турковъ, Татаръ, Поляковъ, Запорожскихъ и Украинскихъ витязей. Обильно орошена здѣсь земля кровію Христіанскою и языческою; а нынѣ всѣ событія исчезли, все прошло какъ сонъ, какъ мимолетное видѣніе, оставивъ богатыя нивы среди Самодержавнаго Царства Русскаго, первоначально распространившаго нынѣ необъятные предѣлы свои отъ этихъ мѣстъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ древняго мѣстечка Борисполя, на лѣвой сторонѣ дороги, возвышается зеленый холмъ. Вдали еще мы замѣтили его со множествомъ толпившагося на немъ народа.

Умилительное зрѣлище тронуло до глубины сердца наши, когда мы приблизясь къ холму, вышли изъ экипажа и взошли на вершину. Куполъ Святой Лавры, подобно небесной звѣздѣ, путеводительницѣ мудрецовъ и пастуховъ на Востокѣ, блестѣлъ вдали одиноко, среди яснаго голубаго неба. Не могу дать отчета въ своихъ мысляхъ, отъ чего, глядя на эту святую звѣзду нашего Православія, я подумалъ о загробной жизни, о свѣтлой надеждѣ на блаженство въ иномъ мірѣ. Сердце мое наполнилось

сладкимъ, неизъяснимымъ чувствомъ благоговѣнія и восторга. Я забылъ житейскія тревоги.

Богомольцы, стекающіеся со всѣхъ концевъ Россіи, завидѣвъ сіяющій куполъ Святой Лавры, въ благоговѣйной молитвѣ распространились на холмѣ, поклоняясь въ душевномъ восторгѣ Небесной Владычицѣ, Покровительницѣ и Заступницѣ нашей предъ Богомъ. Я съ особеннымъ умиленіемъ взиралъ на потемнѣвшія отъ трудовъ и дальняго странствованія лица путниковъ изъ Пермской, Тобольской, Архангельской, Енисейской и другихъ отдаленныхъ губерній,—прошедшихъ многія тысячи верстъ, чтобы поклониться Кіевской Святынѣ; и вотъ взоръ ихъ встрѣчаетъ на небѣ звѣзду сладчайшей надежды, драгоцѣнный, завѣтный предметъ ихъ долгаго странствованія. Лица ихъ выражали неизобразимую душевную радость, и съ какимъ святымъ умиленіемъ они знаменовали себя крестомъ, припавъ на колѣни на высотѣ холма и вперивъ взоръ въ дальній небосклонъ. Съ какимъ смиреніемъ и упованіемъ возсылали они мольбу къ Небесной Владычицѣ, испрашивая у нее счастливаго окончанія ихъ дальняго странствованія. Ничья кисть не изобразитъ этой умилительной картины—картины нашей Русской жизни, въ которой такъ превосходно выражается преданность и любовь сыновъ Россіи къ Отечественной Святынѣ.

Казалось усталость и всѣ лишенія на пути уже не существовали и позабыты странниками, при взглядѣ

на святой, блиставшій вдали куполъ Печерской обители. Старцы, глубокіе старцы, въ послѣдній, быть можетъ, разъ взиравшіе съ высоты этого холма на золотой куполъ Лавры, казалось также забыли бремя лѣтъ и свои старческіе недуги. И не дивно! ихъ подкрѣпляли упованіе и вѣра въ Святую Богородицу. Скажите же какія чувства могутъ быть отраднѣе и святѣе этихъ чувствъ?...

Издали помолившись Заступницѣ Отечества нашего и каждаго изъ насъ, мы сѣли въ экипажъ и быстро унеслись впередъ. Теперь сердце мое наполнилось совершенно иными ощущеніями: я забылъ о кровопролитныхъ битвахъ Князей Россійскихъ,—совершившихся на пути нашемъ отъ Переяславля къ Кіеву, и былъ упоенъ сладкою надеждою. Приближаясь къ Кіеву, мнѣ казалось, что я перехожу въ другой міръ; самый воздухъ, мнилось мнѣ, измѣнился; вокругъ меня разливалась безпредѣльная Благодать Божія. Я жилъ, но жилъ въ мірѣ не суетномъ, невещественномъ, въ мірѣ горнемъ, и тамъ душа моя, изливаясь въ мольбѣ, поклонялась Богоматери....

Святое чувство души моей усиливало несмѣтное число богомольцевъ, увеличивавшееся съ каждой верстой къ Кіеву. Боже мой, что значитъ Святая вѣра, какъ дивно непостижима ея чудодѣйственная сила! На пути мы встрѣтили девяносто шести лѣтъ старуху; она странствовала изъ Перми въ Кіевъ, и на этомъ пути, по словамъ ея и свидѣтельству спут-

ницъ, она нигдѣ и не присѣла на телѣгу, считая это за грѣхъ и думая, что все странствованіе потеряло бы въ глазахъ ея всю свою прелесть. Кто же далъ ей силу и крѣпость тѣлесную, крѣпость, которую не имѣютъ современные юноши и дѣвицы, воспитанные въ нѣгѣ и излишествѣ? Конечно вѣра, одна Святая вѣра! и гдѣ подобный примѣръ въ другой странѣ встрѣтить можно? нигдѣ? Подобными примѣрами богата одна Россія. Великъ Богъ нашъ.

Проѣхавъ Борисполь, всегда наполненный богомольцами, коихъ ежегодно стекается въ Кіевъ до восьмидесяти тысячь, въ м. Броварахъ на станціи, мы отобѣдали, перемѣнили лошадей и помчались по гладкому шоссе къ Кіеву.

Кажется не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ Броваровъ, начерталась передъ нами, среди зелени лѣсовъ, живописная панорама святаго Златоверхаго Кіева. Я называю Златоверхимъ, ибо куполы церквей, прежде прочихъ предметовъ являющіеся предъ взоромъ путника, сіяютъ золотомъ; почему же не именовать его Златоверхимъ, когда Москву именуютъ Бѣлокаменною.

Я началъ всматриваться вдаль. Панорама очаровательной мѣстности Кіева, по мѣрѣ приближенія нашего, то расширялась, то вдругъ совершенно исчезала, закрываясь стѣною дальнихъ лѣсовъ и возвышенностями шоссе. Я невольно предался мечтамъ; воображеніе живо рисовало предо мною язы-

ческій Кіевъ; выше всего на отвѣсныхъ горахъ приднѣпровскихъ, покрытыхъ густою зеленью лѣсовъ, выказывался *Копыревъ конецъ* — высокій утесъ; не вдалекѣ отъ коего стоялъ Перунъ, и видѣлъ я, казалось, самаго Перуна и язычниковъ приносившихъ у подножья его кровавую жертву, и видѣлъ другихъ истукановъ: Хорса и Стрибога, Дажьбога, Сима, Регла и Мокоша, и древнихъ предковъ нашихъ, поклонявшихся этимъ идоламъ.—Воображеніе рисовало мнѣ терема Великокняжескіе, гдѣ происходили почетные пиры *Краснаго солнца* Владиміра и терема, въ коихъ томились въ затворѣ *дѣвицы красныя* и жены княжескія; село Берестовое, любимое Княземъ Владиміромъ, въ коемъ онъ и скончался (15 Іюля 1015 г.) Не далеко отъ него, къ Сѣверо-Западу, гдѣ древняя рѣчка Черторея катитъ свои волны въ Днѣпръ, воображалъ я не большое поселеніе и подлѣ него хотѣлъ видѣть еще въ языческомъ Кіевѣ возникающее Христіанство надъ страдальческою могилою Аскольда, перваго Русскаго Князя-Христіанина,— первый же, можетъ быть, въ Кіевѣ символъ Христіанской вѣры: храмъ Св. Николая, построенный, по лѣтописному сказанію Св. Ольгою.

Ближе всѣхъ холмовъ Кіевскихъ, выказывался предъ глазами моими древній *Неводницкій* холмъ, не правильно принявшій, въ послѣднее время наименованіе *Витичева* холма, находящагося также на правомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева, за Трипольемъ.

Прочіе отдаленные холмы и удолья рисовались въ воображеніи моемъ также покрытыми лѣсомъ, именовавшимся въ древности *Перевѣсищемъ,* или ловомъ звѣрей, гдѣ имѣли притонъ разбойники, грабившіе Кіевъ и сосѣднія мѣста по Днѣпру. Налѣво отъ Перевѣсища, за холмомъ Неводницкимъ, у подошвы зеленыхъ холмовъ, къ нынѣшнему Выдубицкому монастырю, простиралось большое озеро *Затонъ,* поглощенное въ 17 столѣтіи Днѣпромъ, гдѣ нынѣ, ежегодно, устроивается пловучій мостъ, для переѣзда чрезъ Днѣпръ.

Подолъ не представлялся моему воображенію во времена языческаго Кіева, я живо помнилъ слова Преподобнаго Нестора: «На Подолѣ не сѣдяху людье, но на горѣ, бѣ бо тогда вода текущи въ здолѣ горы Кіевскія.»

Какъ дивно озаряется мракъ язычества свѣтоноснымъ знаменіемъ Креста, водруженнаго на горахъ Кіевскихъ до начала его основанія!

Сопровождаемый учениками Апостолъ Андрей, на пути изъ Херсона въ Новгородъ, приближается къ дикимъ и необитаемымъ приднѣпровскимъ горамъ: «и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ» — пишетъ Преподобный Несторъ. — «Заутра вставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: Видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать! — Вшедъ на горы

сія, благослови я, постави Крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сія идѣже послѣ же бысть Кіевъ.»

Вотъ какъ въ лицѣ Апостола низпослано Богомъ благословеніе на созданіе Кіева и за симъ рожденіе могущественнаго Православнаго Царства Русскаго, вѣрный оплотъ коего, нашъ символъ спасенія, святое знамя истинной вѣры и неодолимой силы Русскаго Царства—Святой Крестъ водружается руками самаго Апостола на горахъ Кіевскихъ, и отсюда уже, отъ этого животворнаго источника, истекаютъ свѣтоносные его лучи на все Отечество наше. Не это ли самое знамя явилось Царю Константину на небѣ, съ начертаніемъ: *Симъ (знаменіемъ) побѣждай?*—И такъ, съ нами это знамя—Святой Крестъ Спасителя нашего, нерушимый завѣтъ побѣдъ. Съ нами самъ Богъ. Кто же противъ Бога и противъ отечества нашего! Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!....

«Быша тріе братья»—продолжаетъ Несторъ,—«единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Зборьичевъ, а Щекъ сидяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щекавица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревище. И сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ; бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловящи звѣрь.» Такое было

начало исполненія пророчества Первозваннаго Апостола.

И едва только не большой *градокъ*, построенный во имя старшаго Полянскаго Князя *Кія*, возникъ на высотахъ днѣпровскихъ, какъ воинственный народъ Козары, обитавшій по Днѣпру и заливамъ его при Черномъ Морѣ, проникаетъ на своихъ челнокахъ *къ граду* Кія и облагаетъ его данью.

О первоначальномъ возникновеніи Кіева, который, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, назывался *Самватасъ*, *) существуетъ много сказаній, но мнѣ не предлежитъ трудъ повѣрять эти предположенія.

Настаетъ 864 годъ и градокъ Кія или Кіевъ въ лицѣ Аскольда и Дира получаетъ въ правители первыхъ Сѣверно-Русскихъ Князей и витязей, а чрезъ два года Князья эти, сопровождаемые воинственными казаками или Казарами плывутъ по Днѣпру въ Цареградъ и принимаютъ святое крещеніе и первыя Божественныя сѣмена его чрезъ нихъ приносятся въ Кіевъ. За симъ протекаетъ восемнадцать лѣтъ и предъ дикими холмами Кіева является Вѣщій Олегъ, изрекаетъ славное пророчество свое: «Се буди мати градомъ Русскимъ,» и покоряетъ его роду Рюрика.

Увлеченный воображеніемъ о прошедшей жизни Кіева, я не замѣтилъ, какъ очаровательная панорама

*) Ист. Госуд. Р. Т. I. Примѣч. 7.

ИКП РСФСР

его развернулась предъ глазами моими во всей его святой красотѣ. Величественный храмъ Андрея Первозваннаго, эта свѣтлая начальная буква скрижали Русскаго Православія, созданная на мѣстѣ, гдѣ водруженъ былъ Крестъ Апостоломъ, выше всѣхъ прочихъ храмовъ возносился легкими куполами къ небу. Взирая на величіе красоты его я себя вопрошалъ: какому Государству въ благословеніе, или рожденію какого народа, предшествовало такое святое знаменіе Божіе? никому, исключая одной Россіи!...

И вотъ Кіевъ украшенъ многими храмами живому Богу: «и церкви многи Богъ воздвигнути имать» — Какъ вѣрно исполнилось это благовѣствованіе Апостольское! Какъ сладко сердцу каждаго Русскаго знать это и вѣрить, твердо и несомнѣнно вѣрить, что съ нами Богъ, съ нами спасительный его Крестъ, котораго чудодѣйственная сила созидаетъ храмы Божіи, хранитъ Отечество наше и разрушаетъ козни вражьи, не разъ собиравшіяся надъ нерушимою Россіею!

Теперь взору моему представился Златоверхій Кіевъ, Кіевъ Христіанскій, и вновь иныя мечты наполняли мою душу, когда взиралъ я на святую Лавру, на ея вѣковыя пещеры, эту колыбель Русскаго Православія, на едва виднѣвшіеся куполы Златоверхаго Михайловскаго Собора, на уединенный монастырь Выдубицкій и на Подолъ, построенный,

казалось мнѣ, среди волнъ Днѣпра,—этого Русскаго Іордана....

Память развила предо мною длинный свитокъ минувшихъ событій Кіева, тѣсно связанныхъ съ историческими событіями цѣлой Россіи, просвѣщеніемъ и ея Христіанскимъ свѣтомъ; теперь уже я вполнѣ чувствовалъ древнюю славу и величіе града Владимірова.

Съ шоссе мы своротили влѣво отъ вновь созидающагося моста чрезъ Днѣпръ, и поѣхали по разливу днѣпровскому, во многихъ мѣстахъ переѣзжали его свѣтлыя струи. Тысячи богомольцевъ спѣшили на берегъ, къ мѣсту переправы, и тысячи возвращались, переходя струи днѣпровскія, совершивши святой обѣтъ. О, какое спокойствіе, какая тихая, душевная радость блистала на лицахъ этихъ благочестивыхъ странниковъ!...

Экипажъ нашъ подъѣхалъ къ почтовому судну; пока скачивали его, я усѣлся на бортъ судна, устремивъ взоръ на дивную громадную картину Кіева и читалъ въ памяти моей его минувшую судьбу, такъ богатую бѣдствіями.

Щитъ Вѣщаго Олега блестѣлъ на стѣнахъ Царяграда, щитъ вѣры истинной начиналъ, въ то время, сіять на высотахъ горъ Кіевскихъ. Въ страдальческой могилѣ Аскольда было заронено уже святое сѣмя Христіанства. Великая Княгиня Ольга принимаетъ святое крещеніе въ Константинополѣ: Грече-

скій Патріархъ благословляетъ ее крестомъ изъ животворящаго древа. Съ неоцѣненнымъ, святымъ даромъ мудрая Царица возвращается въ Кіевъ, и заря Христіанства покрываетъ Русскій небосклонъ. Въ Кіевѣ являются храмы Христіанскіе, но приносятъ еще и кровавыя жертвы идоламъ: еще закалается у подножья Перуна, въ жертву ему, юная дѣвица и юноша, но Христіанство уже не чуждо Кіевлянамъ. И вотъ, послѣ благовѣстной зари, всходитъ на Кіевскій, полухристіанскій, полуязыческій небосклонъ красное солнце наше, Великій Князь Владиміръ, принимаетъ отъ Греческаго духовенства, въ Корсунѣ, святое крещеніе, и, возвращаясь въ Кіевъ, чтобы окончательно просвѣтить народъ свой свѣтомъ Христіанскимъ, онъ «поемъ.... попы Корсуньски, съ мощами святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съ суды церковные, иконы—на благословеніе себѣ» *).

По принесеніи въ Кіевъ животворящаго Креста Царицею Ольгою и святыхъ мощей Княземъ Владиміромъ, на горахъ Кіевскикъ возсіяла благодать Божія. Вотъ какова была первая Святыня Кіевская. И вскорѣ кумиры не возвышались на горахъ и въ удольяхъ Кіевскихъ; страшный язычникамъ Перунъ былъ торжественно сверженъ въ волны днѣпровскія съ высоты утеса, на коемъ, въ древнія времена,

*) Пол. Собр. Лѣтоп. Т. I. стр. 50.

водруженъ былъ крестъ Апостоломъ, и народъ Кіевскій, народъ Русскій въ волнахъ днѣпровскихъ принялъ святое крещеніе. Тогда то Кіевъ возвеличился благолѣпіемъ храмовъ Божіихъ, и отъ него пролился животворный источникъ благодати Божіей, по всей землѣ Русской.

Но для утвержденія этого, Княжеству должно было испытать многія лишенія, и самому Кіеву претерпѣть многократныя бѣдствія: Владиміръ, какъ попечительный отецъ, раздѣляетъ родовыя владѣнія свои между сыновьями. Величіе духа его, проявлявшееся во всѣхъ дѣлахъ его, еще болѣе познается изъ этого обстоятельства: счастіе и спокойствіе сыновей было дороже ему собственнаго его счастія. Съ первымъ волосомъ сѣдымъ, по выраженію лѣтописца, Владиміръ не помышлялъ уже о жизни долгой, но устроялъ все на благо рода своего, на славу отечества и молилъ Бога о жизни загробной. Это раздѣленіе вотчины Владиміра, между его сыновьями, родило періодъ удѣловъ, періодъ горестный въ своемъ теченіи, но славный по тѣмъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, какія онъ произвелъ для Единодержавія Россіи. Послѣ раздѣленія, Кіевъ начинаетъ распространять на удѣлы сыновей Владиміра Православіе, законы, языкъ, силу и народность Русскую, и, въ каждомъ особомъ княжествѣ, въ каждомъ удѣлѣ, эти элементы вполнѣ развиваются, и можно сказать:

организація каждаго княженія была во всемъ подобна организаціи Кіевскаго Княжества.

Сыновья Владиміра слѣдуютъ примѣру чадолюбиваго отца, и также удѣлы свои дробятъ на части; и въ Россіи, предъ нашествіемъ Татаръ, считалось до семидесяти удѣловъ. [illegible]

Кіевъ, преисполненный благодатію источникъ, разливая по землѣ Русской небесныя струи Православія и народности, вмѣстѣ съ удѣлами, время отъ времени, передаетъ свое первобытное значеніе, свою славу, другимъ городамъ, удерживая за собою названіе *Великаго* Княженія и первенство церковное— Митрополію.

Но какъ градъ Владиміра, онъ всегда былъ дорогъ для его потомковъ и безъ всѣхъ титловъ; дороги были каждому Князю Святыня Кіевская и славныя могилы его предковъ; по этому то Князья Русскіе не могли смотрѣть на него равнодушно; каждому изъ нихъ хотѣлось владѣть Великимъ Княженіемъ Кіевскимъ.

Послѣдовательныя событія на Сѣверовостокѣ и Югозападѣ Россіи, отняли у Кіевскаго княженія и послѣднее его наименованіе *Великаго*, и присвоили его Суздалю и Галичу. Отдавая безпрекословно это титло, какъ мать дѣтямъ отдаетъ свои сокровища, Кіевъ не могъ передать этимъ городамъ своего церковнаго первенства, которое оставалось за нимъ и въ періодѣ Татарскаго нашествія. Но пали Князья

Русскіе предъ грозными полчищами Монголовъ и палъ Кіевъ предъ несмѣтными толпами воиновъ Батыя, пало тогда и церковное его величіе; взятый съ бою городъ былъ совершенно разрушенъ варварами; обитель Печерская не красовалась уже на горныхъ высотахъ Кіевскихъ; Софійскій Соборъ, сохранивъ цѣло предѣлы свои и нерушимую стѣну, на коей ликъ Богородицы, со вздѣтыми къ небу руками, казалось благословлялъ Кіевъ и всю Россію на возстаніе и побѣду надъ врагами; уцѣлѣли отъ разрушенія Батыева: гробница Ярослава, развалины Золотыхъ вратъ его, да одна стѣна Десятинной церкви, надъ гробомъ ея святаго основателя. Праведники, почившіе въ пещерахъ, чудодѣйственною силою, были недоступны врагамъ. Вотъ все то, что осталось по разрушеніи Батыемъ Кіева Владимірова и Ярославова.

Чрезъ восемнадцать лѣтъ тяжкаго Татарскаго плѣна, освобождается Кіевъ Литовскимъ Княземъ Ледиминомъ и присоединяется къ его княжеству. Чрезъ два же года Кіевъ присоединяется удѣломъ къ Великому княженію Галицкому, Галицкое къ Польшѣ, и вмѣстѣ съ Кіевскимъ образуетъ *Русское Воеводство*. Въ тотъ же періодъ образовалось Великое Княженіе Мосювское, и вся удѣльная Россія является соединенною въ два Великія Княженія, все же связанныя между собою неразрывною цѣпью: вѣрою и народностію полученными ими отъ Кіева.

Послѣ Татарскаго періода Кіевъ начинаетъ испытывать новое несчастіе отъ Іезуитовъ и отъ составленнаго ими исповѣданія—*Уніи*. Въ это время въ самомъ Кіевѣ католицизмъ сильно распространяется на счетъ Православія. Воеводы Кіевскіе всѣ католики; отъ этого Православіе, годъ отъ году, притѣсняется католиками, и мало по малу лишается своихъ древнихъ правъ. Къ этому горю является новое несчастіе: едва успѣлъ Кіевъ нѣсколько скрыть слѣды опустошенія его Батыемъ, какъ у горъ его является Менгли-Гирей, и Кіевъ вновь былъ разграбленъ Татарами и страдаетъ, подъ тяжкимъ игомъ варваровъ, нѣсколько десятилѣтій.

Въ это несчастное столѣтіе для Россіи, на Югѣ ея, какъ я сказалъ и прежде, искони поселилось воинственное племя Славянъ,—Казари-Казаки, въ послѣдствіи Запорожцы, и даже жители Восточной Украины, съ незапамятныхъ временъ просвѣщенные Христіанствомъ, составлявшимъ оплотъ ихъ силы; знакомые Аскольду и Диру, знакомые и Святославу, положившему голову свою на Запорожьѣ. Казаки издавна были непримиримые враги *нечестивыхъ бусурманъ:* Турокъ и Татаръ; и вся ихъ жизнь, и всѣ геройскіе подвиги ограничивались побѣдами и истребленіемъ нехристей.

Разореніе Кіева и постоянные набѣги Татаръ на земли Казаковъ, усилили въ Запорожцахъ страшную злобу на нихъ. Въ то же время, въ Западной

и Восточной Украинахъ, т. е. въ земляхъ древне Русскихъ, появляются тайные и явные агенты Іезуитскаго ордена, пламенно желавшіе обратить Православную Русь въ латинское исповѣданіе, и для этого неискусно изобрѣвшіе особое вѣроисповѣданіе — *Унію*, составлявшую средину между исповѣданіями Греческимъ и Римскимъ. Ко вступленію въ Унію Іезуиты начали употреблять всевозможныя средства. И въ этихъ земляхъ явилась таже Испанская инквизиція, со всѣми ея жестокостями и безчеловѣчіемъ. Въ то время Кіевъ явился великимъ поборникомъ вѣры и народности. Нѣкоторые изъ воеводъ Кіевскихъ увѣковѣчиваютъ свои имена, какъ поборники истины и Православія. Въ числѣ этихъ славныхъ именъ исторія Церкви и политики записала имена Князя Константина Острожскаго, потомка Великаго Владиміра, Запорожскаго Гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, Петра Могилу и другихъ.

Казаки, враги непримиримые Уніатовъ и всего неправославнаго, не могутъ сносить притѣсненій и и угнетеній Іезуитскихъ, и многіе десятки лѣтъ идутъ нескончаемыя кровопролитныя войны за вѣру. Герои являются одинъ за другимъ, и наносятъ страшный вредъ своимъ притѣснителямъ и *недовѣркамъ*, т. е. принявшимъ Унію. Но дерзостные Іезуиты все еще мечтали достигнуть своей цѣли; а между тѣмъ, нежданно для нихъ является славный Гетманъ Богданъ Хмельницкій, непримиримый врагъ всего и

православнаго. Онъ подымаетъ съ оружіемъ всю Восточную Украину и Запорожье, вооружаетъ Татаръ противъ ихъ пріятелей латинцевъ, и идетъ въ Западную Украину и Польшу страшною войною, разгромляетъ враговъ, и, торжественно присягая въ Переяславлѣ въ вѣрности Русскому Царю, Государю Православному, соединяетъ Малороссію съ Великою Россіею (8 Генваря 1654 г.)

Такимъ образомъ, раздробленная Россія соединилась подъ одинъ скипертъ Царя Русскаго, исповѣдуя единую Православную вѣру. Кіевъ, совершивъ свое высокое назначеніе, начинаетъ за симъ жить спокойно и мирно, пребывая подъ благословеніемъ своихъ угодниковъ и защитою Русскаго орла.

Вотъ какова была жизнь Кіева отъ первыхъ дней его основанія, въ пользу Православія, народности и Самодержавія Россіи!

Нѣсколько сотъ богомольцевъ были перевезены съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра, на двухъ большихъ паромахъ и пароходѣ, взявшемъ ихъ на буксиръ. Мы переѣхали древній Борисѳенъ на особомъ суднѣ. Днѣпровскія воды, отъ весенняго разлива, затопляли еще ближайшіе пещаные отмели и острова, поросшіе кустарниками шелюги. Сотни челноковъ, большое число плотовъ, барокъ, байдаковъ и разныхъ судовъ подъ другими именованіями, скользили по довольно тихой поверхности Днѣпра.

Какая дѣятельность, какая жизнь на этой части днѣпровскаго берега, и вся она сосредоточивается въ одной цѣли: переправить на лѣвый берегъ и перевезть на правый, въ Кіевъ, новыхъ странниковъ, поклонниковъ Святынѣ Кіевской.

Среди множества поклонниковъ, наблюдатель не можетъ не замѣтить, что двѣ трети всего числа принадлежатъ женщинамъ, и едва одна треть приходится на долю мущинъ.

При довольно ясномъ небѣ, въ началѣ втораго часа, отъ берега Днѣпра мы начали подыматься на высоту Кіевскихъ горъ, по холму Неводницкому. На заставѣ записали наши паспорты, подняли шлагбаумъ и экипажъ нашъ съ усиліемъ лошадей медленно двигался впередъ, по значительной крутизнѣ горы. Мы выѣхали на гору Печерскую, раздѣляющуюся кловскимъ провальемъ, на два отдѣленія: на первомъ въ древности было село Берестовое.

Проѣхавъ нѣсколько крѣпостныхъ воротъ, мы очутились вблизи великой, *Небеси подобной*, церкви Успенія Пресвятой Богородицы, начатой построеніемъ за 779 лѣтъ отъ настоящаго времени (въ 1073 году) Святославомъ Ярославичемъ, ѣхали мимо Собора во имя Св. Николая и церкви во имя того же Святителя, построенной на могилѣ Аскольда.

Проѣхавъ крѣпость, украшенную гигантскими постройками арсенала, башень, бастіоновъ, мостовъ и разныхъ военныхъ зданій, мы выѣхали на второй

отдѣлъ горы,—и мимо бывшаго Государева дворца и сада, спустились на *Святое мѣсто*, по народному названію,—Крещатикъ. Непримѣтно для насъ собрались тучи и дождь полилъ ливнемъ. Намъ надлежало проѣхать на Подолъ. Страшный ливень съ каждою минутою усиливался. Я немогъ уже и думать о томъ, чтобы встать съ экипажа и осмотрѣть мѣсто, гдѣ приняли святое крещеніе двѣнадцать сыновей Владиміра, и гдѣ въ послѣдствіи поставлена была Владиміромъ церковь во имя мученика Турова, какъ говоритъ Степенная книга. Но укрывшись въ экипажѣ, едва могъ видѣть промелькавшіе мимо меня домы и разныя строенія. Когда же я выѣхалъ на торговую площадь Подола, вдругъ очутился передо мною на высотѣ утеса храмъ Первозваннаго, а направо представился во всей красотѣ Братскій монастырь съ его Академіею; вдали же, надъ домами, очерчивалась, сквозь дождевую пелену, древняя Щекавица, съ своимъ храмомъ на вершинѣ ея, и крестами усопшихъ и могилами, въ числѣ коихъ считается и древняя могила Олега.

Раскаты грома, многократно отражавшіеся эхомъ отъ горъ Кіевскихъ, умирали на волнахъ днѣпровскихъ. Молнія блистала поминутно: какъ смѣшны, подумалъ я, молніи и громы Перуна предъ молніями, громами небесными, какъ жалко язычество, какъ славно Христіанство и гдѣ разительнѣе можно было видѣть это, какъ не въ древнемъ Кіевѣ.

По каменнымъ улицамъ и склонамъ горъ внезапно образовались сильные ручьи, съ ревомъ и силою катившіе смѣшанные съ пескомъ дождевые потоки. Напоръ воды вырвалъ камни на мостовой и увлекалъ ихъ. Не успѣли мы доѣхать до подольскаго бульвара, какъ напоромъ воды въ канавѣ ливень подмылъ и разрушилъ одинъ изъ мостовъ. Плававшія по улицамъ доски, отъ моста и принесенныя изъ другихъ мѣстъ, мѣшали проѣзду нашему и это все совершилось еще при началѣ того страшнаго дождя.

Съ большимъ трудомъ и усиліемъ лошади дотащили экипажъ нашъ до квартиры, по глубокому песку, нанесенному на бульваръ изъ горъ Кіевскихъ. Таковъ былъ пріѣздъ мой въ Кіевъ третьяго Іюня 1851 года.

II.

Первыя могилы Христіянъ.—Панорама Кіевскихъ высотъ отъ берега Днѣпра на Подолъ.—Братскій монастырь.—Могила Барскаго.—Крестъ Патріарха Ѳеофана.—Сагайдачный.—Его могила.—Его Крестъ.—Торговки мѣлочами.—Водометъ Сампсонія.—Иконныя лавки.—Иконописная Кіевская школа.—Начало печатанія церковныхъ книгъ съ священными изображеніями.—Промышленность разными вещицами.—Садъ Дикаго.—

Высоты Кіевскія осѣнены тремя завѣтными могилами, принадлежащими тремъ первымъ Князьямъ Христіанамъ. Отрадно мнѣ, находясь на Подолѣ, у волнъ днѣпровскихъ, однимъ взоромъ обнимать эти три могилы: на древнемъ Берестовѣ, могилу Аскольда, на Старомъ Кіевѣ, могилу Дира, а на зеленомъ отдѣльномъ холмѣ Щекавицѣ—могилу Олега, виновника смерти первыхъ двухъ Князей. Не три ли креста, осѣнявшіе нѣкогда прахъ этихъ Русскихъ князей, послужили этимъ твердымъ оплотомъ нынѣшнему величію и громадности Кіева? Не они ли были предшествовавшимъ знаменіемъ благословенія горы Пе-

черской и иныхъ мѣстъ покоя праведниковъ?—Но нынѣ и слѣдовъ не осталось отъ этихъ завѣтныхъ могилъ и даже преданіе не укажетъ на собственныя мѣста ихъ.

Съ разсвѣтомъ дня, исполненный сладкихъ сердечныхъ ощущеній, я приходилъ на берегъ днѣпровскій, кипящій дѣятельностію, и предъ взоромъ моимъ, во всемъ древнемъ величіи своемъ, слѣва блестѣлъ серебряной броней, непокорный и своевольный витязь славянскій—Борисѳенъ; направо расширялась дивная панорама высотъ Кіевскихъ.

Еще ночная темнота почивала на благословенныхъ вершинахъ и скрывала отъ взора моего великолѣпіе Кіева. Казалось, что предо мною во мракѣ рисуется древній *градокъ* Кія. Но вотъ, заря мало по малу золотитъ востокъ и, мало по малу свиваясь съ вершинъ, ночной туманъ уносился въ высь небесную, какъ уносились предъ горами Кіевскими въ вѣчность многія столѣтія, и святой городъ восхитительно выказывалъ мнѣ свои храмы и зданія, свои красоты природныя, и мысли мои, пробѣгая по событіямъ минувшихъ вѣковъ, останавливались на настоящемъ величіи града Владимірова.

Въ самомъ дѣлѣ можетъ ли не восхищать взоры и душу благолѣпіе этого города, представляющееся на горахъ его, когда и съ какого бы то мѣста не обозрѣвать его, но въ особенности на Подолѣ, гдѣ вся гряда благословенныхъ высотъ вдругъ предс-

ляется взору въ порядкѣ: историческомъ, церковномъ и гражданскомъ.

Прежде всего взоръ мой приковывается къ горѣ Старокіевской гдѣ «сѣдяше Кій, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ,» и на завѣтной высотѣ ея, возносясь къ небу красуется храмъ Первозваннаго, на мѣстѣ, освященномъ его стопами, на мѣстѣ водруженія Апостоломъ креста. Нѣсколько влѣво, сіяютъ куполы семивѣковаго Злато-Верхо-Михайловскаго монастыря—мѣста покоя Великомученицы Варвары. А въ промежуткѣ небольшое пониженіе горней высоты, не подалеку отъ нынѣшней церкви Трехсвятительской, обозначаетъ древній взвозъ Зборичевъ, пролегавшій, во времена Нестора, къ Днѣпру, мимо нынѣшней церкви Рождества.

Казалось мнѣ, что, при утреннемъ волновавшемся туманѣ, предо мною на этой высотѣ очерчивается великокняжескій теремъ съ теремнымъ дворомъ: дворъ Великаго Князя Владиміра, гдѣ—«на дворѣ, въ гридницѣ устави Владиміръ пиръ творити, и приходити боляромъ и градомъ, соцьскимъ и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при кнѣзи и безъ князе,»—а за теремомъ, на перуновомъ холмѣ, стоящій Перунъ.—Но взошло солнце надъ Кіевомъ, туманъ исчезъ и какъ исчезаютъ мечты, такъ исчезъ здѣсь мракъ языческій и пролился свѣтъ Христіанскій, и предо мною не существовало ни терема, ни Перуна, но на его холмѣ выказывались зеленые

купола Трехсвятительскаго храма и дранные дома каменные, новой постройки, а за ними частію виднѣлся новый величественный храмъ Десятинный.

Съ мѣста обозрѣнія, возвышеніе Берестово представляло мнѣ изъ своихъ святынь златыя главы Печерскаго храма и храма Николая, да привлекательную зелень садовъ, спускавшуюся по бѣлопесчанымъ отлогостямъ горъ, и сквозной павильонъ красовался на самой вершинѣ горы, всмотрясь въ волны днѣпровскія.

Мѣсто Печерское и высоты древняго Кіева дѣлились *святымъ мѣстомъ*—Крещатикомъ, и обозначались по взгорью, пролегавшею дорогою на Подолъ. Направо отъ горы древне Кіевской зеленѣлись гряды высокихъ горъ: Киселевки и Щекавицы, съ храмомъ на древнемъ кладбищѣ: «а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щекавица.»

Что же представлялось мнѣ, въ часъ утренняго мрака, на горнемъ пространствѣ отъ Вздыхальницы до Щекавицы,—собственно на горѣ *Замковой?* Древній замокъ Князя Витольда: его рубленныя башни, трехъ-ярусныя бойницы, воеводскія и драбскія ворота и надъ всѣмъ этимъ куполы трехъ церквей замковскихъ. Событіе—совершившееся за двѣсти сорокъ семь лѣтъ отъ настоящаго времени, послужившее къ уничтоженію этого замка, также не ускользнуло отъ моей памяти; громовой ударъ, спустившійся на высоту Кіевскаго замка въ 1605 году, сжегъ

замокъ, котораго и Ханъ Эдигей не могъ взять, хотя разорилъ другія части Кіева. Теперь взору моему древняя гора замковая представлялась въ иномъ видѣ, представлялась обнесенною каменною стѣною, но уже не крѣпостною, а для укрытія отъ шума и суеты мірской отшельницъ Флоровской обители.

Такими видами очерчивался Подолъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой выказывался истокъ священной Почайны, и синѣлась даль сосновыхъ лѣсовъ, за пригороднымъ поселеніемъ Куреневки.

Въ одно почти время послышался благовѣстъ въ Софійскомъ храмѣ, на Старомъ-Кіевѣ и въ Богоявленскомъ Соборномъ Братскомъ монастырѣ. Три Святыни и двѣ славныя могилы влекли меня на поклоненіе въ Братскій монастырь, и, съ первыми звуками колокола, я отошелъ отъ берега днѣпровскаго, поспѣшая въ Богоявленскій храмъ, построенный за сто пятьдесятъ восемь лѣтъ отъ настоящаго времени, на мѣстѣ прежней дневней церкви Богоявленія и обновленной благочестивымъ Рафаиломъ Заборовскимъ, почивающимъ съ 1747 года 22-го Октября въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ.

Еще издали очертались на голубомъ небѣ зеленые куполы собора, усѣянные золотыми звѣздами; еще издали выказалось изящное зодчество этого храма и величественныя зданія Духовной Академіи— древней школы, основанной въ концѣ XVI столѣтія *Братствомъ*, соединившимся для одной благотворной

цѣли поддержанія и распространенія Православія въ земляхъ русскихъ, въ защиту его отъ козней іезуитскихъ и распространившейся тогда пагубной Уніи.

Въ дворъ монастырскій вступилъ я чрезъ боковыя ворота и длинною тѣнистою аллеею цвѣтущихъ липъ проходилъ къ Соборному храму, минуя направо уединенныя келіи отшельниковъ Братства.

На правой сторонѣ алтарной стѣны выказалась предо мною чугунная доска и остатокъ каменнаго саркофага, съѣденнаго временемъ. Я подошелъ къ мѣсту этого покоя. На чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну храма, прочелъ, что подъ саркофагомъ погребенъ Василій Барскій, умершій въ 1747 году.

Не многіе знаютъ, кто такой Барскій, хотя память объ немъ должна быть завѣтною для каждаго богомольца, приходящаго изъ дальнихъ мѣстъ Россіи въ Кіевъ. Барскій, можно сказать отецъ нашихъ странниковъ-богомольцевъ. Воспитанникъ Братскаго училища, онъ пѣшкомъ исходилъ святыя мѣста Азіи, Африки и всѣ замѣчательныя мѣста Европы. Написалъ путешествіе свое по святымъ мѣстамъ, которое издано на счетъ князя Потемкина, вздумавшаго было принять санъ инока, въ Александро-Невской Лаврѣ. Въ Одесскомъ Музеумѣ находится пятьдесять рисунковъ, начерченныхъ Барскимъ во время его путешествія по Египту. Возвратясь въ мѣсто своего воспитанія, Барскій опочилъ здѣсь навсегда отъ долгаго земнаго странствованія.

и не знаю, что подходит

Я съ благоговѣніемъ поклонился праху этого пѣшеходца-богомолца и указалъ на гробницу его толпѣ богомольцевъ, передавъ имъ кратко повѣсть его жизни въ подражаніе его странствованію и перенесенію всѣхъ лишеній на пути жизненномъ.

Окруженный встрѣтившими меня знакомыми дамами, вошелъ я подъ величественные своды храма, оглашавшіеся стройно пѣтою молитвою Богоматери *Братской*, и поклонился предъ чудотворнымъ ея образомъ. Народъ сильно тѣснился вокругъ образа, возсылая мольбы къ Небесной защитницѣ нашей.

Прекрасный иконостасъ Собора исправляется. Высокіе лѣса загораживали его красоту, однако же вполнѣ представился взору моему, надъ царскими вратами кипарисный крестъ Іерусалимскаго Патріарха Ѳеофана, коимъ онъ благословилъ, въ 1620 году, Братство и школы, и который былъ поднесенъ ему Царицею Волошскою, Нѣгою въ 1600 году, когда Ѳеофанъ былъ еще Митрополитомъ.

Въ числѣ именъ главныхъ покровителей и создателей монастыря и школъ Братства находится имя Запорожскаго Гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго.

Напомню читателямъ моимъ, что не Гетманъ Петръ, а Григорій Сагайдачный, бывшій кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи прославляется въ пѣснѣ: «що промѣнявъ жинку, на тютюнъ да люльку.»

Петръ Сагайдачный, ревностный поборникъ Православія и ненавистникъ Уніи и Іезуитовъ, чрезвычайно много сдѣлалъ для Братства; онъ безпрестанно ходатайствовалъ у Короля о возвращеніи насильно отнятыхъ правъ Іезуитами у Православныхъ; просилъ за вѣрную свою службу и службу казаковъ свободнаго отправленія Православныхъ требъ и Богослуженія и уничтоженіи Уніи,—но слезнымъ просьбамъ Гетмана и казаковъ не внимали Латинцы;—тогда гордые своимъ мечтательнымъ величіемъ они не могли предвидѣть, что неисполненіе этихъ справедливыхъ просьбъ и требованій вовлечетъ ихъ въ конечную гибель.

Возвратясь изъ Московскаго похода, въ 1619 году Сагайдачный въ десятый разъ повторилъ Королю Сигизмунду просьбу о возстановленіи правъ Православія въ областяхъ Югозападныхъ, и это было вотще. Тогда знаменитый воспитанникъ Острожскаго училища, Сагайдачный, пишетъ сочиненіе противъ Уніи, названное Канцлеромъ Сапѣгою, въ письмѣ къ Іосифу Кунцевичу *предрагоцѣннымъ* сочиненіемъ, и тайно отъ польскаго правительства возстановляетъ духъ Запорожцевъ и всего казачества противъ враговъ Православія. Видя, что Братское училище становится единственнымъ разсадникомъ, въ этой части Россіи, Православія и народности, онъ жертвуетъ своимъ состояніемъ въ пользу школы и храмовъ Братства, и обращаетъ на этотъ святой

союзъ вниманіе православныхъ своихъ соотечественниковъ; приглашаетъ ихъ въ Кіевъ, и, ежегодно съ открытіемъ весны, спѣшатъ изъ Восточной Украины и Запорожья съ богатыми дарами тысячи казаковъ и Запорожцевъ въ Братство, и жертвуютъ они богатствами, чтобы только вписать имена свои въ число именъ поборниковъ Православія, и, въ храмѣ Братства, клянутся они предъ чудотворнымъ образомъ Богородицы быть вѣрными защитниками вѣры и отчизны и положить животъ свой на полѣ брани съ врагами Православія. Не разъ послѣ этого, предъ алтаремъ Богоявленской церкви, освящалось и окроплялось святою водою бранное оружіе казаковъ, тайно и явно поднимавшееся на враговъ Вѣры Православной и этимъ-то оружіемъ казаки низложили своихъ притѣснителей, утвердили повсемѣстно Православіе и восторжествовали, принявъ присягу и совершивъ крестное цѣлованіе въ градѣ Всеволода.

Сагайдачный, узнавъ о возвращеніи Іерусалимскаго Патріарха Ѳеофана изъ Москвы, гдѣ онъ 23 Іюня 1619 года посвятилъ на Патріаршій престолъ Филарета Никитича отца Михаилова, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу въ Густынскую обитель *), въ то время только что устроенную, и пригласилъ Ѳеофана въ Братство Богоявленское, коего Гетманъ былъ ктиторомъ.

(* Полтавской губерніи, Прилукскаго уѣзда.

Кому изъ просвѣщенныхъ читателей неизвѣстна любовь и преданность казаковъ и воиновъ Запорожскихъ къ православному духовенству? Кто не помнитъ какъ Запорожцы торжествовали каждый разъ пріѣздъ въ Сѣчь ихъ какого либо Архіерея, и кто незнаетъ, какую важную степень занимало Кіевское Братство въ судьбѣ Запорожья? Сколько ежегодно воспитанниковъ Братства становилось со священнымъ оружіемъ въ рукахъ въ ряды воиновъ Запорожскихъ и гетманскихъ, на защиту Православія, и сколько опять возвращалось ихъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, утомленныхъ бранными подвигами, принять санъ монашескій въ Братскомъ и другихъ монастыряхъ. Конечно, каждый можетъ заключить, какъ пріятенъ былъ Запорожскому Гетману и православному казачеству, такой гость, какъ Патріархъ Ѳеофанъ.

Вся Малороссія, все православное населеніе Польши, знатное и незнатное, богатое и бѣдное стеклось, въ тотъ годъ, въ Кіевъ въ Братство, за благословеніемъ Патріаршимъ. Тогда то Святитель этотъ видѣлъ страдальческія, кровавыя слезы православнаго народа, жестоко угнѣтаемаго и терзаемаго кознями Уніатовъ. Тогда то много было думъ и совѣщаній у всѣхъ людей православныхъ, было много думъ и у Іезуитовъ, гнѣздившихся въ разныхъ мѣстахъ Кіева.

Въ то же время Польша, претерпѣвшая пораженія отъ Турокъ, имѣла нужду въ такомъ полководцѣ,

каковъ былъ Сагайдачный. По призыву Короля, онъ изъ Кіева ѣдетъ въ Варшаву, оставляя въ Братствѣ Патріарха; принимаетъ королевское повелѣніе быть военачальникомъ надъ всѣми казачьими войсками и, возвратясь въ Кіевъ, успѣлъ уговорить Патріарха поставить Митрополита и Епископовъ на мѣста, занятыя Уніатами и 6-го Октября 1620 года, въ четвергъ, этотъ Патріархъ съ Митрополитомъ Софійскимъ Неофитомъ и Епископомъ Стагонскимъ Авраміемъ, посвящаетъ на Епископство Перемышльское Исаію Копинскаго, вызваннаго изъ пятнадцатилѣтняго отшельничества въ пещерѣ Антоніевой, на устроеніе Густынской обители, находящейся неподалеку отъ города Прилукъ, въ Полтавской губерніи, и три года бывшаго Игуменомъ Межигорскимъ, а на третій день, послѣ этого, въ Воскресеніе, 9-го Октября, въ Великой Печерской церквѣ, совершилось посвященіе въ Митрополиты Кіевскіе, Игумена Михайловскаго монастыря Іова Борецкаго.

На другой годъ, то есть въ 1621 году, послѣ отъѣзда Ѳеофана, лѣтомъ, Сагайдачный выступилъ въ походъ. На первомъ же шагу онъ съ малочисленнымъ войскомъ своимъ разбилъ Турокъ у Хотина. Замѣтимъ, что въ это же время въ польскомъ войскѣ былъ воеводичь земель молдавскихъ, воспитанникъ Парижскаго Университета Петръ Семеновичъ Могила, двадцати четырехъ лѣтъ, чрезъ четыре года принявшій санъ монашескій въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Въ Хотинскую войну Сагайдачный былъ жестоко раненъ. Ни *щирозлотный канакъ*, на фіолетовой лентѣ, украшенный королевскимъ портретомъ, обдѣланнымъ въ рубины, и польскимъ гербомъ, украшеннымъ сапфирами, надѣтый Королевичемъ Владиславомъ на шею Гетмана, не могъ возвратить ему потеряннаго здоровья. Простоявъ три недѣли подъ Хотиномъ, Сагайдачный прибылъ въ Кіевъ безъ торжественной встрѣчи. Жена его Анастасія изъ фамиліи Повченскихъ встрѣтила его едва живаго.

Въ теченіи остальной пятимѣсячной страдальческой жизни знаменитый Гетманъ Сагайдачный помышлялъ единственно о утвержденіи Православія въ его отчизнѣ; обратилъ все вниманіе на Кіевское Братство, вновь сдѣлалъ значительныя пожертвованія въ пользу училища и церквей, назначилъ женѣ опекунами Митрополита Іова и Гетмана Олифера Голубя; совершилъ Христіанскіе обряды и окончилъ жизнь 10-го Апрѣля 1622 года, какъ записано въ старинномъ помянникѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Погребенъ въ Братскомъ монастырѣ, при училищной церкви. Надъ гробомъ его двадцать студентовъ произносили стихи, а на камнѣ, лежавшемъ на могилѣ его, была вырѣзана слѣдующая надпись:

Тутъ зложилъ Запорожскій Гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ раненный на войнѣ: для волности
Отчизны, когда нань Турцы моцно натирали,

И пострѣловъ смертельныхъ килка му задали:
Которыми зраненый, живота доконалъ.
Вѣры Богу, и Королю, и войску доховалъ.
И умеръ боронячи міра ойчистаго:
За што узычь му, Творче, неба вѣчистаго,
Яко ревнителю вѣры благочестивой,
Въ который бывъ выхованъ зъ молодости своей.

Року тысяча шесть сотъ двадесятъ втораго
Погребенъ въ монастырѣ Братства Кіевскаго.
На который тысячи килка офѣровалъ.
А же бы тамъ науки фундовано жадалъ.

По постройкѣ каменной Богоявленской церкви, могила Сагайдачнаго вѣроятно вошла въ предѣлы этой новой церкви, и поэтому въ настоящее время она неизвѣстна.

Крестъ, оставленный Братству Сагайдачнымъ, и донынѣ хранится въ ризницѣ Собора. Ручной крестъ этотъ серебряной вызолоченъ; на рукояти его надпись: Року 1622 далъ сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ Сагайдачный, Гетманъ войска его К. М. Запорожскаго, до церкви Святаго Богоявленія Господня, въ домъ Братскій на отпущеніе грѣховъ своихъ.

Исполненный воспоминаніемъ о ревностномъ сподвижникѣ Православія, славномъ Гетманѣ Сагайдачномъ, я отслушавъ литургію, задумчивый о бѣдствіяхъ, совершившихся нѣкогда въ этомъ краѣ, вмѣстѣ съ прочими молившимися оставилъ Братскій монастырь.

Въ то время былъ одинадцатый часъ утра, я пошелъ на торговую площадь Подола. Вдали у водомета Сампсоніева, передо мною видѣлось множество раскрытыхъ парусинныхъ парасолей, сѣраго, бѣлаго и синяго цвѣтовъ; они были привязаны къ длиннымъ палкамъ, утвержденнымъ подлѣ зеленыхъ столиковъ, на коихъ разложены разные мѣлкіе предметы торговли, производимой здѣсь женщинами, укрывающимися, отъ солнечныхъ лучей и дождя, подъ этими зонтиками. На столахъ предъ женщинами разложены: кипарисные образки, крестики, оловянныя и мѣдныя иконки, такіе же крестики, стеклярусъ, пронизки, бисеръ, искуственные, но не искусно сдѣланные, увязы, и другія вещицы. Всѣ эти предметы привлекаютъ значительное число богомолокъ и среди ихъ всегда множество покупателей.

Обошедъ ряды торговокъ, я вошелъ подъ каменный изящный навѣсъ, устроенный надъ водометомъ Сампсоніевымъ. Здѣсь за колонами отдыхали и обѣдали богомолки, совершивъ поклоненіе въ храмахъ Стараго города. Нѣкоторыя изъ нихъ почерпали воду и на мысль мнѣ пришла Евангельская Самарянка: да, подумалъ я, и эти утружденныя странницы, испивая струю Сампсоніева водомета, пьютъ вмѣстѣ и струю благодатную, пролитую намъ Христомъ Спасителемъ, въ Кіевѣ. Съ этими мыслями благоговѣя, я приблизилъ къ устамъ моимъ сосудъ скудельничій, поданный мнѣ юною богомолкою, и

испилъ свѣтлую кристальную воду благословеннаго источника.

Я остановился за дальнею колонною и долгое время слушалъ умнаго разскащика, кажется, также изъ числа поклонниковъ Кіевской Святынѣ, о памяти прошедшаго, и живо сохранилъ въ умѣ моемъ его простой, но вѣрный взглядъ на вещи.

На углу гостиннаго двора, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ водомета, замѣтилъ я лавки съ иконами и разными вещами церковными. Любопытствуя ближе узнать современное состояніе Кіевскаго иконописанія,—рожденнаго въ отечествѣ нашемъ отъ иконописанія Византійскаго, я пошелъ въ эти лавки.

Съ принятіемъ Христіанской вѣры отъ Грековъ первые русскіе Православные отъ Грековъ же, изъ Византіи, принесли въ Кіевъ образа Византійскаго письма. Этими образами украшались первыя Кіевскія церкви и пещеры благочестивыхъ отшельниковъ. Съ принятіемъ Христіанства Св. Ольгою, получившею для церкви Св. Софіи иконы отъ Патріарха, по свидѣтельству Іоакимовской лѣтописи, а потомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ, который «поима съ суды церковныя, иконы на благословеніе себѣ» *), сокровища церковныя значительно увеличились, а въ особенности же по призваніи Владиміромъ въ 989 году изъ Греціи каменщиковъ, иконописцевъ и

*) Пол. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 50.

разныхъ другихъ мастеровъ, необходимыхъ для сооруженія Христіанскихъ храмовъ. Тогда-то иконописцы греческіе писали иконы въ большомъ числѣ и безъ сомнѣнія искусству своему, по распоряженію же Великаго Князя, научали способныхъ изъ тогдашнихъ Кіевлянъ. Такъ возникла школа Кіевскаго иконописанія,—школа сначала совершенно сходная съ Византійскою. Имена этихъ первыхъ распространителей Византійскаго иконописанія не переданы намъ лѣтописцами.

Во второй половинѣ XI вѣка начинаетъ чудодѣйственно воздвигаться, «Небеси подобная церковь».... Кіево-Печерская каменная церковь, по записи Кіевскаго Синопсиса,—«Вся бо отъ злата мусіею, сирѣчь, каменьями позлащенными, узорами и пестротинами различными предивно бяше высожена, и иконами прекрасно росписана.»—Къ преемнику Игумена Стефана, Никону въ 1083 году, пришли изъ Константинополя иконные писцы, чудно нанятые тамъ явившимися имъ, усопшими Начальниками Кіево-Печерскаго монастыря, Преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ. Тогда была привезена изъ Греціи купцами мусія, долженствовавшая украсить Печерскую церковь. Иконописцы эти, по словамъ Поликарпа, «изъ Царяграда Божіимъ изволеніемъ и Его Пречистыя Богоматери приведены быша нуждью съ лодію писати церкве Печерскія,—имѣли учениковъ, въ числѣ

коихъ, преданъ бываетъ блаженный Алимпій, родителема своима на ученіе писанія иконамъ.»

Вотъ каково было начало иконописнаго искусства въ Кіевѣ. Съ того времени оно малу по малу распространилось чрезъ учениковъ Алимпія съ образцовъ Византійскихъ и копіи Алимпія, и наконецъ получило свое особое измѣненіе, составляющее и нынѣ рѣзкое отличіе отъ прочихъ школъ русской иконописи.

Съ распространеніемъ Христіанства въ земляхъ русскихъ, съ увеличеніемъ числа храмовъ Божіихъ потребовалось значительное число иконъ и посему родилась необходимость въ большемъ числѣ иконописцевъ и разумѣется въ образцахъ святыхъ изображеніи, съ коихъ иконописцы списывали бы иконы. И эта нужда, хотя отчасти, удовлетворилась возникшимъ въ 1616 году въ Кіевѣ книгопечатаніемъ, когда въ 1619 году была издана въ Кіевской Типографіи первая книга съ 18 изображеніями разныхъ Святыхъ: подъ заглавіемъ *Анѳологіонъ* *). Всѣ эти изображенія заимствованы были изъ образцовъ Византійскихъ; наконецъ чрезъ два года въ 1620 году, является другая книга: *Номоканонъ* **), украшенная

*) Книга эта издана въ листъ. Переведена съ Греческаго Михайловскимъ Игуменомъ Іовомъ Борецкимъ, поправлена Захаріею Копыстенскимъ и Памвою Берындою. М. К. Т. 1850 года стр. 120.

**) Въ 4 находится въ публичной библіотекѣ сочин.

изображеніемъ св. Креста и Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Изображенія эти были уже нарисованы и вырѣзаны русскими художниками.

Таково было начало въ отечествѣ нашемъ иконописанія и рѣзьбы на деревѣ—*политипажей*, съ изображеніемъ Святыхъ русскихъ Преподобныхъ иноковъ. Почти современно появилось въ Кіевѣ съ иконописаніемъ и стѣнописаніе, впервые на стѣнахъ церкви Десятинной, потомъ въ Софійскомъ Соборѣ, въ Лаврѣ, въ храмѣ Михайловскомъ и затѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Я побывалъ во всѣхъ лавкахъ и лавочкахъ, гдѣ видѣлъ иконы, писанныя масляными красками, кипарисныя съ разными изображеніями, ручные кресты, которые по древнему обычаю здѣшняго края, даютъ, въ лѣвую руку покойнику, при погребеніи; небольшіе крестики, лампады, ладонки и другія вещи. На Подолѣ такихъ лавокъ болѣе двадцати. Иконописаніе и производство вещей, относящихся къ нашей религіи, составляетъ, кажется, главный предметъ занятій Кіево-Подольскихъ мѣщанъ. Мнѣ сказывали, что болѣе двухъ сотъ человѣкъ занимаются иконописаніемъ и издѣліемъ крестовъ, крестиковъ и образковъ изъ разныхъ матеріаловъ, но къ сожалѣнію, я ни въ одной лавкѣ не нашелъ иконъ хорошей живописи; видѣнныя же мною изображенія не заключаютъ въ себѣ ни правильности рисунка, ни другихъ художественныхъ условій.

Иконы, вырѣзанныя на кипарисныхъ досточкахъ и украшенныя фольгою, а также небольшіе крестики, съ изображеніями: съ одной стороны Распятія, съ другой Богородицы, работы весьма хорошей.

Любопытно замѣтить, что подобныхъ крестиковъ въ день одинъ рѣзчикъ изготовляетъ отъ шести до восьми. Въ Кіевѣ занимающихся изготовленіемъ однихъ крестиковъ болѣе тридцати человѣкъ. Среднимъ числомъ каждый изъ нихъ изготовитъ въ годъ (т. е. въ 250 рабочихъ дней) до 1750 крестиковъ, а 30 человѣкъ до 52,500 крестиковъ. Крестиковъ же простой отдѣлки, кои, вмѣсто рѣзныхъ изображеній, украшенны фольгою, навѣрное выдѣлывается впятеро болѣе. Всѣхъ вообще мѣлкихъ вещицъ: крестиковъ и иконокъ расходится въ Кіевѣ, въ годъ, среднимъ числомъ на 3 тысячи рублей серебромъ. Крестиковъ по числу 80,000 богомольцевъ, расходится болѣе 240,000. Въ 1851 году, по частнымъ моимъ свѣдѣніямъ, однихъ иконъ разошлось болѣе нежели на 8000 рублей серебромъ. Въ колокольнѣ Братскаго монастыря находится прекрасная иконная лавка купца Никитина, гдѣ преимущественно продаются финифтяные образки. Во всѣ прочія лавки и на столики изъ этой лавки покупаются эти иконки. Иконныя лавки находятся при всѣхъ большихъ церквяхъ, въ Кіевѣ. Вообще сбытъ вещей, чтимыхъ Православными, въ Кіевѣ чрезвычайно значителенъ.

Но объ немъ до сего времени нѣтъ вѣрныхъ статистическихъ чиселъ.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ на Востокѣ, и даже въ Іерусалимѣ, писаніе иконъ принадлежитъ единственно церквямъ. Каждая икона пишется по древнему Византійскому образцу; цензируется настоятелемъ монастыря и по одобреніи поступаетъ въ иконную при церквѣ лавку. Иконописцы по большой части тамъ иноки. Они за трудъ свой получаютъ вознагражденіе, жертвуя нѣсколько процентовъ на поддержаніе лавки и монастыря.

Ручей, извивающійся по глинистому дну глубокаго оврага, отъ коего онъ и получилъ свое названіе Глубочица, раздѣляетъ нагорныя возвышенія Стараго Кіева отъ горы Щекавицы. Почти противъ Щекавицы на правомъ берегу Глубочицы, по возвышеніямъ, расположенъ обширный садъ Г. Дикаго. Въ одинъ вечеръ знакомые пригласили меня и брата, насладиться пріятнымъ мѣстоположеніемъ этого сада. Въ самомъ дѣлѣ, расположеніе его прекрасно; богатыя куртины плодовыхъ деревъ, составляютъ главное достоинство сада. Виды съ верхней его части, на Житомирскую дорогу—живописные: вдали видѣнъ лагерь, налѣво строющійся Кадетскій корпусъ, направо пригородное поселеніе, а за всѣмъ этимъ прекрасная зелень казенныхъ лѣсовъ, примѣрно содержимыхъ и устроенныхъ въ этой части Кіевскаго уѣзда. Въ саду Дикаго, послѣ продолжительной про-

гулки, мы пили чай подъ тѣнью развѣсистаго греческаго орѣха; здѣсь изобиліе въ деревьяхъ такого рода и разведена прекрасная плантація винограда. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ мною въ прекрасномъ саду, на долго останутся въ моей памяти. Любителямъ прогулокъ въ садахъ рекомендую прекрасный садъ Г. Дикаго; я вполнѣ увѣренъ, что они проведутъ здѣсь нѣсколько часовъ съ душевнымъ наслажденіемъ.

III.

Видъ на Старый Городъ.—Первая церковь, созданная Св. Владиміромъ.—Копыревъ конецъ.—Зборичевъ взвозъ.—Чертово беремище.—Уздыхальница.—Пасыничная бесѣда.—Казары.—Путь къ храму Андрея Первозваннаго.—Монастырь Св. Самсона.—Мѣсто Іезуитской школы.—Восхожденіе на террасу Андреевскаго храма.—Видопись Кіево-Подола.—Картина Заднѣпровья.—Братскій монастырь.—Греческій.—Ближайшія церкви къ Днѣпру.—Бульваръ.—Александровская улица.—Введенская церковь.—Клятвы Великихъ Князей въ идолопоклонствѣ.—Волосъ богъ скотовъ.—Церковь Николая Добраго.—Церковь Успенія Богоматери.—Церковь Николая Притиска.—Улица Кириловская.—Петропавловскій монастырь.—Флоровская обитель.—Гора Киселевка.—Воздвиженская церковь.—Житній торгъ и торговище Подольское.—Божница Новогородская.—Исторія Подола.—Его торговля.—Заключеніе.—

Изъ оконъ квартиры моей, находящейся на Подолѣ, вблизи церкви Константина и Елены, открывается очаровательная, скажу вѣрнѣе, лѣтописная панорама Стараго Кіева, горы Киселевки и пресловутой могилы Вѣщаго Олега на Щекавицѣ или,

по нынѣшнему, *Скавикъ*. И далѣе, панорама эта оканчивается склономъ незаселенныхъ и дикихъ нагорныхъ возвышенностей, тянущихся къ бывшему Кириловскому монастырю, основанному, по преданію, дочерью Всеволода 1-го, Маріею, бывшею въ супружествѣ за польскимъ королемъ Казиміромъ.

Часто, очень часто, любуюсь я этою завѣтною видописью, и тогда память развертываетъ предо мною длинный свитокъ минувшихъ событій вѣковѣчнаго Кіева, тѣсно связанныхъ съ жизнію всей Россіи.... И повѣрьте, я не промѣняю моего уединеннаго угла на великолѣпный дворецъ Венеціянскаго Дожа, изъ оконъ котораго открывается, можетъ быть, привлекательнѣйшій и даже волшебный видъ на свѣтлое море, на прозрачную синеву дали и роскошные гондолы, качающіяся на волнахъ, среди одѣтой мраморомъ, живописной пристани. Подобные виды чаруютъ взоры, но мало въ нихъ пищи для разсудка и для души..... Я наслаждаюсь другими видами: святые храмы, историческія мѣста, пустынные, даже и дикіе утесы съ могильными памятниками и крестами— символами нашего спасенія, приковываютъ взоръ мой; но какъ краснорѣчива повѣсть каждаго шага земли въ предѣлахъ вѣковѣчнаго Кіева.

Да, я живу завидною жизнію — жизнію многовѣковою; въ воображеніи моемъ событія тысячелѣтія повторяются со всѣми ихъ подробностями; въ памяти моей все оживаетъ, все я знаю, все вижу; каждый

храмъ, каждый камень, уцѣлевшій отъ минувшихъ вѣковъ, каждый холмъ, словомъ, все говоритъ мнѣ о минувшемъ, хотя безмолвно, но краснорѣчиво.

Изъ трехъ братьевъ, основателей Кіева, Кій избралъ въ удѣлъ свой гору, занимающую средину въ числѣ прочихъ нагорныхъ возвышенностей нынѣшняго Кіева. На этой горѣ онъ построилъ свое жилище и поставилъ кумиры.

На эту-то часть Кіева, на колыбель нашей русской славы, обращаю нынѣ взоръ мой, изъ уединеннаго жилища моего, и вижу, величественно возносящіе къ небу куполы свои, три знаменитые храма: пяти-купольный храмъ Десятинный очерчивается съ правой стороны отдѣльно отъ прочей массы церквей Старокіевскихъ, смѣшанныхъ далью и разстояніемъ, своими куполами. Храмъ Первозваннаго Апостола возносится къ небу легкими серебренными куполами своими, съ самой высшей и съ самой крайней точки удѣла Кія. Онъ кажется виситъ надъ Подоломъ, владычествуетъ надъ всѣми прочими храмами Кіевскими. И прежде всего взоръ вашъ останавливается на этомъ храмѣ, и прежде прочихъ событій древности приходитъ на память пророчество Апостольское о судьбѣ Кіева, предшествовавшее его основанію.

Этотъ храмъ какъ бы занимаетъ средину величественнаго ландшафта, представляющагося на горѣ Старокіевской. Налѣво виднѣются золотые куполы

монастыря Святополка и зеленый куполъ Трехсвятительской церкви, воздвигнутой первоначально Великимъ Княземъ Владиміромъ, на мѣстѣ капища Перунова, въ память своего Христіанскаго имени Василія.

Отъ двухъ храмовъ великаго просвѣтителя отечества нашего остатки сохранились и до нашихъ дней: отъ церкви Василія и храма Десятиннаго.

Тщетно стараются изыскатели Кіевскихъ древностей согласить разнорѣчивыя сказанія лѣтописцевъ о времени построенія первыхъ церквей Владиміромъ въ Кіевѣ. Степенная книга называетъ старѣйшею церковью построенную Владиміромъ во имя мученика Турова, гдѣ нынѣ памятникъ крещенія сыновей просвѣтителя Руси. Лѣтопись Воскресенская и Временникъ Софійскій первою церковью именуютъ св. Георгія, а потомъ созданную греческими художниками—Десятинную. Въ описаніи Кіево-Софійскаго Собора, первоначальными церквями Владиміра означены Васильевская и Десятинная: «И на томъ мѣстѣ, идѣже нынѣ кумиръ Перунъ быша, церковь святаго Василія во имя на крещеніи святомъ себѣ данное созда» *).

Познавъ Бога истиннаго, святой Князь Владиміръ повелѣлъ истребить языческіе истуканы и капища идольскія. Истребленіе это, сколько можно предполагать, было совершено безъ замедленія; и

*) Кіев. Синопс.

въ одно время свержены всѣ боги языческіе, чтобы не дать народу, закоснѣвшему въ идолопоклонствѣ, пребывать въ заблужденіи на дальнѣйшее время. И истребивъ истукановъ, окрестивъ въ волнахъ днѣпровскихъ Русь, Великій Князь конечно прежде всего долженъ былъ создать храмъ живому Богу. Гдѣ же приличнѣе было создать этотъ храмъ, какъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ до этого стоялъ страшный язычникамъ Перунъ. Надобно же было, съ одной стороны заставить еще притекавшихъ къ этому мѣсту идолопоклонниковъ, необратившихся въ Христіанство, закоренѣлыхъ въ язычествѣ, боявшихся гнѣва ниспровергнутаго Перуна, хотя невольно поклоняться храму Бога истиннаго; а съ другой,—для новыхъ Христіанъ, на мѣстѣ ложнаго бога, поставить церковь живому Богу, дабы безкровными жертвами искупить прежнія кровавыя жертвы язычества.

По небольшему оврагу, и нынѣ еще существующему и отдѣляющему холмъ, на коемъ высится храмъ Первозваннаго, или древній *Копыревъ конецъ*, отъ храма, гдѣ въ давноминувшіе вѣка находилось жилье Кія, въ древности существовало *путище*—дорога, упоминаемая лѣтописцами подъ названіемъ Зборичева или Боричева взвоза. Этою дорогою, отъ жилья князя Полянскаго, съѣзжали на *Подолье*, къ пристани, находившейся въ заливѣ днѣпровскомъ, или, вѣрнѣе, на Ручаю, то есть Почайнѣ, впадавшей въ то время въ Днѣпръ, у того мѣста, гдѣ нынѣ

красуется въ удольѣ, памятникъ крещенія сыновей Великаго Князя Владиміра.

Взвозъ Зборичевъ, заросшій деревьями и кустарниками и частію къ *Уздыхальницѣ* застроенный ветхими, деревяными постройками и загороженный оградами, раздѣляющими нагорные участки, принадлежащіе различнымъ владѣльцамъ, — примѣтенъ и нынѣ каждому изслѣдователю древней топографіи Кіева. По этому историческому путищу, въ настоящіе дни не восходятъ уже съ Подолья къ теремамъ Великокняжескимъ, можетъ быть, въ одно время исчезнувшимъ съ лица земли съ заглогшимъ Зборичевскимъ взвозомъ, по коему былъ стащенъ языческій богъ грома и молній и низвергнутъ въ волны днѣпровскія: «Перуна повелѣ Владиміръ привязати коневи ко хвосту, и влекущи съ горы по Зборичеву, на ручай.»

Народъ русскій, познавъ въ прежнемъ идолѣ бездушнаго истукана, а не страшнаго бога, по свидѣтельству Синопсиса, назвалъ путь, по коему совлеченъ Перунъ,—*Чортовымъ беремищемъ:* «Идола егда влекоша вѣрныи съ горы утопити въ Днѣпръ біюще его несчадно... и отъ туда дорогу ту съ горы нижаѣ монастыря Златоверхо-Михайловскаго нарѣкоша древле *Чертово-беремище,* си есть тяжко черту.» Но не всѣ въ то время Кіевляне признавали въ Перунѣ чертово беремище, были и такіе, которые взирая съ сосѣдней горы на участь Перуна, вздыхали объ

участи своего бога, и съ той поры отрогъ горы Старокіевской, на которой стояли вздыхатели, проименовался горою *Уздыхальницею*.

У подошвы этихъ двухъ отроговъ горы Старокіевской и далѣе къ удѣлу Щека, по Подолью, гдѣ нынѣ проходятъ улицы, въ древности находилось поселеніе, именовавшееся *Пасыничною бесѣдою* и жилье Казаръ, пріютившихся въ удольяхъ. Жилье это было здѣсь съ незапамятныхъ вѣковъ. Казары собирали дань съ жителей приднѣпровскихъ и, будучи покорены Аскольдомъ и Диромъ, вѣрно служили имъ, водили ихъ и Олега, на челнахъ своихъ, къ стѣнамъ Византіи. Быть можетъ Кіевское поселеніе Казаръ была малая колонія Казаръ, обитавшихъ у пороговъ днѣпровскихъ, впослѣдствіи принявшихъ проименованіе Запорожскихъ казаковъ.

Путь мой къ удѣлу Кія пролегалъ по концу *Копыреву*, собственно по длинному и тяжелому взвозу Анреевскому, и въ древности существовавшему: «И ѣха (Романъ Князь Галицкій) со всѣми полки къ Кіеву, и отвориша ему Кіяне ворота Подольскія въ *Копыревѣ концѣ*, въѣхавъ въ Подолье.» Кто же укажетъ, гдѣ находились эти ворота, которыми Романъ водилъ Рюрика и Ольговичей ко кресту? Ворота замѣчательныя, по ознаменовавшему ихъ событію. Записи лѣтописцевъ и свѣдѣнія позднѣйшихъ писателей, неопредѣляютъ съ точностію ихъ мѣсто нахожденія. Но гдѣ же имъ приличнѣе было находится,

какъ не у подошвы горы Кія, гдѣ два *путища*, пролегавшіе къ Перуну и жилью княжескому, по Зборичеву и Уздыхальницѣ, или собственно Копыреву концу, соединялись въ одно, ведшее къ пристани Подольской, на ручаю.

Время и рука человѣка быстро изглаживаютъ съ лица земли слѣды прошедшаго, нерѣдко, не дорожа самимъ драгоцѣннѣйшимъ остаткомъ древняго памятника, уничтожаютъ его, удовлетворяя этимъ потребности настоящаго вѣка Безъ сомнѣнія каждый шагъ отъ жилища моего къ Копыреву концу событія давноминувшихъ вѣковъ ознаменовали чѣмъ либо достопримѣчательнымъ; но опять повторю гдѣ искать всего минувшаго, кто передастъ въ подробности повѣсть временную?....

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей.....

Подъ наитіемъ священныхъ думъ о давноминувшей жизни вѣковѣчнаго Кіева приближался я ко взвозу Андреевскому, и тихо подымаясь на вершину, обозрѣвалъ отдѣльную нагорную возвышенность, частію разрытую постройками; на вершинѣ коей, еще въ началѣ прошедшаго вѣка, видны были развалины древняго монастыря св. Симеона, названнаго лѣтописцемъ монастыремъ отца и дѣда Игорева. Любопытна повѣсть страданія инока Игоря, изображенная лѣтописцемъ: возмутившіеся Кіяне толпами стеклись къ монастырю Ѳеодоровскому,

въ которомъ Игорь былъ въ схимѣ. Князь Владиміръ Мстиславичь сѣлъ на коня и помчался къ монастырю Ѳеодоровскому, спасти Игоря, но толпы воспрепятствовали ему и онъ «увороти конъ направо, мимо Глѣбовъ дворъ, и ускорити хотя, и не успѣ. Кияномъ же пришедшимъ въ монастырь св. Ѳеодора убити князя инока Игоря Олговича, и обретоша его во святей церкви стояща по бычаю на обѣдни..... И вземъ (Володимеръ Мстиславичь) князя икока Игоря Олговича, покры его ризою своею, глаголя Кияномъ: господіе и братіе Кияне мене убійте, а сего пощадтте. И введе его во дворъ матери своея. Кияне же начаша бити и пхати Князя Володимера Мстиславича. Князь Михалко же вскочи сконя, и нача помогаті Князю Владимеру Мстиславичю, и Князь Володимеръ Мстиславичь вомча во дворъ матери своея князя инока Игоря Олговича, і затвори врата, и возведе его на сѣни Кожуховы. Кияне же біюще Князя Михалка, и оборваша на немъ крестъ и чепи и гривны златыя, и притекше кдвору великіе княгини, и высекоша врата, и вшедше на дворъ, видѣша князя инока Игоря Олговича на сѣнехъ, и текше разбиша сѣні, и совлекоша его ссѣней и убиша... и убивше, поцѣпивше его южемъ за нозе, и влекоша его всквозе *Бабинъ торгъ*, таже на *великій* торгъ пришедше ко *мраморной церкви* Пречистыя Богородицы, и возложиша его на кола, и везше на подоліе, вергоша его нага на торговище.» Тысяцкіе

Лазарь и Рогуйло изъ торжища отнесли тѣло несчастнаго инока Игоря къ церкви св. Архангела Михаила и положили въ Новгородской божницѣ. Это было въ пятницу 19-го Сентября 1147 года, въ субботу же Митрополитъ Кіевскій Климентъ послалъ Игумена Ананія монастыря св. Ѳеодора, погребсти тѣло Игорево—«и облече его (Игоря) во одѣяніе подобающее инокамъ умершимъ, и отпѣвъ наднимъ обычныя пѣсни, яже о усопшихъ і пріиде страхъ и трепетъ на всѣхъ, иже вцеркви, и бѣжаша вси изъ церкви, и бысть громъ велій и молнія, и ста столпъ свѣтозаренъ надъ церковью отъ земли до небеси, и потрясеся земля, и устрашишася людіе, и восплакася глаголюще: Господи помилуй! И оскорбишася людіе на долгъ часъ, глаголюще: что се будетъ? Таже идоша вцерковь, и видѣша, возжгошася свѣщи наднимъ всѣ, и свѣтъ велій сіяюще, и благоуханія много, и удивишася вси. Таже помолившеся, унесоша его честно на конецъ града вмонастырь святаго Симеона, и тамо положиша его во гробе нове каменнѣ» *).

Въ настоящіе дни яркая ползучая зелень по вершинѣ изрытаго холма, да серебристыя песчаныя осыпи, по ребрамъ его, представляются взору путешественника, ничѣмъ не выказывая мѣста, ни древ-

*) Лѣт. Нест. спис. Никон. изд. 1767, на это изданіе я и впредь буду ссылаться.

няго монастыря св. Симеона, ни каменной гробницы благочестиваго страстотерпца Князя-инока Игоря, внука Святославова, правнука Ярославова и праправнука Князя Владиміра. Въ этомъ же монастырѣ упочилъ въ 1161 году 6-го Марта и Изяславъ III-й Давыдовичь. Древняя, Византійскаго письма икона Богоматери, предъ которою молился въ предсмертный часъ Игорь, и доселѣ нерушимо сохраняется въ святой Лаврѣ Печерской, въ предѣлѣ св. Іоанна Богослова, на сѣверной сторонѣ, у царскихъ вратъ, украшенная серебряною вызолоченною ризою съ золотою надписью о принадлежности ея Игорю.

Вотще искалъ я взорами этихъ святыхъ мѣстъ и, полный думъ о минувшемъ, съ умиленіемъ поклонясь къ сторонѣ, гдѣ была обитель св. Семіона, я побрелъ далѣе, восходя на крутую вершину Копырева конца.

По сказанію позднѣйшихъ нашихъ лѣтописателей, должно полагать, пониже мѣста монастыря Семіоновскаго, мѣсто существовавшей въ концѣ 16 столѣтія іезуитской школы, разливавшей обильныя струи ядовитаго своего ученія по обѣимъ Украинамъ, и губительно дѣйствовавшей на благосостояніе Кіево-Братскихъ школъ. Возсталъ герой Украины Богданъ Хмельницкій и мощною, рыцарскою рукою своею разрушилъ до основанія іезуитскую школу въ 1648 году, и самыхъ Іезуитовъ изгналъ изъ святаго града Владимірова.

И вотъ я стою уже на вершинѣ той завѣтной горы, откуда нѣкогда пронеслись пророческія слова Первозваннаго Апостола, просвѣтителя отечества нашего.

Предо мною развернулась дивная картина Заднѣпровья съ туманною далью, серебристый Днѣпръ съ заливами, озерами и рѣками, катящими въ русло его обильную дань воды, и многолюднаго Подола съ пригородными слободами, усѣяннаго зелеными куполами святыхъ храмовъ.

По чугуннымъ пятидесяти четыремъ ступенямъ взошелъ я на широкую террасу, окружающую храмъ Первозваннаго, возносящійся къ небу, съ самой крайней оконечности Копырева капища. На этой престольной высотѣ нѣкогда существовалъ каменный теремъ княгини Ольги, изъ коего она наблюдала, какъ несли въ ладьяхъ съ пышностію Древлянскихъ вельможъ, убійцъ ея мужа Игоря: — «Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего князя *Мала.*» Рѣчь ваша, мнѣ пріятна (отвѣчала Ольга), не воскресить мнѣ мужа моего! Завтра окажу должную вамъ честь. Теперь же возвратитесь въ ладью вашу и когда слуги мои придутъ за вами, велите имъ нести себя въ ладьи, на рукахъ. За симъ ископана была большая яма за дворомъ теремнымъ. На другой день княгиня послала слугъ за послами

древлянскими. Не хотимъ ни идти, ни ѣхать, несите насъ. Что дѣлать, готовы и на это! отвѣчали слуги посламъ. Мы невольники; Игоря нѣтъ, а княгиня наша хочетъ быть супругою вашего князя».

Послы сѣли въ ладью и слуги Ольгины съ пышностію понесли ихъ въ ладьѣ къ терему каменному, по узвозу Зборичеву. Кичась этимъ, послы не предвидѣли, что ихъ бросятъ въ изрытую за теремомъ яму и заживо погребутъ въ ней.

Невдалекѣ отъ храма Первозваннаго съ одной стороны, противуположной терассѣ, красуется церковь Десятинная, новой постройки, подражая древней архитектурѣ церквей греческихъ, на мѣстѣ мраморнаго храма Богородицы,—созданная первоначально Владиміромъ. Далѣе виднѣются куполы святой Софіи; а по другой сторонѣ, вполнѣ представляется взору небольшая каменная церковь Трехсвятительская, увѣнчанная зеленымъ куполомъ, а за нею блестятъ главы монастыря Михайловскаго, и очерчиваются вдали храмы и зданія другихъ частей Кіева.

О, какъ, ясно, какъ вразумительно, въ тотъ часъ, въ которой стоялъ я на терассѣ Андреевской, въ душѣ моей изъяснилось исполнившееся пророчество Апостола! «Видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быть, и церкви многи Богъ воздвигнути имать.» И по пророчеству этому, горы и нѣдра ихъ,

украсились храмами Господними; и на холмѣ, гдѣ Апостоломъ водруженъ крестъ, Царица могущественнаго царства русскаго, дочь Великаго Императора, собственными руками кладетъ камень въ основаніе храма Первозваннаго Апостола.

Умолкните невѣрящіе въ проповѣдь Апостола сего у горъ приднѣпровскихъ. Пророчество его сбылось, Кіевъ возвеличился, а вы посрамлены!

Пораженный величіемъ развернувшейся предо мною картины, провозвѣщенной Апостоломъ, я безмолвно стоялъ на пространной терассѣ храма, созерцая неизяснимую красоту очаровательной видописи, и вмѣстѣ съ этимъ, возобновляя въ памяти событія давно минувшихъ вѣковъ, протекшихъ надъ градомъ трехъ братьевъ, Князей Полянскихъ; удѣлы коихъ, съ престольной высоты Андреевской, представляются взорамъ во всей красотѣ и величіи.

Удѣлъ Кія вѣнчается златыми куполами древнихъ храмовъ. Удѣлъ Щека громадною горою возстаетъ надъ Подоломъ, набросивъ на него длинную тѣнь и увѣнчиваясь каменною церковью во имя Всѣхъ Святыхъ, окруженною многими надгробными памятниками и крестами почившихъ, гдѣ почилъ и Вѣщій Олегъ.

А тамъ, въ дали туманной, обрамленной стѣною чернѣющагося лѣса и широкимъ русломъ синяго Днѣпра, очерчивается длинная, какъ бы мысомъ выдавшаяся, гора Хоревица,—удѣлъ Хорева. Въ ясный

день лучи солнца озаряютъ церковь и часть зданій, обращенныхъ къ удѣлу Кія, села Вышгорода, построеннаго Вѣщимъ Олегомъ и доставшагося въ вѣно княгинѣ Ольгѣ.

Удѣлъ Кія: гора Старокіевская, гора Киселевка, занимающая средину двухъ удѣловъ князей, и наконецъ удѣлъ Щека, ограничиваютъ съ двухъ сторонъ Подолъ, съ третьей отъ вываемый пресловутымъ Днѣпромъ; и съ одной только стороны, отъ Хоревицы, Подолъ теряется вдали, за колонадою величественныхъ тополей и зданіями бывшихъ монастырей Іорданскаго и Кириловскаго; съ высоты Андреевской Подолъ вполнѣ представляется наблюдателю. Онъ весь у ногъ его. Каждая улица, каждый переулокъ, зданіе и ничтожная постройка, все вполнѣ очерчивается. Вотъ катится экипажъ, и я наблюдаю его направленіе по всему Подолу. Мнѣ остается навести подзорную трубку на любое окно и я увижу, что дѣлается въ комнатахъ дома.

Храмы подольскіе едва достигаютъ вершинами своими основанія Андреевской церкви. Какая высота! И помыслите же какая живописная панорама мѣстности развертывается предъ зрителемъ, съ этой престольной терассы. Для этой каѳедры надобно страшнаго гиганта, чтобы могъ проповѣдывать собравшимся окрестъ нея. Но какого искать приличнѣе проповѣдника, какъ не величественный храмъ Первозваннаго. Кто съ высоты сей проглаголетъ такую

утѣшительную истину, какую проглаголалъ самъ Апостолъ!... Храмъ Первозваннаго напоминаетъ ее каждому поклоннику.

Кипящій дѣятельною жизнію Подолъ, перерѣзывается на двѣ части бульваромъ, усаженнымъ тополями и липами, по сторонамъ канала, прорытаго отъ истока Кіянки и другой рѣчки Глубочицы. Ближайшая часть къ старому городу носитъ наименованіе подольской; часть дальнѣйшая именуется плоскою. Эта послѣдняя заселена въ позднѣйшее время.

Часть подольская рѣзко отличается отъ заканавной числомъ и изяществомъ построеній: церквей, разныхъ зданій и даже самою дѣятельностію.

Среди подольской части величественно красуется Богоявленскій Братскій монастырь съ его высокою колокольнею, церквями, академіею и другими зданіями. Нѣсколько вправо отъ Братства виднѣется уединенный монастырь греческій, во имя Екетерины, состоящій въ вѣдѣніи Синайской горы, откуда присылается сюда Архимандритъ *). За два дня предъ этимъ я посѣтилъ этотъ малый и уединенный монастырь, уповая прослушать въ немъ литургію на греческомъ языкѣ и осуществить въ памяти моей мою юность, когда я часто слушалъ греческое служеніе въ Нѣжинѣ; но надежда моя не сбылась.

---

*) Монастырь этотъ сооруженъ Грекомъ Астаматіемъ Николаевымъ въ 1738 году.

Служеніе въ Екатерининскомъ монастырѣ, за недостаткомъ монашествующихъ, совершается на славянскомъ языкѣ.

Съ благоговѣніемъ приблизился я ко входу небольшой Екатерининской церкви и, спустившись у дверей съ двухъ каменныхъ надгробныхъ плитъ, на которыхъ почти истерлись надписи, вошелъ въ храмъ. Отслушавъ литургію, я поклонился его святынѣ; на правой сторонѣ алтаря помолился я предъ изображеніемъ иконы Тихвинской Богоматери. Образъ этотъ былъ захваченъ Шведами въ Новгородѣ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, и до 1740 года пребывавшій въ Кавигановской кирхѣ абовскаго дистрикта; откуда сербскаго гусарскаго полка полковникъ Виктовичъ, въ бытность русскихъ войскъ въ Финляндіи, взялъ образъ этотъ и пожертвовалъ въ монастырь Екатерининскій. Таковое событіе описано на нижней части кіота, въ которомъ хранится образъ.

Обозрѣвая съ высоты Андреевскаго храма Подолъ и его святые памятники, направо отъ монастыря греческаго, надъ самимъ Днѣпромъ, видится церковь Рождества Христова. Каменный храмъ созданъ за сорокъ два года предъ этимъ на мѣстѣ древней церкви, построенной въ одно время съ Выдубицкимъ и Михайловскимъ монастырями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, въ древности, была пристань, къ которой шелъ узвозъ Зборичевъ.

Если вы будете въ Кіевѣ и посѣтите этотъ храмъ, незабудьте поклониться плащаницѣ, болѣе трехъ вѣковъ сохраняемой, съ 1545 года; она вся тканая. Изъ надписи на ней узнаете ея исторію. Она принесена въ Кіевъ изъ Молдавіи русскимъ солдатомъ.

За монастырями Братскимъ и греческимъ, очерчиваются почти надъ берегомъ Днѣпра куполы трехъ храмовъ: направо церковь Іоанна Предтечи, построенная въ 1691 году, на мѣстѣ древняго костела. За пятьдесять лѣтъ предъ этимъ, къ храму Крестителя пристроенъ придѣлъ во имя Бориса и Глѣба. Налѣво красуется прекрасная зодчествомъ однокупольная церковь Николая Набережнаго, построенная въ 1769 году, на прежнемъ своемъ древнемъ мѣстѣ. Писатели упоминаютъ объ этой церквѣ, говоря, что Кіевскіе Князья издревле имѣли къ ней особенное расположеніе.

По срединѣ этихъ двухъ храмовъ, изъ-за кровлей зданій видна церковь св. Пророка Иліи, также стоящая въ близкомъ разстояніи отъ берега шумнаго Днѣпра. Послѣднее построеніе этой церкви относится къ 1692 году. Преподобный лѣтописецъ говоритъ, что въ его время стояла: «надъ ручаемъ, конецъ пасынчѣ бесѣды и казарѣ, соборная церковь св. Иліи.» Судя по мѣстности, опредѣляемой Несторомъ, съ достовѣрностію можно положить, что нынѣшняя Ильинская церковь находится на древнемъ

своемъ основаніи и ошибаются тѣ изъ писателей *), которые полагаютъ, что сказаніе Преподобнаго Лѣтописца относится къ другой мѣстности, которую описатели Кіева отсылаютъ на ближайшее разстояніе къ горѣ Андреевской. Лѣтописецъ ясно говоритъ: *надъ ручаемъ церковь Иліи*, ручай же Почайна, а не Кіянка. Остается опредѣлить въ какомъ мѣстѣ надъ Почайнаю стояла эта церковь. Въ древности Почайна протекала вдоль Подолья, начинаясь съ того мѣста, откуда и нынѣ вытекаетъ и впадала въ Днѣпръ. У крещатинскаго памятника **), на правомъ берегу Почайны, у горъ Старокіевскихъ дѣйствительно была насыпча *бесѣда* и *казары*, а въ концѣ ихъ, у самаго берега ручая, стояла церковь. Чтобы повѣрить истину этого, остается сообразить лѣтописное сказаніе съ древнимъ теченіемъ ручая и мѣстностію пригорныхъ поселеній.

Существующія нынѣ церкви на Подолѣ почти всѣ построены на своихъ древнихъ мѣстахъ. Да и какая цѣль переносить основанія храмовъ съ мѣста на мѣсто. Все это даетъ поводъ заключить, что Ильинская древняя церковь, въ которой Христіане—

---

*) И. М. смот. Паломникъ Кіев. 1849.

**) Стояху (священники) при брезѣ на доскахъ, на рѣцѣ Почайнѣ усроенныхъ, идѣже при брезѣ нынѣ церковь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба. Синопс. изд. 2., ст. 50. И это опредѣляетъ теченіе Почайны.

Варяги, присягали исполнять въ точности статьи договора, заключеннаго въ 944 году Игоремъ съ Царями греческими, Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ, была на мѣстѣ нынѣшней же Ильинской церкви.

Вотъ ближе къ Братскому монастырю, одиноко стоитъ небольшая церковь Воскресенія Господня. Церковь эта напомнила мнѣ подвиги Кіевскаго Митрополита Іова Борецкаго, бывшаго при ней священникомъ. Нынѣшняя каменная церковь построена, въ 17 столѣтіи, вмѣсто ветхой деревяной (въ которой священнодѣйствовалъ Борецкій),—щедротами жителя Кіевскаго, Рудзинскаго.

Бульваръ, проходящій изъ торговой площади къ берегу Днѣпра, дѣлитъ Подолъ въ поперегъ, на двѣ части; улица же Александровская, низспускающаяся съ горы Александровской, дѣлитъ вдоль. Высокій утесъ этой горы, принадлежащій къ Старому Кіеву, носившій наименованіе *Крещатинскаго беремища,*—нѣкогда былъ покрытъ деревьями и принадлежалъ пану Кучинскому. Суевѣріе назначало на этомъ отрогѣ горъ обиталище нечистыхъ духовъ. Въ половинѣ 17 столѣтія Доминиканецъ Петръ Развадовскій, исчисляя урочища, коими владѣлъ Кіевскій Доминиканскій монастырь, написалъ: Грунтъ къ Днѣпру, за Бернардинами, подлѣ грунта Лейзора арендатора и садъ Кучовскаго, гдѣ слѣтались вѣдьмы.

Александровская улица, проходя мимо церкви Рождества, выходитъ на площадь, среди которой

построенъ въ 1810 году, каменный гостинный торговый дворъ, вмѣщающій пятьдесять двѣ лавки, водометъ Самисонія, съ опредѣленнаго времени, домъ контрактовый и деревянныя, нынѣ уже ветхія лавки, Она продолжается у контрактоваго дома, раздѣляя Подолъ и плоскую часть вдоль на двѣ части.

Въ ближайшей къ Днѣпру части я исчислилъ всѣ храмы. Остается мнѣ обратить взоръ на одну отдаленную малую деревянную церковь, угольчатые купола которой, покрытые зеленою краскою, видны среди ветхихъ деревянныхъ домиковъ изъ терассы Андреевской. Это церковь Введенія во храмъ Богородицы.

Сохранилось преданіе, что малый храмъ этотъ занимаетъ мѣсто, на коемъ при Вѣщемъ Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ стоялъ истуканъ хранителя стадъ—*Волосъ*. Предъ этимъ кумиромъ князья со всѣми сущими подъ руками ихъ, заключая мирные договоры съ Греками, клялись Перуномъ и Волосомъ въ точности исполнять постановленныя статьи, полагая предъ идолами на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные. «Аще ли оттѣхъ преже реченныхъ не сохранимъ, азъ же, и со мною, и подомною; да имѣемъ клятву отъ бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна, и въ Волоса скотья бога; и да будемъ злати, яко злато, и своимъ оружіемъ изсѣчены будемъ.» Такою клятвою запечатлѣлъ Святославъ договоръ свой съ Цимисхіемъ, Царемъ греческимъ и

съ дѣтьми Царя Романа, Василіемъ и Константиномъ Богодохновенными.

Предки наши клялись своимъ оружіемъ: «да будемъ изсѣчены собственными мечами;» полагая его обнаженное у подножія кумировъ Перуна и Волоса, вмѣстѣ съ щитами и *обрунами* *) Обрядъ этотъ замѣчателенъ по древности своей и какъ перешедшій изъ язычества въ Христіанство и существовавшій до позднѣйшаго времени. Гетманъ Наливайко и все его войско, предъ выступленіемъ въ походъ, сложили оружіе у алтарей и требовали освященія его, и, по окропленіи святою водою, всѣ клялись оружіемъ, не полагать его, доколѣ не будутъ побѣждены враги Православія. Не разъ освящалось оружіе Сагайдачнаго и Богдана Хмельницкаго, нерѣдко и они клялись быть изсѣченными собственнымъ оружіемъ, если *ради страха* вложатъ его въ ножны и допустятъ восторжествовать врагамъ.

Идуканъ Волоса, покровителя сталъ, вѣроятно въ одно время съ Перуномъ былъ низверженъ съ своего подножья и на мѣстѣ его, по обычаю Великаго Князя Владиміра, тогда же былъ устроенъ Христіанскій храмъ. Церковныя записи передали намъ, что до 1650 года на мѣстѣ нынѣшней Введенской церкви существовала церковь также деревянная во

---

*) Кольца и браслеты золотые, находимые въ послѣднее время въ Кіевѣ.

имя святаго Власія, который почитается покровителемъ домашняго скота. Это уже одно обстоятельство даетъ право утверждать, что Введенская церковь стоитъ на мѣстѣ идольскаго капища Волоса; при томъ замѣчу, что улица, идущая у церкви Введенія еще недавно носила именованіе *Быдлогонной*, то есть скотопрогонной (bydło).

Теперь обратимъ взоры, налѣво отъ Богоявленскаго монастыря, къ мѣстамъ *масыжной бесѣдъ* и *казаракъ*, и далѣе къ вершинѣ Почайны. И здѣсь отыщемъ обильную дань воспоминанію минувшаго.

Ближайшая къ Копыреву концу, какъ бы стоящая подъ нами, церковь Покрова Богородицы, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея другая древняя каменная же, трехкупольная церковь Николая Добраго. Прекрасное зодчество первой привлекаетъ вниманіе. Она создана на древнемъ фундаментѣ армянской церкви. Сосѣдній съ этою церковью храмъ угодника, прозименованнаго Добрымъ, искони остается на своемъ вѣковомъ основаніи, перестроиваясь и вновь созидаясь много разъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Печенѣги и Половцы видѣли этотъ храмъ. Но въ настоящее время утеряна повѣсть, изъ коей можно было бы узнать такое его прозименованіе; архитектура его особенная отъ прочихъ храмовъ Подола.

За Соборнымъ храмомъ Подола во имя Успенія Богородицы, созданнымъ какою-то польскою княги-

нею, и едва ли не древнѣйшимъ изъ всѣхъ, нынѣ существующихъ храмовъ подольскихъ, судя по архитектурѣ, кладкѣ кирнича и цементу,—находится еще третій храмъ во имя Святителя Николая, именуемый *Притискъ*. Воръ, утаившійся въ церквѣ, захвативъ церковныя драгоцѣнности, намѣревался скрыться чрезъ окно, но едва онъ просунулъ въ него голову, какъ верхнее бревно упало на похитителя и такъ его *притиснуло*, что онъ немогъ исполнить своего злодѣйскаго намѣренія и остался недвижимъ. Два столѣтія съ четвертью существуетъ на мѣстѣ деревянной каменная церковь, воздвигнутая щедростію прихожанина ея, прозывавшагося Желѣзный Грошъ. Сказываютъ, что въ приходѣ, противъ храма угодника, нѣкогда находился домъ, принадлежавшій Кіевскому Сотнику Саввѣ Тупталу, отцу св. Димитрія Ростовскаго. Сотникъ погребенъ въ 1708 году, въ бывшемъ Кириловскомъ монастырѣ.

Параллельно съ улицею Александровскою, отъ древняго магистратскаго зданія, мимо Подольской Соборной церкви и гостиннаго двора, а за нимъ водомета Сампсоніева, увѣнчаннаго Архангеломъ, держащимъ крестъ, и въ старину называвшагося Фелиціаномъ *), проходитъ другая улица, наименованная Кириловскою, хотя она не прямо ведетъ къ обители Кириловской.

---

*) Геогр. опис. Рос. Имп. Чеботар. 1776 г.

Вотъ она, отъ начала до конца, вся передъ глазами моими, украшенная съ лѣвой стороны бывшимъ Петропавловскимъ монастыремъ, построеннымъ въ началѣ XII вѣка, какъ полагаютъ, польскимъ паномъ Стефаномъ Аксакомъ; другіе же называютъ основателемъ этого монастыря Доминиканца Іакинѳа. И кто правъ, трудно рѣшить. Извѣстно только то, что прежде онъ именовался Николаевскимъ. Съ 1658 года монастырь этотъ обращенъ въ православный храмъ; и за полтора столѣтія предъ этимъ, наименованъ Петропавловскимъ, по тезоименитству Петра I. Оригинальное его зодчество поражаетъ каждаго, а въ особенности если входить во храмъ отъ Флоровскаго монастыря. Прекрасное и величественное зданіе семинаріи служитъ украшеніемъ этого монастыря, а далѣе видѣнъ домъ подольскаго дворянскаго училища.

А вотъ и Флоровская обитель, красующаяся у подошвы знаменитой горы Киселевки. Лучшая и большая часть горы этой занята садомъ и уютными, уединенными въ тѣни кустовъ и цвѣтовъ, келіями. Обитель въ недавнее время обведена каменною стѣною, тянущеюся вдоль всей горы по уступамъ ея непрерывно. Стѣна эта, отдѣляя монастырь отъ окружныхъ построеній, какъ бы особо выказываетъ красоту ея ландшафта, рѣзко отличающагося отъ прочей мѣстности Подола.

Въ концѣ XI вѣка мѣстность Флоровскаго монастыря до подошвы Киселевки и *житняго торга* или *торговища*, искони пребывавшаго на томъ мѣстѣ, на коемъ и нынѣ существуетъ *) и съ половины XI вѣка принявшаго наименованіе житняго,—принадлежала монахамъ Кіево-Доминиканскаго монастыря которые построили на мѣстѣ нынѣшней Вознесенской церкви костелъ во имя Николая. Этимъ монахамъ въ то же время принадлежали грунта подъ горою Уздыхальницею и часть мѣстности нынѣшнихъ Кожемякъ, носившихъ и въ древности такое названіе. На краю же долины Кожемякъ возвышался бискупскій замокъ, вмѣсто котораго въ прошедшемъ столѣтіи, Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій построилъ свой дворъ и развелъ садъ.

Собственно же на горѣ Киселевкѣ, покрытой нынѣ частію садомъ, и гдѣ кладбище обители Флоровской, стоялъ нѣкогда знаменитый Кіевскій замокъ, котораго, какъ мы знаемъ, и Ханъ Эдигей не могъ взять. Замокъ этотъ, по словамъ Витебскаго воеводы Александра Гваньини, былъ вдвое болѣе Краковскаго. Въ немъ было три православныя церкви и костелъ, и въ свое время сосредоточивалось въ

*) Изяславъ перевелъ было въ 1069 году торгъ этотъ на гору Старокіевскую, за бунтъ, учиненный на ней въ 1068 году Кіевлянами, желавшими воевать съ Половцами, и освободившими Всеслава, но вскорѣ торгъ собирался на прежнемъ мѣстѣ.

немъ управленіе Кіевомъ. Громовой ударъ истребилъ то, что не разрушили люди.

На долю Флоровской обители принесъ бы я много любопытныхъ воспоминаній, передавъ интересную повѣсть о жизни старицы этого монастыря Нектаріи, дочери Фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, Наталіи Борисовны Долгоруковой, которая, въ правленіе Епархіею Кіевскою Митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ, возобновила древніе остатки Десятинной церкви,—но повѣсть эту передамъ въ другомъ мѣстѣ.

Еще двухъ ближайшихъ храмовъ подольскихъ сіяютъ предо мною кресты и зеленѣютъ ихъ красивые куполы, выказываясь изъ за храмовъ и обителей, ближайшихъ къ горамъ Старокіевскимъ. Вотъ, среди разсѣлины горъ Киселевки и Кудрявской, едва видиѣется крестъ каменной Воздвиженской церкви, построенной за сорокъ лѣтъ надъ ручьемъ Кіянкою, вмѣсто обветшалой деревяной, издревле существовавшей на этомъ мѣстѣ, во имя Архангела Михаила.

Близость *торговища* подольскаго, на которое былъ совлеченъ насчастный Князь-инокъ Игорь Ольговичь, съ церковью Архангела подаетъ поводъ предполагать, придерживаясь лѣтописнаго сказанія, что нынѣшняя Крестовоздвиженская церковь была древняя Михаила Архангела, въ которую убіенный Игорь взятъ былъ съ торжища Тысяцкими Лазаремъ и Ругойломъ «и взяша Князя инока Игоря Олговича, лежаща мертва,

наго повержена на торговищи и положиша его въ церкви святаго Архангела Михаила, въ Новогородскую божницу».

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что и божница Новгородская, то есть небольшая часовня, по обычаю существовавшему и нынѣ существующему въ Греціи и Россіи, при церквяхъ и отдѣльно на мѣстѣ знаменательномъ, была устроена при этой церкви, какъ находящейся у самаго торжища. Въ этой божницѣ, вѣроятно умѣстительной, находился образъ и ларцы или ящики, въ кои доброхотные жертвовали, заходя изъ торжища, бросали деньги. Новгородцы, по преимуществу торговавшіе тогда въ Кіевѣ, и именно на торжищѣ подольскомъ, пожертвованіями своими и устроили эту божницу, поэтому лѣтопись наименовала ее *Новгородскою Божницею*, въ которую приличнѣе всего было, по близости ея съ торжищемъ, положить нагое тѣло убіеннаго инока, Игоря Ольговича.

Перейдя каналъ и всю площадь торжища, постоянно усѣянную народомъ, и конечно распространенную въ послѣднее время, находится еще одна церковь подольская во имя Константина и Елены, также стоящая на древнемъ своемъ основаніи. За этою церковью виднѣются кресты, дальнихъ двухъ обителей; но объ нихъ, какъ находящихся въ окрестности Кіева, скажу въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ и всѣ нынѣ существующіе подольскіе храмы. Какъ незначительно число ихъ въ сравненіи съ древнимъ!

Продолжатель Несторовой лѣтописи записалъ, что въ 1124 году, 23 Іюня, произошелъ въ Кіевѣ пожаръ, отъ коего на одномъ Подолѣ сгорѣло 600 церквей. Въ спискѣ же Никоновомъ записано такъ: «Бысть пожаръ великъ въ Кіевѣ, яко погорѣвшу ему мало не всему по два дни, и по Подолію погорѣ, яко згорѣ церквей единыхъ близь семи сотъ, се же бысть мѣсяца Іюня въ 23 и 24-й дни, на рожество Іоанна Предтечи».

Разнорѣчивыя показанія списковъ лѣтописи, могутъ ввести въ сомнѣніе на счетъ такого огромнаго числа церквей, на Подолѣ; но другой нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ *), современникъ св. Владиміра и Ярослава, свидѣтельствуетъ, что въ его время, то есть почти за сто лѣтъ до пожара въ Кіевѣ, было болѣе четырехъ сотъ церквей. Если цифры эти увеличены сотнями и отбросимъ ихъ, то и тогда было церквей вдвое болѣе, нежели въ настоящее время, коихъ всѣхъ вообще съ обителями не болѣе тридцати.

Подолъ заселился позже прочихъ частей Кіева. При Ольгѣ «на подольи не сѣдяху людье, бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевскія» пишетъ

*) Chronic. 436. VII.

Несторъ. Со временъ Ярослава I-го Подолъ устроился, а во время Святополка II-го сдѣлался главнымъ торговымъ мѣстомъ, и съ того времени и по нынѣ торговля удерживается здѣсь. Этому споспѣшествуетъ ровность мѣстоположенія, близость Днѣпра и удобной на немъ пристани, простирающейся вдоль всего подольскаго берега. Въ древности Подолъ считался отдѣльнымъ городомъ, населеннымъ природными гражданами. Древняя магистратская его печать изображала лукъ съ натянутою тетивою, и называлась *куша*.

Любопытно замѣтить, что первые писатели, оставившіе намъ свѣдѣнія о торговлѣ Подольской—Кіевской, были: Арабъ Ибнъ-Фопланъ, Грекъ Константинъ Багрянородный и также Арабъ Ибнъ-Гаукалъ. Свѣдѣнія эти относятся: перваго къ 922 году, втораго къ 950 и третьяго къ 969 году *). И въ тѣ вѣка Кіевская или собственно подольская торговля была такъ значительна и важна для Русскихъ, что Князья Кіевскіе договорами обязывались споспѣшествовать ей всѣми способами, отъ нихъ зависѣвшими. Кіевскіе купцы, торговавшіе съ Греціею, именовались *Гречники*, какъ это видно изъ Кіевскаго лѣтописца, записавшаго подъ 1167 годъ, «увѣдавше Половцы, еже Князи не въ любви живутъ, шедше въ пороги,

*) Френъ, с. 147 и 158.

начаша пакостити Гречникомъ, и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои, и възведоша Гречники».

Время и событія, послѣдовавшія въ позднѣйшіе вѣка, вмѣстѣ съ общею жизнію Кіева, усилили и торговую его дѣятельность. Переводъ, въ 1797 году, контрактовъ изъ Дубна въ Кіевъ, и именно на Подолъ, и потребности настоящаго времени положили твердое основаніе торговли подольской, возрастающей ежегодно.

Каждой части вѣковѣчнаго Кіева дано свое достояніе. Подолъ по преимуществу жилъ и живетъ торговою дѣятельностію. Старый Кіевъ остается завѣтною колыбелью нашей народности и Самодержавія, Печерскъ—Православія, просвѣщенія духовнаго и гражданскаго.

Нынѣ Подолъ одна изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ частей столицы Владиміра. Частые пожары и разливы Днѣпра, мало оставили намъ древнихъ зданій и памятниковъ старины, и, кромѣ обозрѣнныхъ мною, не нахожу другихъ, развѣ укажу еще на возвышающееся зданіе, на берегу Днѣпра, за церковью Николая Набережнаго, именуемое *Бурсою*, построенное щедротами Гавріила Кременецкаго, для воспитанія сиротъ духовенства.

Мѣста древнихъ храмовъ, существовавшихъ по свидѣтельству лѣтописцевъ, нынѣ неизвѣстны. Частыя открытія каменныхъ фундаментовъ, при постройкахъ, подтверждаютъ сказанія лѣтописцевъ. Какъ

на Старомъ Кіевѣ, такъ и на Подолѣ нѣтъ и шага земли цѣльной, нерушенной рукою человѣка.

Обозрѣлъ я весь Подолъ и все же не могу оторвать взоровъ моихъ отъ чудной, ненаглядной картины, распространяющейся предъ очами моими. Куда ни обращу взоры, вездѣ встрѣчаю, или величественный храмъ, или святую обитель, памятную древностію и событіями, совершившимися въ стѣнахъ ея, или знаменательный водометъ кристальной воды, которою такъ богаты горы Старокіевскія; или же лѣтописныя горныя вершины, по мѣстамъ покрытыя зеленою муравою и украшенныя серебристыми осыпями песковъ; или живописныя удолья съ тѣснящимися среди ихъ уютными жилищами, деревянными храмами, почернѣвшими отъ времени. Эти послѣдніе ландшафты сильнѣе прочихъ видовъ напоминаютъ вѣка давно минувшіе.

Но въ настоящіе дни изгладилось древнее очертаніе Подола лѣтописнаго. Кіянка почти изсякла; ручай или судоходная Почайна, въ которой Ольга предлагала Царю греческому постоять въ ожиданіи даровъ ея: «аще ты сице глаголеши отъ Цемскаго Царя, рцы ему тако: пришедши постоиши у меня въ Почаинѣ, яко же азъ у тебе вкуду (въ пристани) стоявши,» отдѣлявшаяся отъ Днѣпра узною косою и доходившая да святаго мѣста Крещатика, нераздѣльно слилась съ Днѣпромъ; и трудно нынѣ повѣрить съ лѣтописью мѣстность древнюю.

Одинъ только Днѣпръ, величественный Днѣпръ, этотъ сѣдой старикъ, катящій среди зеленыхъ береговъ свои серебристыя волны, по которымъ неслись къ Византіи ладьи Вѣщаго Олега, Игоря и Святослава, и который слушалъ пѣсни Бояна, Днѣпръ, поглотившій въ безднѣ своей истукановъ Кіевскихъ и омывшій языческое нечестіе Руси, Днѣпръ—нашъ Русскій Іорданъ, течетъ и нынѣ, какъ текъ и прежде, у горъ Кіевскихъ, и не считаетъ столѣтій, не оглядывается на давноминувшее, катя безвозвратныя волны свои въ море, какъ катятся предъ Кіевомъ горы и столѣтія въ вѣчность. Для одного Днѣпра нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. Онъ все одинъ свидѣтель тысячелѣтней судьбы Кіева; но плескъ волнъ его, которымъ, можетъ быть, онъ передаетъ повѣсть временъ протекшихъ, понятенъ однимъ Боянамъ.

IV.

Старокіевскія горы. — Храмъ Андрея Первозваннаго. — Исторія Андреевскаго холма. — Трехсвятительская церковь. — Перунъ. — Исторія Трехсвятительской церкви. — Ея древность и наружный видъ. — Дворъ В. К. Владиміра. — Мѣсто древнихъ Великокняжескихъ палатъ. — Древнія обители. —

Я стою на горѣ Старокіевской. Разъяснить ли значеніе этой краткой, но многозначительной рѣчи? Кажется она понятна знакомому съ исторіею вѣковѣчнаго града Владимірова. Я стою на горѣ Старокіевской, гдѣ первоначальная исторія не только самаго Кіева, но и могущественнаго отечества нашего, начертана громадными, приличными ему одному святыми буквами: Храмами Всевышнему Богу, откуда пролилось на древнюю Русь Христіанское просвѣщеніе; гдѣ родилось неодолимое ея могущество; гдѣ

жилъ Вѣщій Олегъ, Мудрая Ольга, первоначальникъ нашихъ героевъ, Святославъ Игоревичь, изрекшій: «да не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ здѣсь костью; мертвые бо срама неимутъ; аще ли побегнемъ, то срамъ имамы!...» Я стою у гроба Ярослава, творца Русской правды; у гроба Владиміра, просвѣтителя отечества нашего Христіанствомъ; у гроба Святополка II, создателя каменной, Златоверхой обители Михайловской. Я стою на горѣ Старокіевской, и событія минувшаго тысячелѣтія, событія, драгоцѣнныя памяти моей, ясно и осязательно представляются очамъ моимъ. Мнѣ ли теперь нужны древнія запыленныя хартіи; мнѣ ли нужна исторія, отверзающая гробы, подымающая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и рѣчь въ уста, изъ тлѣнія созидающая царства, и представляющая воображенію рядъ вѣковъ? Предо мною священныя скрижали дѣяній нашихъ предковъ, дѣяній Великихъ Князей и Царей; завѣтныя письмена на нетлѣнной хартіи Россіи. И я теперь на событія тысячелѣтія глазомъ смотрю осязательнымъ, рукою зрящею ихъ осязаю.

Вотъ я опять у дверей великолѣпнаго храма, вознесеннаго на сто двадцать пять аршинъ надъ лономъ водъ днѣпровскихъ; у храма, созданнаго знаменитымъ Графомъ Ростреллі, и которому подобнаго, по зодчеству, нѣтъ въ Кіевѣ.

Немогъ я спѣшить къ мѣстамъ древнимъ, священнымъ, не помолившись первоначально въ храмѣ

Андреевскомъ.... И я вошелъ въ этотъ завѣтный храмъ поклонится образу того, который, за восемнадцать вѣковъ предъ этимъ, святыми стопами своими освятилъ горы Кіевскія и водрузилъ на высотѣ ихъ святое знамя нашего спасенія, могущества и славы Россіи.

Литургія только что началась; молящихся собралось весьма не большое число; за то терасса была полна любовавшимися видописью, ярко освѣщенною лучами палящаго солнца.

На престольной вершинѣ Андреевскаго храма, какъ я уже сказалъ, стоялъ нѣкогда каменный теремъ Ольги. Когда онъ исчезъ и какія событія его ознаменовали, кромѣ приведенныхъ мною, неизвѣстно изъ лѣтописаній; но, вѣроятно, завѣтное и прекраснѣйшее мѣсто это никогда не оставалось пусто. Не на самой вершинѣ холма Андреевскаго, но нѣсколько пониже его, ближе къ Андреевскому водоему, на совершенно отдѣльномъ возвышеніи, можетъ быть по близости монастыря Семіона, воздвигнута была въ 1212, В. К. Мстиславомъ Романовичемъ, въ память водруженія креста Апостоломъ, — Воздвиженская деревянная церковь, въ которой этотъ Князь и опочилъ. Созданная имъ церковь простояла до ветхости. За три вѣка предъ этимъ, на ея мѣстѣ сооружена каменная. Событія и время сокрушили и этотъ храмъ, и въ недавніе годы фундаментъ его покрылся пескомъ и зеленью. Но былъ созданъ

въ древности, въ 1086 году, храмъ и во имя самаго Апостола, въ память благословенія имъ горъ Кіевскихъ. Всеволодъ Ярославичь устроилъ при этомъ храмѣ и монастырь, въ которомъ приняла санъ инокини старшая его дочь, Анна или Янка. Любя уединеніе и чтеніе святыхъ книгъ, Анна занялась учрежденіемъ, при монастырѣ своемъ, училища для дѣвицъ, въ коемъ обучала ихъ чтенію, письму, рукодѣліямъ и пѣнію, конечно церковному. Это было первое женское училище въ отечествѣ нашемъ.

Мѣстность обители Анны относятъ на ближайшее разстояніе къ Десятинному храму. Но кто съ достовѣрностію опредѣлитъ это? И кто укажетъ, гдѣ сокрытъ прахъ опочившей въ 1111-мъ году, Княжны Анны, супруги Всеволода Ярославича; гдѣ гробъ Ярополка, изъ голубицы Андреевской церкви перенесенный, въ 1144 года, его женою Еленою въ монастырь Янки, близь которой онъ и былъ поставленъ; гдѣ могила и самой ученой Янки, сестры Мономаховой; Князя Дорогобужскаго Владиміра, сына Андрея Боголюбскаго, отошедшаго на вѣчный покой въ сей обители въ 1170 году? Могилы эти исчезли съ лица земли, но не исчезло въ лѣтописаніяхъ все достопамятное.

Фундаментъ нынѣшняго храма Первозваннаго Апостола въ глубину если не превосходитъ высоту церкви, то равняется съ нею. Этого требовала необыкновенно возвышенная мѣстность, заключающая

въ нѣдрахъ своихъ обиліе источниковъ. Трудность и громадность постройки, начатой въ 1744 году, была причиною, что храмъ возведенный на сплошномъ, двухсаженномъ въ высоту основаніи, созидался двадцать два года. Въ 1767 году, Августа 19-го, онъ торжественно освященъ Преосвященнымъ Арсеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ.

Запрестольный образъ Андреевскаго храма, пожертвованный Императрицею Екатериною II ко дню освященія храма, изображающій Тайную Вечерю, приписываютъ кисти ученика Рафаеля, Леонардо да Винчи. Время разрушительно дѣйствовало и на это произведеніе кисти знаменитаго художника.

Высота и стѣсненная мѣстность не позволяютъ устроить при церквѣ Андреевской колокольню, и поэтому при ней вовсе не производится звона и даже нѣтъ колоколовъ.

Меня влекло душевное желаніе въ этотъ же день помолиться въ древнѣйшемъ храмѣ св. Владиміра, созданномъ во имя его святаго ангела, и я спѣшилъ въ древнюю церковь Васильевскую, нынѣ Трехсвятительскую. Напомню, что Владиміръ во святомъ крещеніи нареченъ Василіемъ.

Спустясь съ чугунныхъ, широкихъ всходовъ Андреевскаго храма, я поворотилъ налѣво, мимо каменныхъ казенныхъ строеній, занимающихъ мѣсто древнихъ построекъ, принадлежавшихъ къ теремамъ и дворамъ Великокняжескимъ; и, почти еще не за-

строенною улицею, дошелъ до уединенной церкви, обнесенной досчатымъ заборомъ.

Высокія деревяныя ворота, съ небольшою калиткою и образомъ на верху, ведутъ на церковный дворъ. И вотъ предо мною небольшая оштукатуренная каменная церковь, съ однимъ не высокимъ куполомъ, покрытымъ зеленою краскою, на коемъ позолоченный крестъ обращенъ, по древнему, на Благовѣщенскій восходъ, застроенная съ двухъ сторонъ ветхими деревянными зданіями, въ коихъ живетъ причетъ и помѣщается школа, заведенная при церквѣ Васильевской, со временъ Владиміра. Въ школѣ, учрежденной благовѣрнымъ княземъ, обучались дѣти боярскіе и матери, отдавая дѣтей своихъ неволею въ науку, оплакивали ихъ, какъ мертвыхъ, считая грамоту опаснымъ чародѣйствомъ. Это было первое училище въ отечествѣ нашемъ.

Узкая тропинка, пролегающая отъ калитки мимо сада, привела ко входу въ древнѣйшую изъ всѣхъ церквей св. Владиміра и всѣхъ существующихъ въ Кіевѣ. Я остановился у входа, ничемъ особенно не ознаменованнымъ, и какое-то неизъяснимое благоговѣйное чувство умиленія родилось въ сердцѣ моемъ. Въ одно и то же мгновеніе жаждалъ я излить пламенную мольбу во храмѣ, предъ образомъ Искупителя, и обозрѣть храмъ безкровной жертвы, творимой на мѣстѣ бывшаго здѣсь идольскаго капища, въ коемъ приносились кровавыя жертвы идолу:

«и оскверняху всю землю и холмъ той требами своими» *).

Полагаю, многимъ интересно знать наружность Перуна: «поминая же братію убіенную, нача ставити (Владиміръ) богомерзкіе идолы въ Кіевѣ: во первыхъ постави начальнѣйшаго кумира Перуна, бога грому, молніи и облаковъ дождевыхъ, на пригорку высокомъ, надъ Зборичевымъ потокомъ, по подобію человѣческому: туловище его бѣ отъ древа хитростнѣ изсѣчено, главу имущъ сліянну отъ сребра, уши златы, нозѣ желѣзны, въ рукахъ же держаше камень, по подобію Перуна пылающа, рубинами и карбункулемъ украшенъ; и предъ нимъ огнь всегда горяше. Аще же бы по нерадѣнію жреческому ключилось огню угаснути, того жреца, аки врага бога своего смертію казняху» **).

Перунъ красовавшійся передъ дворцемъ великокняжескимъ, на мѣстѣ гдѣ существовало, можетъ быть, жилище Кія, видѣвшій у подножья своего Великую Княгиню Ольгу, въ язычествѣ сочетавшуюся съ Игоремъ,—принимавшій клятвы и присягу Олега, Святослава, Игоря и самаго Владиміра и дружины Великокняжеской, при заключеніи договоровъ съ Греками и иными иноземцами, сверженъ съ высоты своей; идольское его капище разорено и на томъ мѣстѣ возсіялъ святой крестъ, знаменіе нашего спасенія.

---

*) Никон. Лѣт. стр. 65. **) Синопс. ст. 33. изд. 2.

Нѣтъ сомнѣнія, что церковь Васильевская въ началѣ была деревянная. Необходимость скораго созданія Христіанскаго храма требовала постройки поспѣшнѣйшей; а при такомъ условіи не могла быть создана церковь каменная. Лѣтописецъ упоминаетъ о церквѣ Васильевской, какъ о первой, созданной Великимъ Княземъ Владиміромъ; но не говоритъ, что она была каменная. Во всякомъ случаѣ Васильевская церковь недолго оставалась въ первоначальномъ устройствѣ: прибывшіе съ просвѣтителемъ Россіи греческіе духовники и каменщики создали, въ 989 году, церковь каменную на мѣстѣ прежней деревяной. Этотъ храмъ существовалъ до разоренія его Батыемъ и занималъ въ ширину шестьнадцать съ половиною, а въ длину двадцать пять саженей. Варварскія полчища, не зная святыни и не щадя ничего, не пощадили и церковь Васильевскую и до половины разрушили ея стѣны. Еще въ сороковыхъ годахъ шестьнадцатаго столѣтія, отечественные и иностранные писатели, посѣщая развалины Великокняжеской столицы, видѣли внутри храма Васильевскаго, по стѣнамъ и уцѣлѣвшимъ сводамъ, остатки греческихъ надписей, рельефно изображенныхъ, на подобіе неразгаданныхъ надписей Десятинной церкви.

Ревнитель славы древнихъ князей и любитель священныхъ древностей отечества нашего, Митрополитъ Петръ Могила, извлекъ изъ запустѣнія пер-

вый Христіанскій храмъ просвѣтителя Россіи, надъ развалинами коего, со временъ Батыя, промчалось четыре столѣтія. Онъ надстроилъ разрушенныя стѣны, исправилъ своды, возстановилъ упавшій куполъ и тогда же далъ церкви этой наименованіе Трехсвятительской, въ память того, что и въ Византіи, во времена греческаго Императора Алексія Комнина въ 1076 году, установлено праздновать тремъ святителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту, въ одинъ день. И тогда же устроя Богоявленское Братство на Подолѣ, приписалъ къ нему и эту древнюю церковь.

Пожаръ, истребившій въ 1660 году, часть Стараго Кіева, коснулся и храма Трехсвятительскаго; и снова отъ сильнаго пламени разрушился ея куполъ и часть передней стѣны. Алтарная же стѣна и двѣ боковыя, остававшіяся неразрушенными со временъ первоначальнаго ихъ построенія, и при этомъ случаѣ пощажены всесокрушающимъ пламенемъ.

Протекло, со времени этого горестнаго событія тридцать пять лѣтъ, и разрушенныя огнемъ развалины храма Владимірова вновь привлекли благочестивую заботливость Митрополита Варлаама Ясинскаго, который, въ 1695 году, и возобновилъ Трехсвятительскую церковь. Замѣчу, что храмъ этотъ еще въ прошедшемъ столѣтіи былъ наименованъ мужескимъ монастыремъ и приписанъ къ Софійскому

монастырю, находясь до того въ описи монастыря Михайловскаго.

Такова была судьба Трехсвятительскаго храма, до посѣщенія престольнаго града Кіева Великою Императрицею Екатериною Второю; весною 15 Апрѣля 1787 года, Императрица повелѣла церковь эту обратить въ приходскую. Первѣйшій храмъ Кіевскій въ то время находился въ ветхости, а въ особенности его куполъ, покрытый гонтомъ и обложенный жестью, близокъ уже былъ къ совершенному разрушенію. Въ 1826 году, послѣдній разъ обновляется этотъ храмъ благотворителемъ помѣщикомъ Курской губерніи А. Анненковымъ, и съ того времени остается въ одномъ видѣ, исключая малыхъ поновленій и покрасокъ.

Трехсвятительская церковь красуется на высотѣ *священнаго* холма, усвоившаго издревле такое названіе, отъ стоявшаго на немъ бога грома и молніи; и нашъ исторіографъ ошибочно написалъ, что храмъ этотъ стоитъ не на возвышенности, а на ровномъ мѣстѣ *).

Я забылъ сказать, что кромѣ главнаго престола и Покрова Богородицы, къ достопамятному храму Трехсвятительскому съ неизвѣстныхъ временъ устроенъ придѣлъ во имя Нерукотвореннаго образа. Прочтите надпись, начертанную на иконостасѣ, выше

*) Ист. Госуд. Рос. Т. I ст. 127 пр. 416 изд. 1833 г.

мѣстныхъ образовъ: «Знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего Господи; во свѣтѣ лица пойдемъ и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣкъ.» Какая иная надпись приличнѣе этому мѣсту, гдѣ нѣкогда стоялъ рукотворный истуканъ, и на мѣстѣ его возсіялъ благодатный, нерукотворный ликъ!...

Рука изыскателей древности изрыла и окрестности Трехсвятительской церкви. На западъ, въ тридцати саженяхъ отъ нынѣшняго входа, отъисканы слѣды древней брамы, или воротъ и ограды. Чрезъ отрытыя ворота, какъ предполагаютъ, шелъ путь, по Зборичеву, на Подолъ. Можетъ быть ворота эти вели въ капище идольское. Отъисканы также надгробныя шиферныя плиты; но какое мѣсто въ предѣлахъ древняго Кіева не ознаменовано подобными находками?

Не роскошный, но красивый иконостасъ, по красному полю украшенный золотыми разводами, въ старинномъ вкусѣ, древніе образа и тихое клиросское пѣніе благодѣтельно дѣйствовали на душу мою, жаждавшую молитвы.

Въ то же время я хотѣлъ прозрѣть въ вѣка минувшіе и видѣть молящагося благовѣрнаго Князя Владиміра, Царицу Анну, просвѣщенныхъ Христіанствомъ сыновей Владиміра и всю тогдашнюю дружину Великокняжескую. Я хотѣлъ тогда жить и молиться въ вѣкѣ Владиміра; хотѣлъ видѣть тогдаш-

ній Кіевъ, знать того вѣка дѣла и событія, чтобы вѣрно и подробно начертать мое сказаніе.

Послѣ литургіи я обозрѣлъ храмъ внутри и извнѣ; видѣлъ въ пристройкѣ внѣ алтаря, налѣво, длинное, но узкое окно (длина его 3 арш. 9 верш., ширина 1 арш. 1 верш.) въ свѣту съ откосами. Это единственный, уцѣлѣвшій остатокъ отъ Васильевской церкви, созданной св. Владиміромъ.

Теперь вы спросите, гдѣ терема Кіевскихъ Княгинь и палаты Княжескія? Терема Ольгинаго нѣтъ, на его мѣстѣ возносится храмъ Господа. Нѣтъ также слѣдовъ жилья Кія; но гдѣ же былъ дворъ Владиміра? «Дворъ Князя бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ.» Такъ отозвался лѣтописецъ и самъ уже не видѣвшій двора Великаго Князя Владиміра, того двора, въ которомъ «устави (Владиміръ) на дворѣ, въ гридницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ и гридамъ и соцькимъ и десяцкимъ и нарочитымъ мужемъ, при князѣ и безъ князя.» Не видѣлъ уже и Несторъ того двора знаменитаго, въ которомъ пировали могучіе богатыри и сподвижники Великаго Князя Владиміра: Добрыня Никитичь, Илья Муромецъ, *) Чурило Пленковичь, Рогдай удалой **), Соловей Будимировичь, Янъ Ушмошвецъ, Дукъ Степановичь..... И давно ли:

---

*) Поются въ Пещерахъ. Ист. Госуд. Рос. Т. I пр. 439. **) Яко наѣждаше сей на триета воинъ. Лѣт. Ник. ст. 111.

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкава, сударь, Князь Владиміра
Ай было пированье, почетный пиръ,
Было столованіе, почетный столъ,
Много было на пиру князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей.....

И непобѣдимые, могучіе богатыри слягли въ могилу. Пиры умолкли, заздравныя чаши—*не велика мѣра,—въ полтора вѣдра, а Турій рогъ меду сладкаго, въ полтретья вѣдра* *),—изсякли и разметались ихъ осколки. И что отъ всего этого осталось? слѣды каменныхъ стѣнъ, кучи щебня и мусора, разбитыя и съѣденныя временемъ, красныя шиферныя надгробія, непровозглашающія именъ почивающихъ подъ ними, или кучи костей и череповъ, можетъ быть, принадлежавшихъ славнымъ и могучимъ богатырямъ.

Отрадно знать и одно мѣсто древнихъ палатъ Великокняжескихъ,—тѣхъ палатъ, среди которыхъ возрасталъ Святославъ I-й, въ лѣтахъ отроческихъ метавшій копіемъ на Древлянъ; палатъ тѣхъ, въ которыхъ сынъ Святослава, Владиміръ, принималъ въ 985 году, пословъ предлагавшихъ ему свои вѣрованія.

Пространство отъ церкви Первозваннаго къ Трехсвятительской, въ недавнее время застроенное длиннымъ казеннымъ каменнымъ строеніемъ, и часть

*) Древ. рус. Стих. Кир. Данил. 1818 г.

собственно двора церковнаго, съ достовѣрностію можно положить, было подъ дворомъ Великокняжескимъ, на коемъ уже во дни Нестора стояли два двора: Воротиславля и Чудина. Станемъ же на этомъ лѣтописномъ мѣстѣ. На немъ родилась Русь, ея Православіе, народность, неодолимое могущество, величіе и Самодержавіе. Мѣсто это завѣтно каждому Русскому. Оно освящено не только памятью драгоцѣнныхъ отечеству нашему древнихъ событій, но и стонами, страданіями и даже запечатлѣно кровію многихъ праведниковъ, коихъ память чтитъ святая Церковь наша, а нетлѣнныя тѣлеса ихъ почиваютъ или въ предѣлахъ Стараго Кіева, или въ нѣдрахъ горы Хоревицы, или въ пещерахъ Кіевскихъ, или наконецъ въ другихъ мѣстахъ безпредѣльной Россіи.

Изъ этого священнаго мѣста открывается та же живописная картина, какая очерчивается съ высоты Андреевскаго возвышенія. Да и гдѣ приличнѣе было находится двору Великокняжескому, какъ не на этомъ очаровательномъ мѣстѣ.

Долго любовался я съ этого возвышенія картиною суетливаго Подола, врѣзавшагося тупымъ угломъ въ волны днѣпровскія. Обозрѣвалъ отлогости горныя, по коимъ извивался Зборичевъ взвозъ, и, полный думъ о минувшемъ, самъ себя вопрошалъ: куда направлю отсюда путь мой? Съ этого мѣста всюду каждый ступень земли Старокіевскихъ высотъ ознаменованъ событіями лѣтописными.

Древній Кіевъ, Кіевъ Владиміра былъ небольшой городокъ: холмъ Андреевскій, ближайшая часть взгорья Михайловскаго, обнесенные и нынѣ еще по частямъ примѣтнымъ землянымъ валомъ и палисадомъ, составляли столицу Великокняжескую, вмѣщавшую въ себѣ нѣсколько церквей. Прочія части нынѣшняго Стараго Кіева вошли въ предѣлы городскія при потомкахъ благовѣрнаго Князя и преимущественно при Ярославѣ.

Пойду ли я отъ мѣста Великокняжескихъ палатъ къ отдѣлу горы Михайловской, приближаясь къ монастырю Святополкову, и здѣсь память минувшаго представитъ воображенію моему давно исчезнувшую, съ лица земли, каменную обитель, созданную, въ 1128 году, сыномъ Мономаха Мстиславомъ, побѣдившимъ неспокойнаго удѣльнаго Князя Олега Святославича, и въ 1132 году опочившимъ въ стѣнахъ ея. Этотъ примиритель, по отцѣ своемъ, удѣльныхъ князей, при обители своей учредилъ мужескій монастырь. Двѣ обители, близкія одна къ другой и находившіяся въ сосѣдствѣ съ дворомъ Великокняжескимъ: обитель Анны, дочери Всеволода и обитель Мстислава, первая женская, а вторая мужская, подъ каменными сводами своими пріютили многихъ Князей и вельможъ Кіевскихъ. Въ нихъ улеглись совмѣстно друзья и недруги, братъ возстававшій противъ брата, отецъ ненавидѣвшій добродѣтельнаго сына, сынъ иногда достойно печа-

лившійся объ отцѣ, храбрые съ боязливыми, смиренные съ безпокойными. Время, невходившее въ разборъ житейскихъ дѣлъ и мірской суеты, наложило общую печать неизвѣстности на всѣ эти гробницы, и одни только лѣтописи передаютъ намъ нѣкоторыя имена погребенныхъ въ *Вотчемъ* монастырѣ, такъ названномъ сыновьями Мстислава, изъ коихъ иные улеглись у праха отца. Троекратный изгнанникъ Ростиславъ Мстиславичъ, также улегся у гроба отца въ 1167 году. Сюда же притекли на вѣчное успокоеніе, послѣ измѣнчиваго житейскаго счастія: Изяславъ II-й Мстиславичъ въ 1154 году, Князья Луцкіе: Владиміръ Мстиславичь въ 1173 году, Ярополкъ Изяславичь въ 1169 году, Изяславъ Ярославичь въ 1195 году; Великій Князь Мстиславъ Мстиславичь въ 1173 году, и Муромскій Князь Глѣбъ Юрьевичь въ 1198 году. Не желали и по смерти Князья разставаться съ своими отцами и братьями и прахъ опочившихъ полагали у обители, ближайшей къ своимъ палатамъ.

V.

Поклоненіе Великомученицѣ Варварѣ.—Богомолки.—Обитель Михаиловская.—Исторія обители.—Древности и гробницы.—Храмъ св. Николая.—Развалины, открытыя у стѣнъ Михаиловской обители.—

Вчера я посѣтилъ Златоверхую обитель и сподобился поклониться мощамъ святой Великомученицы Варвары. Это совершилось во время вечерней молитвы. Не безъ намѣренія избралъ я часъ вечера; одному свободнѣе имѣть доступъ къ ракѣ Великомученицы, вокругъ которой ежедневно по утрамъ, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, бываетъ сильное стеченіе поклонниковъ, притекающихъ со всѣхъ концевъ необъятной Россіи. И въ избранный мною часъ я встрѣтилъ сильную тѣсноту.

Предъ входомъ въ монастырь Святополковъ, полукруглая площадка, замыкаемая стѣнами обители, на коихъ виднѣются полуистертыя временемъ священныя изображенія, была наполнена отдыхавшими богомольцами. Во внутреннемъ дворѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги въ церковь, также лежали и сидѣли, на зеленой муравѣ, странники и поклонники, расположившись провесть ночь подъ открытымъ небомъ и поклониться святой Великомученицѣ на утренней молитвѣ.

Я вошелъ малыми дверями въ сѣверный придѣлъ, во имя Великомученицы. Предъ драгоцѣнною ракою, работы С.-Петербургскаго мастера Андреева, украшенною среброкованною отлично хорошо сдѣланною сѣнію, пожертвованною покойною Графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою, и стоющею до сорока трехъ тысячь рублей серебромъ,— пылали тысячи свѣчей, возженныхъ набожными поклонниками и ярко блестѣвшихъ въ сумракѣ храма. Клиръ торжественно возглашалъ хвалебную пѣснь невѣстѣ Христовой. Я палъ у гроба Великомученицы съ теплою вѣрою и молитвою. Среброкованный, вызолоченъ, съ рельефнымъ, на верхней части крыши, изображеніемъ, гробъ угодницы Господней въ сумракѣ лучезарно сіялъ, осіяваемый пылающими свѣчами. Толпа богомольцевъ до невыразимой тѣсноты наполняла небольшой придѣлъ, въ коемъ почиваетъ св. Варвара.

Вечерняя молитва была въ окончаніи. Я остался въ храмѣ обмѣнить кольцо отъ гроба Великомученицы. Примѣру моему нашлись послѣдователи изъ поклонниковъ, которые по желанію своему обмѣнивали золотыя или серебряныя кольца, или крестики. Священные крестики, кольца, вода и елей, изъ гроба угодницы, разносятся поклонниками по всей Россіи, какъ предохранительныя врачевства отъ тяжкихъ болѣзней. Иные же богомольцы приносятъ въ жертву Великомученицѣ свои собственные перстни, серги и малыя драгоцѣнныя вещи. Въ числѣ такихъ жертвъ находятся перстни Императрицъ: Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, и золотая лампада съ жемчужно-бриллiантовою кистью,—даръ Великой Екатерины.

По вторникамъ, предъ гробомъ св. Варвары читается акаѳистъ, сочиненный въ началѣ 18 столѣтія Митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ. Драгоцѣннѣйшая святыня Михайловской обители—мощи Варвары Великомученицы, изъ Иліополиса прибыли въ Цареградъ, а оттуда, греческою княжною Варварою, супругою Святополка Изяславича, перевезены въ Кіевъ, и положены въ монастырь Святополковъ. Ежегодно, четвертаго Декабря, святыя ея мощи обносятся во кругъ храма.

Первоначально, святая угодница покоилась въ кипарисномъ гробѣ, понынѣ нетлѣнно сохраняющемся въ ризницѣ монастырской; потомъ на пожертвованную однимъ лицомъ сумму устроена сереб-

ряная гробница, нѣсколько передѣланная въ 1797 году. Въ 1847 году, святыя мощи Великомученицы положены въ новую драгоцѣнную гробницу, о которой я уже сказалъ.

Въ бѣдственную годину нашествія Татаръ, святыя мощи были укрыты въ основаніе обители, а когда миновалась гроза Кіеву отъ неистовыхъ полчищъ этихъ варваровъ, святыя мощи снова вынесены наружу и поставлены по срединѣ придѣла.

Въ вечерній часъ, довольно поздній, не могъ я въ толпѣ обозрѣть древнюю обитель Михайловскую, но на другой уже день, раннимъ утромъ, стоялъ на ступеняхъ наружнаго входа въ монастырь. Необозримое число поклонниковъ, преимущественно низшаго класса женщинъ, великороссійскихъ губерній, спѣшили вслѣдъ за мною. Почти каждая изъ богомолокъ имѣла за плечами на помочахъ небольшую клеенковую или полотняную котомку, наполненную запаснымъ бѣльемъ и мелочами, пріобрѣтенными въ Кіевѣ; спереди же небольшія ивовыя корзинки, работы Кіевской, въ которыя поклонницы полагали освященныя вещи: крестики, иконки, ладунки, въ стклянкахъ святую воду и елей. Если какой художникъ пожелалъ бы изобразить нашу русскую богомолку-пилигримку, то онъ долженъ находится въ Кіевѣ, и здѣсь найдетъ истинный типъ для своего произведенія.

Головы и ноги этихъ благочестивыхъ странницъ обвязаны кусками холста и платками, въ защиту отъ палящихъ лучей солнца, превратившихъ натуральный цвѣтъ лица ихъ въ мѣдный. Ноги ихъ, прошедшія нѣсколько тысячь верстъ, по неволѣ пришли въ болѣзненное состояніе. Одна одежда, чрезвычайно разнообразная, уже рѣзко отличаетъ ревностныхъ скиталицъ, по святымъ мѣстамъ, отъ постоянныхъ жителей Кіева, а выраженіе лицъ и всѣ дѣйствія поклонницъ ясно говорятъ, какое побужденіе руководитъ ихъ на столь безмѣрномъ пути, на каждомъ шагѣ, сопряженномъ съ трудностями и ежечасными лишеніями. Нигдѣ такъ не удобно изучать и сравнивать одежды простаго народа, какъ въ Кіевѣ, куда стекаются богомольцы со всей пространной Россіи.

Четырехугольная, въ три этажа, колокольня Михайловская, съ недавно позолоченнымъ куполомъ, возвышается напротивъ, нѣсколько сходной съ нею архитектурою, колокольни Софійской. Кажется одинъ зодчій былъ строителемъ обѣихъ колоколень. Украшенія ихъ также довольно сходны, хотя Михайловская колокольня начала созидаться въ 1716 году, тридцатью годами ранѣе Софійской.

Вотъ два великіе памятника Кіевскіе, или, вѣрнѣе, всей Россіи, стоящіе другъ противъ друга, на противуположныхъ оконечностяхъ площади, неправильно занятой частію, кварталомъ ветхихъ домовъ.

Это двѣ главы изъ славной исторіи Кіева, а вмѣстѣ съ этимъ и нашего отечественнаго бытописанія.

Обитель Михайловская, или, по народному, монастырь Варвары,—созданный въ знаменіе побѣды Христіанства надъ язычествомъ,—древнѣйшая изъ всѣхъ монастырей отечества. Великій Князь Владиміръ, принявъ въ Херсонѣ святое крещеніе, привезъ съ собою перваго Кіевскаго Митрополита святаго Михаила. «И посади (Михаилъ) иноковъ на горѣ, не далече отъ чертова беремища (Зборичева взвоза), на свое имя и церковь Архангела Михаила созда» *). Это совершилось въ 989 году. Первоначальная церковь обители Архангельской была конечно деревянная и малая. Надъ тѣмъ храмомъ протекло сто девятнадцать лѣтъ; онъ обветшалъ, но будучи созданъ по такому вождѣленному для Церкви и гражданственности событію, а при томъ, какъ первый разсадникъ иноческаго житія въ Кіевѣ, не могъ быть допущенъ до конечнаго разрушенія и исчезнуть въ лѣтописныхъ предѣлахъ града Владиміра, погребенный въ кучѣ развалинъ, занесенныхъ слоями мусора и песку, оставивъ по себѣ вѣчное и самое приличное святое знаменіе Кіеву (коимъ онъ съ того времени и знаменуется),—съ мечемъ въ одной рукѣ и со щитомъ въ другой стоящаго на горѣ, съ открытою

*) Синопс. стр. 54. изд. 1823 г.

головою, Архангела, побѣдителя змія діявольскаго *). И вотъ наружно набожный Великій Князь Святополкъ II-й (Михаилъ) Изяславичь въ 1108 году, созидаетъ на мѣстѣ древней Михайловской церкви великолѣпную, о пятнадцати позлащенныхъ главахъ, каменную обитель, прилично названную Златоверхою.

Дивно украшена была,—по слову лѣтописца,—Святополкомъ новосозданная его Златоверхая обитель; внутри, стѣны ея, въ подражаніе церквѣ Десятинной, были покрыты драгоцѣнною мусіею и живописными изображеніями святыхъ угодниковъ. Главный храмъ въ ширину простирается на $8^1/_2$, а въ длину на 15 саженей.

Во дни нашествія грознаго Батыя и Златоверхая обитель лишилась позлащенныхъ главъ, и разрушены многія ея стѣны, съ бывшею на нихъ мозаикою, отъ которой уцѣлѣло и понынѣ сохранено на внутренней стѣнѣ алтаря изображеніе Тайной Вечери, съ греческими надписаніями, подобными надписаніямъ, находящимся въ Софійскомъ храмѣ.

Церковныя лѣтописи записали имена двухъ ревнителей о благосостояніи Михайловской обители: Игумена Макарія и Митрополита Іова Борецкаго. Ко времени же царствованія Императора Петра I-го

---

*) Таковъ гербъ Кіева. Это изображеніе, сдѣланное изъ позолоченной мѣди, находится и нынѣ на Михайловской церкви.

относится построеніе двухъ придѣловъ большой церкви.

Послѣдній изъ ревнителей Михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій, бывшій, какъ я прежде уже сказалъ, священникомъ при церквѣ Воскресенской, на Подолѣ, а потомъ игуменомъ Михайловскаго монастыря, по просьбѣ Гетмана Петра Сагайдачнаго посвященный, въ 1620 году, въ Митрополиты Кіевскіе, построилъ при Михайловской обители, въ 1621 году, вмѣсто прежней деревянной каменную церковь во имя Іоанна Богослова. Борецкій въ санѣ Іерея носилъ имя Іоанна. При этой церквѣ добрый и ученый пастырь, ревнитель и защитникъ Православія,—еще въ 1625 году ходатайствовавшій у Царя о присоединеніи Малороссіи къ Россіи *),—учредилъ женскій Богоявленскій монастырь, въ которомъ супруга его, оканчивая старческія лѣта, была настоятельницею. Протекло уже сто сорокъ лѣтъ, какъ этотъ монастырь, первоначально переведенный на Подолъ въ Іорданскій женскій, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ соединенъ съ Флоровскою женскою обителью, а сооруженная Борецкимъ каменная церковь обращена въ монастырскую трапезу.

На этотъ разъ я подробно обозрѣлъ большую церковь Златоверхой обители, и, приложась къ мощамъ св. Великомученицы Варвары, поклонился

*) Кіев. 1850 г. стр. 129.

также стоящему, у главы ея во гробѣ образу, изображающему усѣкновенную главу Великомученицы, украшенному девятью драгоцѣнными перстнями, изъ коихъ два подарены Елисаветой Петровной и Анной Іоанновной. Поклонился и предъ храмовою иконою, осыпанною бриліантами, изображающею Архангела Михаила. Образъ этотъ, оцѣненный въ 15 тысячь серебромъ, присланъ, въ 1817 году, въ даръ монастырю Благословеннымъ Императоромъ, въ память побѣды надъ иноплеменными народами, вторгнувшимся въ Россію въ 1812 году. Иконостасъ главнаго придѣла искусно сдѣланъ; по рѣзнымъ серебряным колоннамъ вьются рѣзныя золотыя вѣтьви; кругомъ же по иконостасу, эти вѣтьви расположены по лазоревому полю. Царскія двери серебряныя, кованныя, и на нихъ образа: Благовѣщеніе и Евангелисты золотые.

Въ храмѣ Михайловскомъ все дышетъ святою древностію: его внутреннее устройство и расположеніе, его иконописаніе и украшенія мусіею говорятъ о давно минувшихъ, первыхъ вѣкахъ Христіанства въ Россіи. Какъ сладостно молиться въ томъ храмѣ, въ которомъ молились многіе наши угодники, не вдалекѣ отъ обители и даже въ ея придѣлахъ опочившіе; молиться тамъ, гдѣ молились первые наши Христіане-соотечественники; молиться, наконецъ въ первой нашей отечественной монастырской обители. Замѣчу еще и то, что обитель Ми-

хайловская нѣсколько лѣтъ, съ 1620 по 1633 годъ, имѣла Митрополитскую каѳедру, перенесенную сюда изъ Софійскаго Собора, подпавшаго въ тѣ, горестные для Православія, годы зависимости уніатовъ, гнѣздившихся въ святыхъ стѣнахъ обители Ярославовой, съ 1596 по 1632 годъ.

За правымъ клиросомъ, при столбѣ, въ особомъ кіотѣ, сіяетъ образъ Богоматери, именуемый Наводворской. Къ этой иконѣ притекаетъ большое число поклонниковъ съ моленіями Приснодѣвѣ Маріи о умиленіи гордыни, смиреніи злобы и клеветы, подарованіи спокойствія, мира и тишины, святыхъ услажденіи сердца человѣческаго. И я излилъ предъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери задушевную, пламенную молитву, положивъ въ ней одной мою свѣтлую надежду и спасеніе...

Въ западномъ притворѣ большой церкви, весьма темномъ, подъ вѣковыми сводами, находятся въ нишахъ одна противъ другой кирпичныя, покрытыя сверху искуственнымъ, бѣлаго цвѣта мраморомъ гробницы. Находящуюся направо отъ главнаго входа, по древнему преданію считаютъ принадлежащею строителю Михайловскаго монастыря, Великому Князю Святополку II-му; умершему въ 1113 году. Замѣтимъ, что этотъ В. К. первый повелѣлъ Митрополиту вписать въ Синодикъ имя Ѳеодосіево, для поминовенія во всѣхъ Россійскихъ Епископіяхъ. Это было въ 1108 году. Находящуюся же налѣво,

принадлежащею его супругѣ, греческой царевнѣ Варварѣ, дочери Алексія Комнина. Надписанія недавнихъ лѣтъ передаютъ любознательнымъ имена почивающихъ въ этихъ двухъ саркофагахъ. Не имѣя особенныхъ украшеній, надгробія эти и не привлекали хищныхъ взоровъ варваровъ, разрушавшихъ все, что ихъ прельщало; поэтому гробницы эти всегда пребывали нерушимы.

Въ общей усыпальницѣ обители Михайловской неизвѣстны гробницы: Князя Добровицкаго, Глѣба Георгіевича, умершаго въ 1197 году, и Ростислава Георгіевича, опочившаго въ 1151 году. У праха дядей улеглись на вѣчное успокоеніе еще два Князя,— подобно многимъ смертнымъ мечтавшіе о жизни долгой, въ то уже время, когда старческіе годы и болѣзнь изрыла имъ могилы, — Князья Андрей и Святославъ Владиміровичи.

Митрополитъ Іовъ Борецкій восхотѣлъ на вѣчныя времена пребывать въ стѣнахъ своей обители, и опочилъ въ 1631 году въ усыпальницѣ Михайловской.

За алтаремъ большой церкви существуетъ небольшой деревянный храмъ во имя Святителя Николая. Изъ описанія обители Златоверхой я зналъ объ этой церквѣ и собирался при обозрѣніи обители Святополковой помолиться моему патрону, и желаніе свое исполнилъ. Что же мнѣ сказать особеннаго о церквѣ Николая угодника? Напомню то,

что это домовая церковь Викаріевъ Кіевской Митрополіи, Епископовъ Чигиринскихъ, съ 1799 года имѣющихъ здѣсь каѳедру и считающихся монастырскими настоятелями.

Толпы богомольцевъ не оставляли стѣнъ монастырскихъ, и если иные, помолясь святынѣ Михайловской, уходили въ другія обители и храмы, то новыя толпы спѣшили ко входамъ Михайловскимъ.

Въ продолженіе двухъ недѣль, каждый богомолецъ остается въ Кіевѣ, и почти двѣ трети изъ всего числа благочестивыхъ странниковъ, притекающихъ въ святой городъ, находятъ себѣ пристанище или во дворахъ монастырей, или за оградами церквей, или наконецъ, послѣ томительнаго пути, котораго, можетъ быть, они совершили только половину, почиваютъ у водоема Сампсоніева, который особенно чествуется народомъ, подъ арками Крещатинской колонны и гдѣ кого привелъ Господь. Большая часть поклонниковъ святою обязанностію поставляетъ для себя отговѣться въ одномъ изъ монастырей Кіевскихъ, преимущественно же въ Лаврѣ, въ церквяхъ пещерныхъ, въ Михайловской обители, или въ Софійскомъ Соборѣ. Ежегодно въ числѣ поклонниковъ, притекающихъ въ Кіевъ, находятся такіе, которые изъ Кіева отправляются на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ и на Аѳонскія горы.

Толпа набожныхъ поклонницъ направилась по улицѣ къ храму Десятинному, а я, слѣдуя указа-

міи лѣтописи, искалъ въ ближайшихъ придѣлахъ къ обители Святополковой другой обители, заложенной въ 1055 году, и за полвѣка созданной отцемъ его Изяславомъ Ярославичемъ, въ память крестнаго имени своего—Димитрія. Искалъ я и гробницы Ярополка Изяславича, убитаго, въ 1086 году, подъ Звенигородомъ и погребеннаго въ монастырѣ Димитріевскомъ, въ церквѣ Апостола Петра, созданной этимъ Княземъ. Но нынѣ и слѣдовъ не осталось отъ обители Дмитріевской и безвѣстны міру не только гробницы, но и имена многихъ, нашедшихъ подъ сводами ея покой послѣ юдоли плача.

Девяносто три года, какъ возведена каменная ограда монастыря Михайловскаго. При сооруженіи ея открыты были, на возвышенномъ мѣстѣ, къ юго-востоку, фундаменты церквей весьма древней кладки.

Знаете ли, что такое древняя кладка Кіевскихъ храмовъ и зданій? Прежде всего надобно замѣтить, что форма древняго кирпича отлична отъ настоящаго. Въ древности дѣлался кирпичь квадратный, въ величину двухъ новаго времени кирпичей, сложенныхъ широкими сторонами, и при этомъ гораздо тоньше нынѣшняго *). Въ массу кирпича употреб-

*) Древній имѣлъ средній размѣръ въ ширину 6 вершковъ, въ длину 7, а въ толщину вершокъ; таковъ кирпичь Ирининской церкви и св. Софіи.

лялся толченый камень. Въ кладку же зданій полагалось гораздо болѣе цемента, нежели нынѣ употребляется. Въ самый цементъ кромѣ извести, алебастра и песку, примѣшивали толченый кирпичь, и клались огромныя необтесанныя глыбы дикаго камня.

При открытіи древнихъ фундаментовъ вблизи Златоверхой обители, предположили, что это остатки Дмитріевскаго монастыря, по существовавшему нѣкогда близь развалинъ этихъ Дмитріевскому взвозу, мимо Крещатика *). Можетъ быть предположеніе это невѣрно, но кто его утвердитъ неоспоримыми доказательствами?

Чрезъ часъ послѣ этого обозрѣнія, я возвратился на квартиру и провожалъ брата, отъѣзжавшаго въ окрестности Кіева, о которыхъ я кое-что вамъ напишу, окончивши настоящее обозрѣніе Кіева.

*) Опис. Кіев. Берл.—Сильвестръ Коссовъ въ патерикѣ написалъ, что въ его время, т. е. въ 17 столѣтіи, были видны развалины Дмитріевскаго монастыря у Лавры,—на крутомъ возвышеніи Печерской горы, гдѣ Реформатская церковь. Но это едва ли монастырь, основанный В. К. Изяславомъ Ярославичемъ.

VI.

Великій Князь Ярославъ.—Тріумфальная колокольня.—Внѣшній видъ Софійскаго Собора.—Его Архитектура и древніе куполы.—Исторія Софійскаго храма.—Внутреннее украшеніе и недавно открытыя мозаическія изображенія.—Фрески и возобновленіе ихъ.—Ихъ характеръ, величина, очертаніе и все прочее.—Арабески.—Древнія надписанія на фрескахъ.—Древности и святыня собора.—Остатокъ Великокняжеской гробницы.—Гровница Ярославова.—Вѣнчаніе на царство В. К. Владиміра Мономаха.—Царскіе регаліи.—Усыпальница Софійская и памятникъ Митрополиту Евгенію.—Храмовое празднество.—Новые трофеи.—Зданія, окружающія Софійскій Соборъ.—Остатокъ развалинъ Ирининскаго монастыря.—Церковь Георгія.—Золотыя ворота.—Могила Князя Дира.—Врата Лядскія и Львовскія.—Нищіе.—

Вотъ я уже у стѣнъ святой Софіи; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гробницы Ярославовой. Но прежде, нежели взойду подъ нерушимые своды церкви Премудрости Господней, приведу на память нѣкото-

рыя черты изъ жизни создателя этого великолѣпнаго храма, чтобы воздать должное поклоненіе праху Великаго Князя, предъ гробницею коего, ежегодно проходятъ со всѣхъ концевъ Россіи, многія тысячи поклонниковъ, заучившихъ одно наименованіе княжеской гробницы, но безсознательно взирая на нее, не вѣдая дѣяній почивающаго въ ней Великаго Князя.

Чадолюбивый Великій Князь Владиміръ, раздѣлившій Россію на удѣлы, по смерти Вышеслава, старшаго своего сына, назначилъ Ярослава, третьяго сына, рожденнаго отъ Полоцкой Княжны Рогнѣды, правителемъ Новагорода. Намѣстники Новогородскіе обязаны были платить Великому Князю Кіевскому двѣ тысячи гривенъ и тысячу его гриднямъ. Ярославъ не выслалъ этой дани въ Кіевъ и объявилъ себя независимымъ отъ Великаго Княженія. Свѣдавъ объ этомъ отецъ его, повелѣлъ собрать войска къ походу въ Новгородъ. Ярославъ съ своей стороны, забывъ страхъ Божій, рѣшался уже поднять мечь противъ воиновъ Владиміровыхъ и призвалъ на помощь Варяговъ. Строптивый поступокъ Ярослава огорчилъ чадолюбиваго отца. Владиміръ заболѣлъ и, переѣхавши изъ Кіевскаго двора въ любимое свое село, Берестовое, опочилъ.

Послѣ этого перваго дѣйствія изъ драмы жизни Ярославовой, впослѣдствіи загладившаго свой поступокъ и примирившагося съ прахомъ огорченнаго имъ отца, началось второе, кровавое дѣйствіе: усы-

новленный Владиміромъ сынъ его Святополкъ, рожденный отъ жены брата его Ярополка, незаконно возсѣлъ на престолъ Кіевскій и немедленно ознаменовалъ свое княженіе вѣроломнымъ убійствомъ двухъ братьевъ, сыновей св. Владиміра, Бориса и Глѣба. Такая же участь постигла Святополка и ожидала Ярослава. Но этотъ Князь, увѣдомленный о злодѣяніяхъ Святополка сестрою своею Предславою, созвалъ вѣрную дружину свою Новогородскую и на берегу Днѣпра у Любеча, сошелся съ окаяннымъ *) убійцею его братьевъ.

Ярославъ отъ природы былъ хромой. Военачальникъ Святополковъ, разъѣзжая верхомъ у берега Днѣпра, насмѣхался надъ Новгородцами и ихъ Княземъ:

— «За чѣмъ вы пришли сюда съ хромымъ Княземъ своимъ? Ваше дѣло плотничать, не сражаться» **),— говорилъ военачальникъ.

— «Завтра мы будемъ на твоей сторонѣ Днѣпра, и отдадимъ тебѣ отчетъ!—отвѣчала дружина Новогородская. И въ то время, когда окаянный убійца пировалъ, войско Ярослава переплыло Днѣпръ и обвязавъ себѣ головы платками, для отличія себя

---

*) Такъ именуетъ его лѣтописецъ, говоря: Святославъ же окаянный нача княжити въ Кіевѣ. Лѣт. Нест. по Ник. сп. Т. I. ст. 122 изд. 1767 г. **) Значитъ въ то время Новогородцы были извѣстные плотники.

отъ враговъ, начало битву, кончившуюся разбитіемъ войскъ Святополковыхъ. Ярославъ съ побѣдою вошелъ въ Кіевъ, а Святополкъ убѣжалъ искать помощи въ Польшу, къ Болеславу, и вскорѣ явился съ Польскимъ войскомъ въ предѣлахъ Россіи. Ярославъ принужденъ былъ возвратиться въ Новгородъ, а Святополкъ возвратился на захваченный имъ прежде Великокняжескій престолъ.

Собравъ вновь дружину Новогородскую Ярославъ двинулся вторично къ Кіеву, желая наказать убійцу его трехъ братьевъ. Полки двухъ соперниковъ встрѣтились на этотъ разъ, на берегу Альты у Переяславля, на мѣстѣ убійства Бориса. Произошло кровопролитное сраженіе. Войско Святополково почти все улеглось въ окрестностяхъ Переяславля, оставивъ слѣды безчисленныхъ могилъ и до нынѣ видимыхъ, а самъ Святополкъ едва могъ убѣжать отъ преслѣдованія Новгородской дружины, скрылся въ пустыняхъ Богеміи и тамъ безвѣстно, какъ звѣрь дикій, погибъ.

Для конечнаго достиженія и прочнаго утвержденія на Великокняжескомъ престолѣ, Ярославу предстояло водить полки противъ храбраго своего брата Мстислава, никогда незнавшаго неудачи въ битвахъ и поразившаго Казаръ въ Тавридѣ и Черкесъ. У стѣнъ Чернигова Мстиславъ разбилъ и войска Ярославовы; но сознавая разсудительность старшаго брата Ярослава, отдалъ ему навсегда Кіевскій Велико-

княжескій престолъ, и съ того времени Ярославъ сдѣлался полнымъ властителемъ Кіева и всей Россіи, простиравшейся въ то время, отъ моря Балтійскаго до Чернаго и отъ Венгріи до р. Дона.

Слѣдуя примѣру благовѣрнаго отца своего, Ярославъ раздѣлилъ государство на удѣлы, между сыновьями своими, и отправился съ старшимъ сыномъ шестьнадцати-лѣтнимъ Владиміромъ въ Новогородъ, желая отдать ему область эту въ удѣлъ. Печенѣги пользуясь отсутствіемъ Ярослава, съ значительными силами подошли къ Кіеву, въ тѣ бѣдственные годы, отъ безпрестанныхъ междоусобій лишенному послѣднихъ укрѣпленій, возведенныхъ при Великомъ Князѣ Владимірѣ. Ярославъ поспѣшилъ на помощь столицѣ и предъ самымъ городомъ, недалеко отъ церкви Десятинной, встрѣтилъ враговъ и совершенно поразилъ ихъ. На самомъ мѣстѣ побѣды онъ заложилъ великолѣпную церковь Митрополитскую святую Софію, по образцу Софійскаго храма въ Византіи, воздвигнутаго въ 6 вѣкѣ Царемъ Юстиніаномъ.

Таково было начало возникновенія великолѣпнаго храма Ярославова. Исторія его въ позднѣйшее время начертана на внутреннихъ стѣнахъ вязью, по краямъ четырехъ верхнихъ сводовъ. Вотъ она, хотя и не совсѣмъ вѣрна: начнемъ *съ сѣверной стороны:* «Изволеніемъ Божіимъ нача здатися сей Премудрости Божія храмъ въ лѣто 1011, благочестивымъ Княземъ и Самодержцемъ всея Россіи, Ярославомъ Георгіемъ

Владиміровичемъ, совершися же въ лѣто 1038.» Надпись эта, какъ и слѣдующія, позднѣйшаго времени, и поэтому немудрено, что она невѣрно передаетъ время сооруженія этого храма. Продолженіе этой надписи находится на сторонахъ: *восточной*, «И освященъ Ѳеопемтомъ Митрополитомъ Кіевскимъ *) тойжде святый храмъ, и даже до лѣта 1596 правовѣрными Митрополитами отъ востока содержимъ бысть. Въ лѣто же то отступникомъ Михаиломъ Рогозою въ запустѣніе и разореніе пріиде, даже до лѣта 1640 въ томъ пребысть;» *южной*, «Въ лѣто же благодатіею Божіею, егда царствовати нача Владиславъ IV-й великій король польскій благочестивыя церкви восточныя сынамъ возврати и отдаде ей, въ лѣто же 1634 тщаніемъ,» *западной*, «иждивеніемъ Преосвященнѣйшаго Архіепископа, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Россіи, экзарха храму Константинопольскаго, Архимандрита Печерской Лавры Петра Могилы обновлятися нача, во славу Бога, въ Троицѣ славимаго.» На одной же изъ вторыхъ арокъ, отдѣляющихъ первый сводъ отъ втораго, нынѣ начертана надпись: «Во славу ипостасныя Божія Премудрости, повелѣніемъ Благочестивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Николая Павловича, благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода и Преосвя-

*) Ноября 1037 года.

щеннѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, при Военномъ Губернаторѣ, Генералъ-Адъютантѣ Бибиковѣ, обновися сей храмъ, по открытымъ древнимъ фрескамъ, новою живописью, внутреннею и внѣшнею позолотою, подъ руководствомъ Академика Солнцева и трудами Соборнаго Старца Кіево-Печерскія Лавры, Іеромонаха Иринарха, лѣта отъ Р. Х. 1851.

Въ одно почти время Великій Князь заложилъ, въ сосѣдствѣ съ храмомъ Софіи, два монастыря: одинъ въ память крестнаго имени своего Георгія, другой во имя св. Ирины и значительно уже расширилъ градъ свой, занимавшій, при отцѣ его, отдѣленіе горы Андреевской и часть горы Михайловской до перевѣсища и обвелъ его каменною стѣною, въ которой, въ числѣ другихъ вратъ, находились *Золотыя:* «Заложи градъ великій, у него же суть золотыя ворота».

Въ новосозданныхъ монастыряхъ Великій Князь ввелъ для монашествующихъ особыя правила и церковное демественное или уставное пѣніе, коему научали Русскихъ пѣвцовъ Греки, нарочно выписанные изъ Греціи.

Кому неизвѣстно, что Ярославъ первый даровалъ Россіи письменные, гражданскіе законы, названные *Русскою Правдою.* Первый завелъ библіотеки, а въ особенности положилъ большое число рукописей при Софійскомъ храмѣ, истребленныхъ

въ послѣдовавшія времена врагами, пожарами и временемъ.

Ревностно заботясь о распространеніи и утвержденіи христіанства въ Россіи, Великій Ярославъ обратилъ также вниманіе и на своевольство Грековъ и послалъ Владиміра къ Царяграду, который, послѣ перемѣнчиваго счастія, совершенно уничтожилъ греческій флотъ, и, наказавъ строптивыхъ, со славою и дарами возвратился въ Кіевъ. Это была послѣдняя война отечества нашего собственно съ Византіею.

Послѣдніе годы жизни Великій Князь Ярославъ посвятилъ болѣе внутреннему устройству государства и въ числѣ многихъ достославныхъ дѣлъ было то, что онъ повелѣлъ постановить въ Кіевѣ Епископовъ и Митрополита, безъ участія Константинопольскаго Патріарха.

Набожность Великаго Ярослава была примѣрная; онъ повелѣлъ вырыть кости братьевъ Владиміровыхъ, умершихъ въ язычествѣ, Олега и Ярополка, крестилъ и положилъ въ Десятинной церквѣ.

Почувствовавъ приближеніе кончины, Великій Князь поѣхалъ въ Вышгородъ и тамъ умеръ 19-го Февраля 1054 года, проживъ до семидесяти лѣтъ.

Всеволодъ, любимый сынъ Ярослава, похоронилъ отца въ Кіевѣ, въ мраморной *) гробницѣ, въ церквѣ

*) Лѣтоп. по Никон. спис. Т. I. ст. 144. изд. 1767 и Синопс. 1823 г. Слѣдовательно эта гробница современна смерти В. К. Ярослава и поэтому тѣ ошибаются, которые считаютъ ее позднѣйшихъ лѣтъ. См. указ. Свят. 1850 ст. 103.

св. Софіи, въ придѣлѣ святаго Владиміра. Жена Ярослава, Анна, умерла ранѣе четырьмя годами и именно въ 1050 году, въ Новѣгородѣ, и гробница ея и старшаго сына Ярославова, Владиміра, прежде были среброкованны, а въ послѣдствіи замѣнены деревянными; серебрянныя же похищены Шведами. Онѣ находятся въ Софійской Новогородской церквѣ съ южной стороны.

Тріумфальною колокольнею, такъ названною по украшеніямъ, сооруженною за сто шесть лѣтъ предъ симъ (въ 1746 году, вмѣстѣ съ каменною оградою собора) ревностію Митрополита Рафаила Заборовскаго, нынѣ возвышенною четвертымъ этажемъ, вошелъ я во внутренній дворъ Митрополитанскаго каѳедральнаго собора и предъ глазами моими представилось, во всемъ величіи, громадное зданіе Ярославово, съ позднѣйшими къ нему пристройками придѣловъ, фронтоновъ, куполовъ и частыхъ контрафорсовъ для красоты, величія, поддержанія и защиты древнихъ его стѣнъ. Эти пристройки совершенно измѣнили древній, наружный видъ святой Софіи, которая, по описанію Синопсиса имѣла одинъ куполъ главный. Внутри храмъ былъ крестообразно расположенъ, съ двойными двухъярусными галлереями по бокамъ и съ одною со свода. Нижній этажъ этихъ галлерей былъ окруженъ портиками, восходившими до верху и изъ внутри алтаря можно

было обходить кругомъ церкви, не выходя изъ храма.

Одинадцать большихъ и четыре малыхъ, позлащенныхъ купола блестятъ нынѣ на древнихъ сводахъ Софійскихъ. Но не такова была эта златая корона, вѣнчавшая высоту Софійскую въ древнее время, отъ коей и понынѣ уцѣлѣли и вполнѣ сохранились, не только самыя стѣны, своды ихъ, но и куполы, скрытые подъ тяжкою массою желѣзной крыши, покрывающей соборъ.

Весьма старинные древніе Софійскіе куполы, какъ бы соединенные по два вмѣстѣ съ углубленіями для образцевъ, вполнѣ оштукатуренные, находятся подъ крышею на сѣверо-западной и юго-западной сторонахъ храма. Еще въ 1850 году, обозрѣвая соборъ, видѣлъ я эти остатки Софійской древности, вполнѣ доказывающей, что стѣны собора съ ихъ священными изображеніями, вполнѣ сохранились отъ разрушеній, если сохранились древней кладки куполы. Но по какой причинѣ они сокрыты подъ навѣсомъ крыши и не возобновлены на нихъ главы, разрушенныя варварами, этого вопроса я немогъ разрѣшить.

Налѣво отъ собора представилась взору моему не высокая теплая каменная церковь, а не вдалекѣ отъ нея обширный колодезь, прикрытый широкимъ, деревяннымъ навѣсомъ. Онъ сооруженъ здѣсь, какъ бы въ подражаніе водохранилища, находив-

шагося въ храмѣ Юстиніана. Прямо противъ входа зеленѣлись деревья и за ними выказывался верхній этажъ Митрополитанскаго зданія, основаннаго Архіепископомъ Варлаамомъ и оконченнаго Митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Въ этомъ зданіи недавно устроена малая церковь во имя Священномученика Макарія.

Храмъ Ярославовъ значительно менѣе храма Византійскаго: древній Кіевскій Софійскій храмъ занималъ въ длину 17, въ ширину $25^1/_2$, а въ высоту до карниза подъ куполомъ 10 саженей съ аршиномъ; главная же высота отъ фундамента до оконечности креста 22 сажени.

Изъ всѣхъ древнихъ церквей вѣковѣчнаго Кіева, гораздо менѣе прочихъ пострадалъ отъ разрушеній, храмъ Софіи: древніе шиферные карнизы, порфировыя украшенія и перилы на хорахъ, украшенные по примѣру храма Византійскаго лиліями и орлами, стѣнописаніе, сохранившееся подъ сводами всѣхъ куполовъ и древніе куполы, о коихъ я сказалъ, доказываютъ это. Не безъ основанія же народъ русскій считаетъ алтарныя стѣны Софійскаго храма нерушимыми, а самую церковь необоримою. Тѣ же горестныя событія, которыя пронеслись надъ Кіевомъ и надъ каждымъ изъ его святыхъ храмовъ, пронеслись и надъ обителью Ярослава. Подвергалась и она частымъ грабительствамъ, во дни междоусобій княжескихъ. Варварская рука Татаръ срывала въ

1240 году, позлащенные металлическіе листы, думая что они чистаго золота, съ куполовъ святой Софіи; но благодатью небесною сохранились онѣ лучше стѣнъ всѣхъ прочихъ храмовъ. Менѣе сокрушительны были для нее вѣковыя запустѣнія, послѣ нашествій Татарскихъ, произшедшихъ въ 1484 году, при Ханѣ Менгли Гиреѣ, похитившемъ изъ храма Премудрости всѣ драгоцѣнности, изъ коихъ нѣкоторую только часть, послалъ этотъ Кримскій варваръ, Царю Московскому, Іоанну III.

Въ числѣ драгоцѣнностей, похищенныхъ Менгли Гиреемъ изъ Софійскаго храма, находился и крестъ животворящаго древа, принесенный святою Ольгою въ Кіевъ и стоявшій на горнемъ мѣстѣ главнаго алтаря.

И злочестивая унія вплела въ судьбу храма Ярославова свои терновыя вѣтви. И послѣ всего этого Соборъ Софійскій сохранилъ большую часть своихъ древнихъ украшеній. Я уже сказалъ, что Митрополитъ Петръ Могила, много содѣйствовалъ къ этому, возобновивъ разрушенныя части Софіи и возвелъ новые куполы послѣ 1633 года, оставивъ старыя подъ крышею.

Небольшою дверью южнаго придѣла вошелъ я въ церковь Ярославову, надъ коею пронеслось восемь вѣковъ и четырнадцать лѣтъ; легко сказать и написать, но какъ подумаешь о всеобщей тлѣнности

міра, то невольно ужаснешься предъ такою вѣковѣчностію этого храма.

Въ то время какъ я спустился южною дверью съ внѣшняго порога, двумя ступенями на полъ храма, подъ его таинственные, утопающіе въ полусумракѣ своды, сердце мое забилось другою жизнію,—жизнію временъ Ярославовыхъ.

Странное, но весьма замѣчательное обстоятельство: южнымъ придѣломъ обыкновенно входятъ въ нашъ Кіевскій Софійскій Соборъ; западныя, или главныя врата коего обращены къ дому Митрополитскому, находящемуся внутри двора Собора, не могутъ поэтому для народа служить ближайшимъ и и главнымъ входомъ. Мѣстность не позволила и въ храмѣ Юстиніана входить Императорамъ западными дверьми. То же самое существуетъ и въ Іерусалимѣ, въ храмѣ св. Гроба.

Я стоялъ подъ сѣнію того храма, въ которомъ молился Ярославъ, Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ. Предъ очами моими были тѣ самые святые лики угодниковъ, предъ коими изливали мольбы древніе Великіе Князья Кіевскіе. На тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ приносилась безкровная жертва Господу, при Ярославѣ и его потомкахъ,—приносится и нынѣ...

Въ послѣднее десятилѣтіе, первоначально въ 1839 году, произошло неимовѣрное измѣненіе во внутреннемъ украшеніи Софійскаго Собора. Восьмивѣковыя стѣны храма, украшенныя живописными

изображеніями святыхъ угодниковъ, при Ярославѣ, со времени Митрополита Петра Могилы, многократно были покрываемы слоями извѣстковой побѣлки, но не масляною покраскою, какъ нѣкоторые пишутъ. Нечаянный случай, именно: видъ части мозаическаго изображенія Богоматери и звѣзды изъ-за предѣловъ высокаго иконостаса и обвалившейся побѣлки, послужилъ къ открытію Академику, Г. Солнцеву, подъ старыми слоями извѣсти, еще древнѣйшей ихъ, стѣнной фресковой живописи одинадцатаго столѣтія. Иконостасъ соорудилъ Митрополитъ Рафаилъ Заборовскій. Этотъ иконостасъ возвышался до сводовъ главнаго купола, и изъ-за него не былъ видѣнъ колосальный мозаическій образъ Богоматери, изображенный подъ сводомъ главнаго алтаря, надъ горнимъ мѣстомъ, никогда не подвергавшійся побѣлкѣ или другому измѣненію. Иконостасъ этотъ нынѣ уменьшенъ и поновленъ. Образъ Богоматери, изъ западныхъ вратъ представляется взору во всемъ величіи.

Хранительница великокняжеской столицы, а вмѣстѣ съ этимъ и всей Россіи, изображена на золотомъ мозаическомъ полѣ, стоящая на такомъ же полѣ, отдѣленномъ отъ прочей части поля четырехугольной тонкой полосой темнаго цвѣта мозаики съ бѣлыми украшеніями. Поэтому ошибаются тѣ, которые при описаніи святаго изображенія говорятъ, что Богоматерь стоитъ на камнѣ; ужь скорѣе на

коврѣ или же на каменной плитѣ; а камень не могъ быть такъ изображенъ мозаикою. Любознательные, да обратятъ на это вниманіе.

Руки ея воздѣты горѣ; хитонъ на ней лазурнаго цвѣта, поясъ червленный и на немъ съ правой стороны виситъ бѣлый лентіонъ; поручи лазуревыя. Златое покрывало спускается съ лика Богоматери въ видѣ омофора на лѣвое плечо; на челѣ и на раменахъ ея не звѣзды, но четвероконечные кресты *). Самый ликъ Богоматери, подобный встрѣчаемымъ на старинныхъ греческихъ образахъ, чрезвычайно выразителенъ и при взорѣ на него вселяетъ въ душу святое благоговѣніе.

Къ этому величественнѣйшему святому изображенію временъ Ярослава, притекаютъ со всѣхъ концевъ свѣта Православные Христіане поклониться, какъ нерушимому образу, среди столькихъ страшныхъ бѣдствій, отъ коихъ былъ разрушенъ не только Кіевъ, но и большая часть городовъ нашего отечества.

Въ храмѣ Юстиніана, какъ и въ храмѣ Ярослава, почти въ одно время, открыты древнія мозаики, и въ числѣ ихъ, на такъ называемой царской аркѣ,

---

*) Всѣ, писавшіе о мозаикѣ Софійскаго Собора, дѣлали ошибку, говоря, что на раменахъ и челѣ Богоматери изображены золотыя звѣзды, не обращая должнаго вниманія на самое изображеніе.

или той, что поверхъ иконостаса, представлена Богоматерь совершенно схожею съ изображеніемъ, находящимся на нерушимой стѣнѣ Кіевской Софіи; около Царяградскаго изображенія начертана по гречески надпись: «Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ, спасѣ моемъ».

Бѣлая, шириною въ восемь вершковъ, мозаическая полоса самихъ красивыхъ арабесковъ отдѣляетъ образъ Кіевской Богоматери отъ мозаическаго же изображенія Тайной Вечери, находящагося на алтарной стѣнѣ, подъ ликомъ Богоматери. Мусія эта вполнѣ сохранилась, и какъ драгоцѣннѣйшую святыню главнаго Софійскаго алтаря я опишу.

Божественная трапеза представлена раздѣленною на два отдѣла: въ одномъ шесть апостоловъ, съ наклоненными главами, подходятъ въ рядъ и принимаютъ отъ Спасителя чашу спасенія; въ другомъ, отъ совершенно же сходнаго изображенія Спасителя, другіе шесть апостоловъ принимаютъ божественный хлѣбъ. Спаситель изображенъ въ золотомъ хитонѣ и голубой хламидѣ. Трапеза осѣнена бѣлымъ покровомъ, утвержденнымъ на трехъ столбахъ и увѣнчана малымъ четыреконечнымъ серебрянымъ крестикомъ. Она покрыта багряною пеленою, съ золотыми разводами, а на сторонѣ и съ бѣлыми полосами. На трапезѣ лежитъ четвероконечный золотой крестъ, золотой дискосъ; на золотой тарелкѣ частицы Божественнаго хлѣба, серебряная звѣзда, копійце, а

по углямъ золотые наугольники. У трапезы предстоятъ въ бѣлыхъ одеждахъ два ангела съ рапидами въ рукахъ, коими осѣняютъ трапезу. Подъ этимъ изображеніемъ святаго Таинства, начертана черною мозаикою греческая надпись,—слова Спасителя.

Нижній рядъ мозаическихъ изображеній, также отдѣленъ отъ средняго широкою лентою арабесковъ. Въ третьемъ ряду изображены святители и мученики, въ числѣ десяти. Имя каждаго начертано по бокамъ, вдоль, по гречески. Варвары вообразили, что золотое поле мозаики сдѣлано изъ кубиковъ чистаго золота и повредили низъ третьяго ряда изображеній, который искусно дорисованъ подъ мозаику. Самый нижній рядъ циняныхъ украшеній представляетъ по красному шиферу кресты, по мрамору квадраты и другія фигуры, расположенныя на алтарной стѣнѣ. Всѣ изображенія большею частію, сдѣланы голубаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ, большими квадратиками. Часть этихъ украшеній сохранилась довольно хорошо.

Послѣ этого открыты еще многія мозаическія изображенія, украшающія переднюю сторону восточнаго свода и столбы, поддерживающіе этотъ сводъ. На правомъ столбѣ, находится прекрасно сохранившееся изображеніе Богоматери, во весь ростъ, въ голубомъ хитонѣ, съ веретеномъ въ рукѣ, прядущей нить; на лѣвомъ столбѣ, противъ изображенія Богоматери, Архангелъ Гавріилъ въ бѣлой одеждѣ, благовѣствующій, изображенъ также во весь ростъ. На

самомъ сводѣ подъ куполомъ, въ трехъ небольшихъ кругахъ вполнѣ сохранились изображенія: въ срединѣ Спасителя, а по сторонамъ его Богоматери и Іоанна Крестителя. На второй дугѣ образъ Спасителя въ кругу, и такое же изображеніе на сѣверной аркѣ, а на западной и южной изображенія въ кругахъ Богородицы сохранились по частямъ.

Изъ Евангелистовъ, изображенныхъ въ трехъугольникахъ, подъ большимъ куполомъ, уцѣлѣлъ образъ св. Марка и только малая часть св. Іоанна; часть столбка и отрывки мозаики съ изображеніемъ Спасителя, а отъ сорока мучениковъ, изображенныхъ подъ сводами, на дугахъ, пятнадцать сохранились; остальные же, подобно изображеніямъ двухъ Евангелистовъ, совершенно уничтожены временемъ и варварами. Много и другихъ мозаическихъ украшеній истреблено; остатки, въ разныхъ мѣстахъ купола и сводовъ золотаго поля и цвѣтныхъ кусковъ, отъ изображеній одежды и отрывки арабесковъ объ этомъ свидѣтельствуютъ.

Турецкому Султану, не чуждому Европейскаго образованія, пришло на мысль поддержать разрушающійся великолѣпный храмъ Юстиніановъ. Поправка внутренности храма, украшеніе столбовъ, грозившихъ паденіемъ, и конечное исправленіе возложено было на архитектора нашей миссіи. И два брата Фоссати, уроженцы Итальянскихъ кантоновъ Швейцаріи, занялись работами. Болѣе всего прочаго ихъ увлекали

мозаическія изображенія по золотому полю, много сходныя съ нашими Кіевскими, также находящимися въ Софійскомъ Соборѣ. Извѣстіе это я привожу для того, что храмъ Ярославовъ именно былъ созданъ по образцу храма Юстиніанова, только въ меньшемъ размѣрѣ. Мозаики же и фрески Кіево-Софійскаго Собора, скрытые подъ вѣковыми побѣлками, нынѣ явлены свѣту, а такая же святыня Софіи Константинопольской вновь закрыта слоемъ золотаго поля, отъ взоровъ поклонниковъ Магомета.

Кромѣ мозаическихъ изображеній, Кіевскій Софійскій Соборъ явилъ намъ на стѣнахъ своихъ большое число фресковыхъ изображеній (al fresco) святыхъ ликовъ, XI вѣка, Византійскаго художества. Несмотря на слои нѣсколькихъ извѣстковыхъ побѣлокъ, внутреннихъ стѣнъ Собора иные фрески сохранились весьма явственно; даже самыя краски не утеряли оттѣнковъ и живости. Въ алтарѣ придѣла Трехсвятителей, на горномъ мѣстѣ, шесть изображеній угодниковъ сохранились лучше всѣхъ прочихъ фресковъ, открытыхъ въ Соборѣ. Здѣсь также открытъ довольно хорошо сохранившійся колосальный образъ Архистратига Михаила, а по стѣнамъ боковымъ ликъ Спасителя, Богоматери и нѣкоторыхъ святителей. За симъ вполнѣ уцѣлѣло нѣсколько фресковъ на хорахъ и внизу храма на внутреннихъ сторонахъ стѣнъ и столбовъ и по малымъ частямъ

уцѣлѣли изображенія птицъ и звѣрей, на переходахъ лѣстницъ ко храму, и картины княжеской охоты, чрезвычайно интересныя *).

Осторожною смывкою побѣлки на стѣнахъ, необычайнымъ при этомъ терпѣніемъ, любовію къ древней святынѣ и украшеніемъ Софійскаго храма, обязаны мы открытію, сохраненію и возобновленію этихъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ XI вѣка. На нѣкоторыхъ изъ этихъ изображеній, по мѣстамъ выцарапаны посѣтителями имена и разныя надписанія, вполнѣ сохранившіяся, какъ напримѣръ на фрескѣ, находящемся, при входѣ западными дверями, на второмъ столбѣ, поддерживающемъ малую арку, выцарапано, хотя неразборчиво, но явственно и глубоко: Бысть во святой Софіи монастырѣ каѳедральномъ и Да..... частицы и далѣе. Бысть во святой Софіи.... року 1616 Марта. Алексѣй. Восходя на хоры по сѣверной лѣстницѣ, я читалъ слѣдующія надписанія: Помяни Господи Княгиню Евпраксію и Ольгу и Тита. Нѣсколько пониже: бысть исцѣленъ здѣ Никифоръ року 1619. Помяни душу Праксиды, Тита, Александра 1589 г. Повыше этихъ надписаній, налѣво, какъ подыматься по лѣстницѣ

*) Полагая, со временемъ, написать особое сочиненіе о Софійскихъ фрескахъ, я на этотъ разъ не считаю необходимымъ подробно описывать картины, представляющія быть В. Князей Кіевскихъ.

на хоры начертано польскими буквами: Панъ Головинскій, Иванъ Барата, Антонъ Нискій року 1530.

Царапины эти безспорно доказываютъ, что фрески Софійскіе, не покрытые побѣлкою, существовали до обновленія, послѣ Уніатовъ, Софійскаго храма Кіевскимъ Митрополитомъ, Петромъ Могилою, иначе не возможно было выцарапать на изображеніяхъ никакихъ надписаній въ 1530, 1589, 1616 и 1619 годахъ. Желательно, чтобы эти надписанія, освященныя вѣками, не были затерты новымъ грунтомъ штукатурки. По содержанію надписаній нѣтъ изъ нихъ замѣчательныхъ и любопытныхъ, но по времени и годамъ, на нихъ показаннымъ, онѣ весьма важны, какъ доказательство древности фресковъ и исторіи самаго собора. Вторично обозрѣвалъ я надписанія эти съ П. Д. Мизко, авторомъ столѣтія Русской Литературы.

Штукатурка или стѣнное мурованіе, по коему писаны Софійскіе фрески, совершенно отличное отъ обыкновенной штукатурки, по которой въ позднѣйшее время расписываютъ въ церквяхъ стѣны. Мурованіе Софійскаго храма составляетъ масса довольно легкая, нѣсколько внутри скважистая, бѣло-сѣрая, содержащая частицы пакли и еще какихъ-то растительныхъ веществъ. Она весьма тверда, и по фресковымъ изображеніямъ была покрыта какою-то особенною мастикою, къ которой не пристаютъ никакія другія краски, какъ только растертыя

на маслѣ. Наружный воздухъ на нее не дѣйствуетъ; кажется, что эта мастика и послужила спасительнымъ средствомъ къ сохраненію, нетолько фресковыхъ изображеній, отъ которыхъ побѣлка удобно отдѣлялась, — но и самой штукатурки, или мурованья.

Всѣ внутреннія стѣны, своды, колонны, столбы, всѣ переходы изъ этажа въ этажъ, гдѣ устроены лѣстницы, омыты и явили взорамъ любителей священныхъ древностей богатство, которое въ настоящее время не имѣетъ ни одинъ храмъ во всей Россіи и даже едва ли найдется подобный памятникъ древняго иконописанія не только въ западной Европѣ, но и на востокѣ.

Большая часть фресковыхъ изображеній угодниковъ написана въ натуральную величину, такъ что во весь ростъ святители и мученики, писанные въ три четверти или въ полъ аршина отъ полу,— вышиною 2 арш. 10 верш.; иные выше вершкомъ или двумя, другіе соразмѣрно съ этимъ меньше, много изображено угодниковъ въ сажень. Изображенія: поясныя, въ кругахъ, подъ сводами, написанныя повыше перваго ряда, соразмѣрно съ высотою, — увеличены пропорціонально. Встрѣчается нѣсколько святителей и угодницъ и колосальныхъ размѣровъ, но въ высоту не болѣе $3^1/_2$ аршинъ. Въ большомъ видѣ находятся изображенія ангеловъ и архангеловъ.

Нижній рядъ фресковъ, представляющихъ мучениковъ и угодниковъ, изображенныхъ прямолично, являетъ какое-то общее сходство—единство: это печать чистаго Византійскаго штиля. Лица во всѣхъ выразительны, даже нѣкоторыя строги, но чрезвычайно правильны, длинноваты; глаза большіе, носы прямые, уста малы, волосы на головахъ и бородахъ одинаково очерчены. Цвѣтъ лицъ довольно блѣдный, но не темный, какъ на Византійскихъ иконахъ, и кажется весьма немного красокъ употреблено на ихъ изображеніе. Одежды у всѣхъ угодниковъ, мучениковъ и мученицъ длинны и не поражаютъ ни особенными украшеніями, ни яркостію цвѣтовъ. Но вообще темные цвѣта преобладаютъ надъ свѣтлыми. Въ драпировкѣ соблюденъ особенный штиль, отличающійся правильностію и натуральною простотою. Въ рукахъ святителей находятся Евангелія; въ рукахъ мучениковъ небольшіе тонкіе, бѣлые четыреконечные кресты и свитки хартій. Главы почти во всѣхъ мучениковъ покровенны.

Мало изображеній, представляющихъ во многихъ лицахъ, священныя событія: изъ Библіи, или Новаго Завѣта. Но всѣ почти отдѣльны, и состоятъ неболѣе какъ изъ одного, двухъ и много трехъ лицъ. Вполнѣ же уцѣлѣвшаго изображенія въ нѣсколькихъ лицахъ не сохранилось.

Серафимы, херувимы и ангелы, какъ я уже сказалъ, начертаны въ верхнихъ частяхъ храма,

подъ сводами и въ увеличенныхъ размѣрахъ. Эти изображенія не вездѣ отчетливо сохранились, какъ нижній рядъ угодниковъ. Вообще всѣ изображенія по абрису глубоко очерчены какимъ-то острымъ инструментомъ, такъ что утерянныя фрески по этимъ очертаніямъ легко возобновить.

Колонны, столбы и самый низъ стѣнъ расписаны арабесками и кой-гдѣ цвѣтами. Здѣсь входили тѣни и не болѣе четырехъ красокъ; но украшенія эти такъ пріятны зрѣнію, что на нихъ не насмотриться. Правда, что на древнихъ остаткахъ арабесковъ краски потеряли яркость и приняли особенный тонъ; это видно на столбахъ, находящихся по правую сторону алтаря, на хорахъ.

Окончательному возобновленію и подрисовкѣ фресковъ и недостающихъ частей мозаическихъ украшеній единственно обязаны мы Іеромонаху Кіево-Печерской обители Иринарху, его сотрудникамъ и Графинѣ Орловой-Чесменской, пожертвовавшей въ Софійскій Соборъ 50,000 руб. сереб.; по очисткѣ стѣнъ и просушкѣ ихъ, всѣ испытанія, сдѣланныя Г. Пошехоновымъ, дополнить истребленныя части фресковъ, фресковымъ же росписаніемъ, оказались совершенно не возможными. Новыя фресковыя краски, положенныя на древнемъ мурованьи, хотя вначалѣ и принимались, но отъ чрезвычайной сырости, обильно падающей ежегодно весною на стѣны храма, покрывались плесенью и отекали. Надобно было прибѣг-

нуть къ другому способу. Инокъ Иринархъ для этого избралъ масляныя краски, и способъ этотъ удался, какъ нельзя лучше.

Совершенно уцѣлѣвшія изображенія оставлены въ первобытномъ видѣ, какъ открыты. Истертыя, по древнимъ очеркамъ поновлены, придерживаясь школы Византійской и примѣровъ, находящихся передъ глазами. За это мы обязаны Академику Солнцеву. Многія изображенія пришлось написать вновь, по древнему мурованью, придерживаясь древняго образа, глубоко выцарапаннаго, а гдѣ и мурованье обвалилось, то сдѣлана штукатурка и по ней написаны изображенія тѣ, которыя существовали въ древности, конечно весьма далекія отъ своихъ подлинниковъ. Поновленіе и окончаніе возобновленія фресковъ остановилось на половинѣ, и въ этомъ году едва ли будетъ окончено. Трудъ великъ и поспѣшность въ этомъ разѣ вредна.

Всѣ мозаическія изображенія и дописаніе купола совершенно окончено. Лѣса загромоздившіе храмъ сняты и нынѣ благоговѣйному взору представляется восхитительное благолѣпіе храма Ярославова.

Въ одно со мною время осматривали Софійскій храмъ два путешественника: Французъ и Англича-

нинъ. Іеромонахъ Иринархъ удовлетворяя жаждѣ нашего любознанія древней святыни, показывалъ намъ все достойное замѣчанія.

Проходя съ сѣверной стороны храма къ южной, мы остановились у западныхъ дверей, пораженные величіемъ изображенія Богоматери, на нерушимой стѣнѣ. Куполъ и нерушимая стѣна, со всѣми на нихъ изображеніями среди золотаго поля, вполнѣ открылись взорамъ нашимъ. Лучь солнца ярко горѣлъ по золоту, и производилъ дивное сіяніе во храмѣ.

— «Если бы увидѣла Европа этотъ храмъ! она узнала бы, что одна Россія обладаетъ древними священными сокровищами, о которыхъ и понятія мы не имѣемъ!»—сказалъ Англичанинъ, будучи истинно пораженъ величіемъ и красотою Софійскаго Собора. Но мнѣ невозможно описать всей его священной красоты.

На горнемъ мѣстѣ большаго алтаря главное сѣдалище также временъ Ярослава. Двѣ боковыя стѣнки его, украшенныя мозаическою накладкою, по красному шиферу найдены въ одномъ изъ сѣверныхъ придѣловъ храма, лежавшими въ забытьи. Сѣдалище вполнѣ исправлено. Табуретъ, помѣщающійся въ сѣдалищѣ, сохранился также отъ древнихъ вѣковъ. Не знаю почему сѣдалище именуютъ Патріаршимъ. Оно внутри желѣзное, сверху по серебрянымъ

украшеніямъ выложено голубою финифтью. Узоры на немъ чрезвычайно красивые.

Я восходилъ по всѣмъ лѣстницамъ и переходамъ собора; помолился у всѣхъ семнадцати его придѣловъ, изъ коихъ два устроены въ самыхъ куполахъ. Поклонился чудотворному образу Богородицы, перенесенному изъ города Любеча (нынѣ мѣстечко Черниговской губерніи), и иконѣ св. Николая, именуемаго Мокрымъ, по чудодѣйственному воскресенію утопшаго въ Днѣпрѣ младенца. При входѣ въ колокольню, налѣво, находится изображеніе этого событія съ поясненіемъ въ стихахъ. Много разъ бывая въ Софійскомъ Соборѣ, я въ одинъ день посѣтилъ его ризницу и библіотеку. Въ притворѣ, предъ библіотекой я видѣлъ портреты, нѣкоторые во весь ростъ, изображающіе Кіевскихъ и Галицкихъ Митрополитовъ. Въ числѣ ихъ я замѣтилъ—Петра Могилы, Іоасафа Кроковскаго, Діонисія Балабана и Іерофея Малицкаго. Подъ каждымъ портретомъ находится надпись въ стихахъ.

Въ южномъ придѣлѣ, въ серебряной ракѣ, открыто почиваютъ мощи св. Макарія *), Митрополита

*) Въ этомъ же придѣлѣ, у сѣверной стѣны, находится остатокъ мраморной гробницы, въ которую, какъ говорятъ, но это несправедливо, первоначально были положены святыя мощи

Кіевскаго, убитаго, въ 1497 году, въ деревнѣ Стриголовѣ Мозырскаго уѣзда, Перекопскими Татарами, когда этотъ святитель путешествовалъ изъ Вильны въ Кіевъ. Въ особомъ же небольшомъ ковчегѣ, поставленномъ у иконостаса, со временъ Митрополита Петра Могилы, хранятся: кость правой руки св. Владиміра и лѣвая рука отъ мощей Великомученицы Варвары.

Главный престолъ Софійскаго Собора, устроенный по размѣру гроба Господня, обложенъ серебряными позлащенными досками съ рельефными изображеніями. Главныя Царскія врата также серебряныя, чеканной работы. Много въ ризницѣ сохраняется дорогихъ вещей, но въ числѣ ихъ замѣчательныхъ, по глубокой древности, не находится. Все большею частію дары нашихъ Царей и Царицъ, начиная со временъ Іоанна и Петра Алексѣевичей и Царевны Софіи Алексѣевны, а также Малороссійскихъ Гетма-

---

Угодника Макарія. Этотъ остатокъ безъ всякаго сомнѣнія вмѣщалъ, во дни сыновей Ярославовыхъ, прахъ какого-либо изъ Великихъ Князей, опочившихъ въ святой Софіи, вѣроятно Татары святотатственною рукою коснулись этой гробницы и разъѣдинили ее съ прахомъ, въ ней почивавшимъ. Цвѣты, кресты и прочія украшенія, рельефно на ней изображенныя, сходны съ изображеніями, находящимися на Ярославовой гробницѣ. Древнѣйшій же гробъ св. Макарія деревянный, тройной, видѣлъ я сохраненнымъ стоящій въ алтарѣ придѣла двѣнадцати апостоловъ.

новъ: Самуйловича, Скоропадскаго и друг. Въ числѣ саккосовъ находится одинъ, сшитый изъ драгоцѣнной мантіи, снятой съ Богородичной статуи, находившейся въ Венеціи. Эта мантія была куплена Русскимъ путешественникомъ въ Парижѣ, во время Французской революціи. Митрополитъ Самуилъ поступивъ на паству изъ Ростова въ Кіевъ, соорудилъ изъ этой, ему подаренной мантіи саккосъ. Мантія его серебряная, украшенная золотыми и серебряными цвѣтами, среди коихъ находятся разныя символическія изображенія и вензеля имени Богородицы.

Вотъ и придѣлъ св. Владиміра.

Во внутренности храма св. Софіи, какъ и во всѣхъ вообще древнихъ церквяхъ, царствуетъ какой-то священный полусумракъ, отрѣшающій духъ нашъ отъ свѣтской суетности и располагающій душу и сердце къ пламенной молитвѣ. Такой таинственный полусумракъ витаетъ и надъ придѣломъ св. Владиміра, или, по древнему, св. Георгія, какъ свидѣтельствуетъ Синопсисъ; и самый иконостасъ его какъ бы утопаетъ въ священной тѣни, здѣсь еще сильнѣе увеличенной рядомъ столбовъ и колоннъ, поддерживающихъ хоры и верхніе своды храма и заслоняющихъ дальніе просвѣты.

Мы вошли въ алтарь, и свѣтъ, истекающій отъ окна алтарняго озарилъ предъ нами мраморную гробницу Великаго Князя Ярослава, прислоненную къ сѣверной стѣнѣ большаго алтаря. Великокняжеская

гробница бѣло-синеватаго мрамора, изсѣчена изъ двухъ цѣльныхъ кусковъ, изъ одного самый гробъ, изъ другаго крыша. Этотъ вѣковой памятникъ вышиною отъ помоста 1 арш. $14^1/_2$ верш., длиною 3 арш. 6 верш., шириною 1 арш. 11 верш., высота крыши $15^1/_2$ верш., высота самаго гроба 15 верш. *). На крышѣ рельефно изображены вдоль три четырехъ-угольные креста, отдѣленные перегородками. По угламъ двухъ боковыхъ крестовъ изсѣчены рельефно пальмовыя деревья и на одномъ двѣ рыбы и надписанія въ верхнихъ углахъ IC:—XC:, въ нижнихъ NI—KA—побѣда. На углахъ средняго креста видны виноградные завитки съ листьями и такое же надписаніе. По концамъ гробницы, въ первомъ и пятомъ отдѣлахъ изображены также деревья и рыбы у выдолбленныхъ четырехъ-угольниковъ. На нижней части гробницы изсѣчены кресты, пальмы, а по срединѣ кругъ съ украшеніями. Малою частію саркофагъ вдѣланъ въ стѣну, и поэтому видны украшенія съ двухъ боковъ.

Не оставилъ и за гробомъ Ярослава любимый его сынъ, трезвый и цѣломудренный отъ юности Всеволодъ, и въ 1093 году, возлегъ, умерши отъ свирѣпствовавшей, въ то время, въ Кіевѣ, эпидеміи, у праха отца; но никакой памятникъ не ознаменовы-

*) Въ указателѣ святыни Кіевской, изд. въ 1850 г., неправильно показанъ размѣръ гробницы Ярослава. У Карамзина тоже.

ваетъ мѣста покоя этого доблестнаго Князя, и, гдѣ оно находится, неизвѣстно.

Неизвѣстны также мѣста, гдѣ нашли успокоеніе сыновья Всеволодовы: юный Князь Ростиславъ, по предреченію Печерскаго чудотворца Григорія, утонувшій, въ 1093 году, въ рѣкѣ Стугнѣ, во время битвы съ Половцами и Владиміръ Мономахъ, вѣнчанный Митрополитомъ Неофитомъ Ефескимъ, въ семъ же храмѣ, какъ первый Царь Россійскій, регаліями, присланными Владиміру чрезъ Неофита отъ Греческаго Императора Алексія Комнина.

Регаліи Владиміра Мономаха хранятся въ Московской оружейной Палатѣ. Онѣ состоятъ изъ златой шапки или короны, золотой цѣпи, державы, скипетра и древнихъ бармъ, коими и понынѣ украшаются Самодержцы Россіи въ день своего торжественнаго вѣнчанія на царство.

Славный побѣдами за Русскую землю и благими нравами, Владиміръ Мономахъ, первый Царь отечества нашего, возлегъ на 73 году жизни, въ 1125 году, на смертный покой, при гробѣ отца своего Всеволода, котораго этотъ рѣдкій сынъ никогда и ни въ чемъ не ослушался; творилъ добро врагамъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами. Замѣтимъ еще и то, что онъ первый устроилъ въ 1115 году мостъ на Днѣпрѣ, у Кіева. Въ 1155 году пріютился къ нему добродѣтельный сынъ его Вячеславъ Монома-

ховичъ, скоропостижно умершій. Онъ ввечеру пировалъ съ боярами и ночью заснулъ на вѣки.

Въ усыпальницѣ Софійской, находящейся въ юго-западномъ углѣ церкви, какъ въ древней митрополіи нашей, покоятся Рафаилъ, Самуилъ, Арсеній и многіе другіе Митрополиты. Подъ лѣвымъ же клиросомъ находится гробъ Кіевскаго проповѣдника Іоанна Леванды, умершаго въ 1814 году, бывшаго первымъ Софійскаго Собора Протоіереемъ.

Ревностный изыскатель отечественной древности и знаменитый нашъ историческій писатель, такъ хорошо прояснившій исторію Кіева въ разныхъ своихъ объ немъ сочиненіяхъ, Митрополитъ Евгеній, по собственному его завѣщанію погребенъ въ Срѣтенскомъ придѣлѣ. Одинъ изъ его родственниковъ надъ мѣстомъ покоя этого знаменитаго мужа соорудилъ небольшой, но приличный памятникъ—кіотъ; въ верху его изображенія священномученика Евѳимія и мученика Евгенія. Это два ангела почившаго Митрополита: имя перваго носилъ онъ до принятія иноческаго сана, а втораго въ монашествѣ. Внизу кіота на бронзовой, вызолоченной доскѣ начертана надпись: «Здѣсь погребенъ Высокопреосвященнѣйшій Евгеній, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, Коммиссіи духовныхъ училищъ Членъ и многихъ Россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ почетный Членъ; почетный докторъ Философіи и орденовъ св. Анны

1 ст., Влад. 2 к., св. Алекс. Нев. и св. Андр. Первозв. Кавалеръ. Сей ревнитель Православія и просвѣщенія и испытатель отечественной древности родился въ г. Воронежѣ отъ Іерея Алексѣя Болховитинова 1767 года Декабря 18-го. По окончаніи своего ученія въ Воронежской Семинаріи и въ тогдашней Славяно-Латинской Академіи и Московскомъ Университетѣ, въ санѣ Протоіерея былъ учителемъ, префектомъ въ Воронежской Семинаріи, а по овдовѣніи принявъ монашество, въ званіи Архимандрита занималъ должность префекта и учителя богословія въ Александровской Академіи. Въ Епископы хиротонисанъ 1804 года Января 17, Архіепископомъ пожалованъ 1816 года Февраля 7, а Митрополитомъ 1822 года Марта 16-го. Скончался на паствѣ своей въ Кіевѣ, 1837 г. Февраля 23-го, на 70 году дѣятельной жизни своей, посвященной добру и правдѣ.

Съ 1051 по 1786 годъ при святой Софіи существовалъ каѳедральный монастырь. Потомъ, когда съ саномъ Митрополита Кіевскаго соединено и званіе Архимандрита Печерской Лавры, то монастырь Софійскій упраздненъ, а храмъ святой Софіи назначенъ каѳедральнымъ соборомъ, въ коемъ храмовое празднество ежегодно совершается 8-го Сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы.

Изъ трофеевъ Русскаго оружія, взятыхъ въ послѣднюю Турецкую войну, въ Софійскомъ соборѣ, въ шкафѣ за стекломъ, хранятся три Турецкія зна-

мена и ключъ крѣпости Силистріи. Въ числѣ новыхъ украшеній храма замѣчательны два клироса, покрытые рельефными золотыми арабесками по цвѣтному полю, сдѣланные по рисунку Академика Солнцева.

Главныя врата Софійскаго Собора мѣдныя, позолоченныя, съ священными изображеніями, писанными на металлическихъ доскахъ. Противъ этихъ вратъ, за особою оградою возвышается Митрополитанскій каменный домъ, съ домовою во имя святаго мученика Макарія церковью. Зданіе это, основанное Архіепископомъ Варлаамомъ и оконченное Рафаиломъ Заборовскимъ, окружено небольшимъ фруктовымъ садомъ, въ которомъ я, во время полуденнаго зноя, отдохнулъ нѣсколько минутъ, подъ густою тѣнью деревъ, а изъ Софійскаго колодца, находящагося вблизи трехъэтажнаго училищнаго дома, построеннаго въ 1767 году Митрополитомъ Арсеніемъ, испилъ свѣтлую и прекрасную струю.

Вода этого колодца славится въ Кіевѣ, толпа богомолокъ окружали его и многія изъ нихъ, подъ тѣнью массивнаго навѣса, утоливъ душевную и тѣлесную жажду, спали безмятежнымъ сномъ.

Время было за полдень, спутники мои предлагали мнѣ отдыхъ въ ихъ временныхъ жилищахъ, но я не хотѣлъ пользоваться приглашеніями, не желая утерять лучшихъ часовъ дня, предназначенныхъ мною обозрѣнію древностей града Ярославова,

и купивши, при выходѣ изъ Софійской колокольни, нѣсколько мелкихъ вещицъ, на память моего посѣщенія величественнаго собора, вышелъ прежнимъ путемъ на площадь и тотчасъ же началъ обозрѣніе древнихъ окрестностей святой Софіи.

Едва дошелъ я до конца одного угла высокой каменной ограды, окружающей Софійскій Соборъ, построенной Митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, какъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня очертался небольшой каменный однокупольный Георгіевскій храмъ; а налѣво отъ него выказался предо мною каменный остатокъ древней кладки. Это послѣдній исчезающій слѣдъ Ирининскаго монастыря, также сооруженнаго Великимъ Княземъ Ярославомъ. Священный остатокъ этотъ открытъ, въ 1832 году, въ крѣпостномъ валу, коимъ былъ обнесенъ Старый Кіевъ; нынѣ приступлено къ устройству небольшаго памятника, для сохраненія этого священнаго остатка.

Бездоказательно говорятъ нѣкоторые писатели древностей Кіева, что Ирининскій монастырь Великій Ярославъ воздвигнулъ въ честь имени супруги своей Ингигерды. Но Ингигерда, не Ирина, супруга Ярослава, приняла во святомъ крещеніи, а не въ монашествѣ, какъ иные утверждаютъ, имя не Ирины, но Анны; это видно на ея древнихъ иконахъ, и понынѣ хранящихся въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ. Видѣлъ иконы эти и нашъ исторіографъ. Въ письменномъ Софійскомъ уставѣ супруга Ярослава

утвердительно наименована Анною, подъ 5 числомъ Сентября и 4 Октября *). При созданіи града своего Ярославъ желалъ во всемъ подражать Византіи и поэтому, въ подражаніе того, что близь Цареградской Софіи тоже находилась церковь св. Ирины, давно уже обращенная въ арсеналъ, построилъ и въ Кіевѣ монастырь Ирининскій и на такомъ точно разстояніи отъ святой Софіи, какъ и Константинопольскій храмъ Ирины отъ храма Юстиніанова, Премудрости Господней **). Конечно, съ основаніемъ Ирининскаго монастыря неразрывно связано и кромѣ этого еще какое-либо замѣчательное событіе, но оно утеряно лѣтописцами, и намъ на долю остались одни, ни къ чему не ведущія догадки.

Въ одно время съ монастыремъ св. Ирины соорудилъ Ярославъ монастырь Георгіевскій, оконченный, какъ надобно предполагать въ 1051 или въ 1052 году ***), въ память своего святаго имени. На древнемъ мѣстѣ монастыря Георгіевскаго, возобновленнаго изъ развалинъ въ 1674 году, создана ревностію Кіевскаго Воеводы Князя Трубецкаго, деревянная Георгіевская церковь, въ 1744 году, которую я видѣлъ у ограды Софійской.

Монастырь Георгія Ярославъ назначилъ для посвященія и столованія, т. е. всенароднаго возгла-

*) Ист. Рос. Т. II. пр. 33.

) Кіевл. Т. III. ст. 67.—*) См. пис. съ Вост. Т. I. ст. 31.

шенія въ церквѣ и поздравленія ново-посвященныхъ Русскихъ Епископовъ. Древнее мѣсто этого монастыря освящено прахомъ почившаго въ стѣнахъ его невольнаго затворника, двадцать четыре года проведшаго въ темницѣ, и схимника Князя Судислава, сына святаго Владиміра. Ярославъ и Судиславъ не улягались и по смерти другъ подлѣ друга. Время и разрушенія варварскія стерли съ лица земли могилу несчастнаго развѣнчаннаго Князя Судислава.

Я молился въ церквѣ Георгіевской, гдѣ привлекаетъ вниманіе надгробный памятникъ, изящно и прекрасно выполненный, господаря Молдавскаго Ипсилантія, и потомъ нѣсколько разъ обошелъ остатокъ Ирининскаго монастыря.

А гдѣ же могила славнаго витязя, втораго Князя-Христіанина Дира? «А Дирова могила за святою Ириною,»—отвѣчаетъ лѣтописецъ. Конечно лѣтописецъ, передавая такое краткое и мало опредѣлительное извѣстіе, не думалъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ древній Кіевъ измѣнится такъ, что и самое мѣсто нахожденія обители святой Ирины будетъ неопредѣлительно и даже сомнительно. И гдѣ, въ настоящіе дни, искать этой могилы, когда не только высокія зданія, но великолѣпные храмы, крѣпостныя и природныя твердыни, изрыты временемъ и рукою человѣка.

Противъ южнаго входа въ Георгіевскую церковь вдали видны одинокія развалины золотыхъ воротъ.

Великій Князъ Ярославъ, подражая, въ созданіи своей столицы, расположенію Византіи, создалъ и въ Кіевѣ, неподалеку отъ храма Ирины, златыя врата. Въ Византіи Великій Царь Ѳеодосій воздвигнулъ златыя врата, недалеко отъ церкви Ирины, въ память побѣды своей надъ тираномъ Максимомъ. Къ золотымъ вратамъ Византійскимъ Вѣщій Олегъ пригвоздилъ свой щитъ. Ярославъ воздвигаетъ златыя врата въ Кіевѣ, на предѣлѣ своего града, гдѣ онъ, въ 1036 году, разбилъ страшныхъ до того враговъ Россіи—Печенѣговъ и съ той стороны, съ которой надобно было въѣзжать въ лучшую часть его столицы, близь церкви побѣдоносца, какъ защитника града и сокрушителя его враговъ, монастыря Ирининскаго, знаменующаго міръ, храма Премудрости Господней и наконецъ прямо ко двору Великокняжескому, находившемуся на горѣ *).

Высокій, земляный валъ съ каменною стѣною окружалъ городъ Ярослава и замыкался *вежею*—башнею съ золотыми воротами **). На верху этихъ во-

*) Раст. Кіев. и Воскр. Лѣт. I. 282.

**) Синопс. ст. 62.

ротъ Ярославъ поставилъ церковь святаго Благовѣщенія *). «Да отъ тѣхъ вратъ всегда радость и благія вѣсти къ нему въ градъ приходятъ, молитвами Пресвятыя Богородицы и святаго Архангела Гавріила, радости благовѣстника» **).

Церковь на златыхъ вратахъ увѣнчивалась златымъ куполомъ; самыя врата, рисунокъ коихъ, снятый въ 1657 году, найденъ въ бумагахъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа, были также обитыя позолоченными мѣдными листами, въ знаменіе ихъ наименованія. Половецкій Князь Бонякъ сорвалъ самыя врата и какъ трофеи отвезъ въ землю свою. Много битвъ совершилось у златыхъ вратъ: не разъ кровью родственною междоусобною и кровью вражескою окроплялся золотой ихъ блескъ; не разъ копья Лядскія и Татарскія преломлялись объ нихъ, пока наконецъ орды Татарскія совершенно не разрушили эти знаменитые затворы. Но никогда о златыя врата Ярославовы не ударялся мечь Болеслава храбраго, въѣзжавшаго въ Кіевъ вмѣстѣ съ Святополкомъ въ 1018 году, когда въ основаніе града Ярославова и одного камня не было еще положено, и чрезъ восемнадцать только лѣтъ, послѣ пріѣзда Болеслава, заложеннаго началомъ построенія мона-

*) Лѣт. Ник. Т. I. стр. 134.

**) Синоп. ст. 62.

стырей *). Длугошъ, польскій историкъ **), сочинившій эту сказку, прибавляетъ, что Болеславъ, въ знакъ побѣды, *разрубилъ* Кіевскія златыя врата, что чудный мечь былъ данъ Болеславу Ангеломъ и въ позднѣйшія времена хранился въ Краковскомъ арсеналѣ; что короли польскіе всегда ходили съ нимъ на войну. Миѳологическій мечь Болеслава именовался *щербцемъ*, по щербинѣ, сдѣлавшейся на его лезвіи отъ разрубленія золотыхъ вратъ ***). Нынѣ эта сказка никого не занимаетъ.

Все, созданное руками человѣка, тлѣнно. Одна святыня нерушима и отъ славныхъ златыхъ вратъ Ярославовыхъ остались двѣ части ветхихъ стѣнъ, открытыхъ за двадцать лѣтъ предъ этимъ, и ежеминутно готовыхъ разрушиться и обратиться въ прахъ. Для предохраненія отъ паденія и конечнаго разрушенія стѣны соединены желѣзными прутьями. Но сохранился отъ золотыхъ вратъ нерушимо одинъ только святой ликъ Богоматери. Святому образу этому поклонился я въ Троицкой, деревянной церквѣ. На верхней части иконы, золотыми буквами начертана надпись: «образъ Пресвятыя Богородицы, отъ

*) У лѣтописца нашего подъ 1037 г. записано: «Свершенъ бысть градъ Кіевъ, у него же врата златая.» По Ник. сп. стр. 134.

**) Hist. Pol. к. I. p. 134.

***) Kadlub. Hist. Polon. к. II. p. 645.

златыхъ вратъ перенесенъ!» въ низу: «лѣта отъ Адама 7207, отъ Р. Х. 1699 года, Октября 20 дня, перенесенъ отъ златыхъ вратъ образъ явленія Казанской Богоматери».

Существовали и другія врата, собственно въ древнемъ Кіевѣ, упоминаемыя лѣтописцами. Участь ихъ почти одинакая съ судьбою золотыхъ воротъ. Были въ Кіевѣ ворота Лядскія «ту бѣ видѣти ломъ копѣйный и щитомъ скопаніе.» Чрезъ нихъ то ворвался сокрушительный Батый и разрушилъ градъ Владиміра, Ярослава и ихъ потомковъ. Недалеко отъ такъ названныхъ вратъ Львовскихъ, нѣкогда возобновленныхъ и существовавшихъ до 1795 года, находится небольшая церковь Срѣтенія Господня, ровно за сто лѣтъ предъ этимъ, построенная. Въ этотъ храмъ, по субботамъ не только православные, но и католики притекаютъ слушать акаѳистъ, совершаемый предъ чудотворною иконою Богоматери *всѣхъ скорбящихъ радости*. Икона эта находилась надъ каменными Львовскими воротами и по разрушеніи ихъ перенесена въ Срѣтенскую церковь. Валы, остатки древнихъ укрѣпленій Кіева, по частямъ и донынѣ еще существуютъ у вратъ Львовскихъ и Лядскихъ.

Миновавъ путь, пролегающій отъ Софійскаго Собора къ Михайловскому, я шелъ по улицѣ къ Десятинному храму, мимо деревянной, въ недавнее время обновленной церкви Іоанна Златоустаго, передѣлан-

ной, въ 1631 году, изъ Подольской Притиско-Николаевской.

Вечеромъ посѣтилъ я моего добраго пріятеля, служившаго со мною вмѣстѣ при Министрѣ Юстиціи. Въ числѣ разныхъ древностей Кіевскихъ онъ показалъ мнѣ кафтанъ Кіевскаго намѣстничества темновишневаго сукна съ свѣтлоголубымъ бархатнымъ воротникомъ и такими же обшлагами, съ четырьмя, по разрѣзу, серебряными пуговицами, подбой шерстяной, также свѣтлой голубой; исподнее платье, башмаки съ огромными пряжками, напудренный парикъ и шелковые чулки привлекли мое вниманіе.

VII.

Видъ Крещатика. — Памятникъ Крещатинскій. — Перевѣсище. — Храмъ Десятинный. — Его наружный видъ. — Исторія Десятинной церкви. — Гробница В. К. Владиміра. — Древняя судьба Десятинной церкви. — Послѣднее возобновленіе этого храма. — Его древности. — Гробницы. — Заключеніе. —

Величественно поднялось солнце изъ-за синѣющаго Заднѣпровья и позолотило лазурныя воды Днѣпра и заиграло на золотыхъ крестахъ Старокіевскихъ храмовъ. Изумрудная мурава холмовъ, по мѣстамъ, или освѣщалась солнцемъ, или утопала еще въ тѣни утренней. Въ этотъ часъ я приближался, по народному названію, къ *святому мѣсту*—Крещатику.

Въ глубокомъ удольѣ, спускающемся къ волнамъ Днѣпра, среди высокихъ и довольно отвѣсныхъ горныхъ возвышенностей, изъ коихъ нѣкоторыя

по вершинѣ покрыты кустарниками и деревьями Государева сада, возвышается довольно высокая каменная оштукатуренная и окрашенная желтою краскою колонна, осѣненная крестомъ, съ надписью, нынѣ почти истертою временемъ: «Владиміру святому, просвѣтителю Россіи.» Колонна, поставлена въ 1802 году, на мѣстѣ крещенія сыновей св. Владиміра.

Небольшой четырехъарочный павильонъ, устроенный надъ водоемомъ, служитъ основаніемъ колонны; при построеніи которой найденъ былъ обломокъ серебряной руки по локоть, съ сжатыми и что-то державшими перстами. Рука эта была сохраняема въ Магистратѣ. Водоемъ наполняется весною ручьями, текущими изъ нѣдръ окружныхъ горъ, лѣтомъ же почти высыхающій. Во время Владимірово здѣсь былъ, или покрайней мѣрѣ близко къ этому мѣсту, истокъ Почайны, въ которой крестилась языческая Русь и гдѣ просвѣтитель нашъ, по сказанію степенной книги, поставилъ божницу или часовню Турову; можетъ быть названную такъ по имени одного изъ его славныхъ богатырей. Это предположеніе можно допустить, если вспомнимъ о божницѣ Новгородской, бывшей въ Кіевѣ и о началѣ города Турова, построеннаго по имени Варяга Тура. Въ настоящіе дни памятникъ отдѣляется отъ волнъ Днѣпра широкою полосою шоссе, проходящаго у подошвы горъ печерскихъ къ Рождественской церквѣ, на Подолѣ.

Нѣтъ нынѣ подъ арками водоема святыхъ изображеній: Владиміра, Ольги, Бориса и Глѣба, которыя находились здѣсь въ прежнее время. Мало уже приходящихъ къ священному водохранилищу, чтобы почерпнуть живительную струю его, даровавшую нѣкогда вѣчную жизнь и спасеніе сыновьямъ Владиміра. Но въ этомъ еще удольѣ ближайшія окрестности не утратили первобытнаго вида, такъ привлекательнаго дикостію и глубокимъ уединеніемъ мѣста.

Отрадно было мнѣ отдохнуть подъ сводами водоема и насладиться воспоминаніемъ о дняхъ св. Владиміра, освященныхъ величайшимъ событіемъ. Передъ моими глазами текли прозрачныя струи источника, клубились синія воды Днѣпра, которыя приблизили насъ къ источнику всѣхъ благъ и вѣчной жизни. О, сколько отрадныхъ, благоговѣйныхъ помышленій рождалось тогда въ душѣ моей; изъ памяти моей не ускользнуло, записанное лѣтописцемъ подъ 1146 годомъ, бывшее въ началѣ Августа народное собраніе у божницы Туровой, послѣ котораго Кіевскій престолъ былъ отданъ Игорю, чрезъ два года принявшему вѣнецъ мученическій.

Подъ наитіемъ святыхъ думъ и сладостныхъ воспоминаній оставался я у Крещатика, и можетъ быть много часовъ провелъ я въ этомъ упоительномъ удольѣ, наслаждаясь видомъ: съ одной стороны

шумнаго берега Днѣпра, съ другой высоко надо мною, по Крещатинскому взъѣзду, пролегавшей Александровской дороги; по коей восходили толпы народа, возвращавшагося съ жизненными припасами изъ торговаго Подола въ другія части вѣковѣчнаго Кіева, а выше этой дороги, по самой уже вершинѣ приднѣпровской горы, замѣчались группы людей, любовавшихся видописью Заднѣпровья.

Очарователенъ видъ Крещатинскаго удолья; но не менѣе привлекательные виды открываются посѣтителю и изъ глубины самаго удолья на ближайшія окрестности. И здѣсь, какъ въ косморамѣ, видопись измѣняется на каждомъ шагу; то представляется вдали взору вашему, за стѣною печерскихъ возвышенностей, покрытыхъ осыпями, часть новосозидающагося великолѣпнаго моста, который вскорѣ соединитъ два берега Днѣпра, служившіе нѣкогда границами двухъ Украинъ; то явится лѣсъ мачтъ и живописно округленные легкимъ вѣтеркомъ паруса на суднахъ, плывущихъ внизъ, по Днѣпру; то наконецъ очертится заднѣпровская даль, освѣщенная лучами солнца.

День посѣщенія Крещатинскаго памятника посвятилъ я обозрѣнію церкви Пресвятыя Богородицы— Десятинной.

На этотъ разъ я оставилъ древнія путища; и по взъѣзду Александровскому, чрезъ недавно обстроенную часть города,—Крещатинскую, ѣхалъ на

Старый городъ, чтобы со всѣхъ сторонъ обозрѣть собственно древній Кіевъ—Кіевъ Владиміра и Ярослава.

Крещатикъ нынѣ лучшая улица во всемъ Кіевѣ, застроенная великолѣпными и громадными зданіями, увѣшанными разнородными торговыми вывѣсками. Эта улица тянется изъ Подола на югъ и оканчивается у береговъ исторической рѣчки Лыбеди.

Главная улица Крещатика занимаетъ часть древняго *Перевѣсища*. «Перевѣсище бѣ внѣ града» *). Возвышенность Старокіевская отдѣляется отъ возвышенности Печерской, довольно широкимъ, ровнымъ и пологимъ пространствомъ, по которому нынѣ тянутся улицы: отъ Михайловскаго монастыря чрезъ площадь Крещатинскую подлѣ Института и далѣе, или другая Старокіевская улица, простирающаяся отъ Софійскаго Собора къ торговой Крещатинской площади и ведетъ на Печерскъ. Эти нынѣшнія пути въ древности носили именованіе Перевѣсища, какъ бы одна высота перевѣсиваетъ другую. Во время Ольги оно находилось внѣ града. Можетъ быть св. Владиміръ этимъ путемъ ѣздилъ въ свое любимое село Берестовое.

По древнему Перевѣсищу съѣхалъ и я мимо прекраснаго Крещатинскаго фонтана, названнаго Уродомъ и торговой площади, по улицѣ Михайловской

---

*) Лѣт. по Ник. Т. I.

и Трехсвятительскаго храма, къ церквѣ Десятинной.

И въ то самое время, когда я, полный думъ о временахъ Владиміровыхъ, хотѣлъ видѣть предъ собою осуществившійся его княжескій дворъ и дворы славныхъ богатырей, Бабинъ торгъ и торгъ великій, по коимъ былъ влачимъ страстотерпецъ Игорь Ольговичь, наполненные древнимъ торгующимъ поколѣніемъ, хотѣлъ видѣть общую и каждого суету, жизнь тогдашнюю,—передъ глазами моими возстали бѣлыя высокія и ровныя стѣны квадратнаго храма Десятиннаго, увѣнчаннаго четырьмя малыми и пятымъ, посрединѣ, большимъ куполами, покрытыми свѣтло-зеленою краскою. Оригинальное, довольно близкое къ Византійскому, зодчество приковало мой взоръ.

Величественная простота архитектуры, разнообразные орнаменты, древнія, не разгаданныя литеры, вложенныя снаружи въ южную стѣну храма, и все до малѣйшей подробности занимало мое вниманіе. Я жаждалъ тогда навсегда сохранить въ памяти моей видъ этого достопамятнаго храма.

Надъ деревянными воротами, подъ навѣсомъ, устроеннымъ по древнему русскому обычаю, который, впрочемъ, мы также заимствовали отъ Грековъ,—повѣшены колокола. Этими воротами я вошелъ въ церковный дворъ, и наконецъ переступилъ порогъ храма.

Прежде всего поразила меня свѣтлая и огромная внутренность новосозданной Десятинной церкви, простирающаяся по наружнымъ стѣнамъ въ длину и ширину на сорокъ аршинъ. Древній Десятинный храмъ величиною гораздо превосходилъ новый, если принять во вниманіе измѣреніе стараго фундамента, отрытаго при постройкѣ новаго храма. Фундаментъ древній простирался въ длину на двадцать четыре и въ ширину на шестьнадцать саженей.

Висящій надъ широкимъ пространствомъ церкви свѣтлый и огромный куполъ, украшенный въ простѣнкахъ оконъ изображеніями Святыхъ, разливалъ яркій солнечный свѣтъ съ горней своей высоты, озарялъ церковь и золотые оклады образовъ, и украшенія изящнѣйшихъ гробницъ Владиміра, и частицы мощей святыхъ угодниковъ.

У входа встрѣтилъ меня священникъ; я передалъ ему желаніе мое обозрѣть достопамятный храмъ и помолиться, желая, чтобы исполнилась моя молитва по молитвѣ Святаго Владиміра, создателя древняго Десятиннаго храма: «и аще кто помолится въ ней (въ Десятинной церквѣ), услыши молитву его, и отпусти согрѣшенія его, и милостивъ буди ему, ради Пречистыя ти матери» *).

---

*) Лѣт. Ник. ст. 108.

Обязательный отецъ П., исполнивъ просьбы двухъ богомолокъ, и съ особеннымъ вниманіемъ удовлетворилъ мое любознательное желаніе.

— Прежде, нежели начнемъ мы обозрѣніе новаго Десятиннаго храма, припомнимъ начало созданія древней церкви Богородицы Десятинной, сказалъ отецъ П., подводя меня къ гробницѣ Владиміра. Передъ приходомъ моимъ, за четверть часа, окончилась литургія, храмъ былъ пустъ и никто не прерывалъ благочестивой нашей бесѣды.

— «За шесть лѣтъ, продолжалъ отецъ П., до положенія перваго камня святымъ Владиміромъ, въ основаніе храма Богородицы, онъ побѣдилъ Ятвяговъ, и землю ихъ присоединилъ къ своему Великокняженію. Блистательное военное дѣйствіе требовало, по обычаю тѣхъ временъ, и жертвы богатой, избранной идолу. Близь двора Великокняжескаго, на мѣстѣ этого святаго храма, въ то время, стоялъ дворъ престарѣлаго Ѳеодора Варяга, имѣвшаго юнаго, прекраснаго лицемъ и душею, единственнаго сына, Іоанна. Отецъ и сынъ, по выраженію лѣтописца, «седяще въ Кіевѣ, и держаще втайне Христіанскую вѣру.» Конечно, могло ли это событіе быть пріятно языческому населенію, которое въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища Ѳеодора поклонялось страшному своему богу, истукану Перуну. Надобно же было врагу истиннаго Бога изыскать средство къ погибели этихъ двухъ благочестивыхъ Христіанъ. И бросили

жребій, кого принесть богамъ въ жертву юношу, или дѣвицу? Жребій палъ на юношу, и кого же было выбрать, какъ не юношу Іоанна. Пришли послы къ Ѳеодору требоватъ сына его: «паде жребій на сына твоего, понеже бо изволиша его бози наши себѣ, да сотворимъ требу богамъ».

—«Бози ваши не суть бо бози, но древо бездушно, днесь есть, а за утріе изгніетъ; ни едятъ, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками въ древѣ сѣкирою и ножемъ.» Отвѣчалъ Ѳеодоръ и не далъ сына. — Послы объявили народу о такомъ отвѣтѣ Варяга. Разсвирѣпѣли язычники, съ оружіемъ въ рукахъ обошли около двора Ѳеодора, ворвались въ сѣни и требовали сына.

— Если ваши боги истинны, то пришлютъ ко мнѣ одного изъ боговъ и возьмутъ сына моего. Возмущенные идолопоклонники подрубили сѣни, вломились въ жилище, убили сына и отца, защищавшаго грудью прекраснаго юношу. И вотъ въ 989 году, на мѣстѣ кровавой жертвы идоламъ, на мѣстѣ проліянной невинной крови Христіанскихъ мучениковъ, познавшій Бога истиннаго и низпровергшій ложныхъ, Владиміръ искупаетъ свою прежнюю грѣховную жертву святою Христіанскою жертвою; создаетъ каменный храмъ Богородицы и украшаетъ его иконами, снабжаетъ книгами, сосудами церковными, полагаетъ въ ней мощи св. Климента и все, что привезъ изъ Корсуня, а на Бабиномъ торгу по-

ставляетъ не въ чествованіе уже, но какъ украшеніе два болвана мѣдяны и четыре коня мѣдяны и три льва мѣдяны, также привезенныя имъ, какъ трофеи, изъ Корсуня.

Пять лѣтъ созидалась великолѣпная церковь Десятинная греческими художниками, нарочно приглашенными Великимъ Княземъ въ Кіевъ. Освященіе этого храма, который лѣтописецъ индѣ именуетъ мраморнымъ, совершилось въ 996 году, то есть за восемь вѣковъ и пятьдесять шесть лѣтъ отъ нашего времени. Оно ознаменовалось великолѣпнымъ торжествомъ, давшимъ ей наименованіе Десятинной церкви; помолившись въ церквѣ своей Владиміръ изрекъ: «Се даю ти о Богоматерь и пресвятой церквѣ твоей десятую часть отъ имѣнія моего, и отъ градовъ моихъ» *). И сотворилъ Владиміръ пированіе свѣтло цѣлую недѣлю, созвавши отъ разныхъ странъ людей. Много раздалъ онъ, въ то время, имѣнія своего убогимъ и нищимъ и страннымъ, и по церквямъ и монастырямъ. Больнымъ же, нищимъ поставяше по улицамъ великія кади и бочки меду, и хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и сыръ, и яица, и овощи различныя; кождо хотя приходяще и ядяще, славяще Бога и блаженнаго Князя Владиміра».

— Вотъ гробъ великаго и блаженнаго основателя древняго Десятиннаго храма и просвѣтителя оте-

*) Лѣт. Ник. Т. I. стр. 108.

чества нашего, сказалъ отецъ П., указавъ на прекрасную гробницу, стоящую у иконостаса, на правой сторонѣ. Я преклонилъ предъ нею колѣна и теплая, пламенная молитва лилась изъ сердца моего. Вотъ у какого гроба молился я, и молился съ чувствомъ теплымъ, отраднымъ, неизъяснимо восторженнымъ.

И казалось мнѣ тогда, что я чудодѣйственно переселенъ въ давно канувшій въ вѣчность годъ преставленія Владиміра, что я нахожусь у гроба только что созданнаго, и вчера еще видѣлъ блаженные останки Великаго Князя, торжественно почивавшіе въ этой церквѣ, наполненной необозримою толпою рыдавшаго его доблестнаго народа; казалось мнѣ, что и самое надгробное пѣніе и погребальные клики еще слышатся подъ сводами храма, а между тѣмъ со дня смерти нашего просвѣтителя промчались уже восемь сотъ тридцать семь лѣтъ; и гдѣ уже тѣ древніе своды Десятинные, подъ коими чудилось мнѣ надгробное рыданіе, творимое надъ прахомъ Великаго Князя.

Устроивъ благолѣпно церковь Богородицы, Великій Князь избралъ ее мѣстомъ своего вѣчнаго успокоенія, и чрезъ четырнадцать лѣтъ, отъ созданія Десятиннаго храма, въ 1011 году, во святые предѣлы его вносится первый гробъ, гробъ доблестной супруги Великаго Князя, Анны, избранной небеснымъ Промысломъ для извлеченія Россіи изъ

тьмы идолопоклонничества; а чрезъ четыре года послѣ этого, тотъ же храмъ подъ священную сѣнь свою принимаетъ второй гробъ блаженнаго его основателя, поставленный среди церкви, у гроба его супруги: *) «и вложиша въ раку мраморяну и сохраниша тѣло его съ плачемъ.» Такъ записалъ преподобный Несторъ.

Наслѣдовавъ Кіевскій Великокняжескій престолъ сынъ Владиміра Ярославъ, создатель обители Софійской, и движимый особенною ревностію къ Христіанству отрываетъ могилы убіенныхъ въ язычествѣ дядей своихъ, Олега и Ярополка, беретъ ихъ кости, совершаетъ надъ ними безпримѣрный въ исторіи нашей обрядъ крещенія и потомъ погребаетъ ихъ рядомъ съ святыми останками своего отца.

Послѣ этого еще два гроба приняла въ стѣны свои Десятинная церковь: внука и правнука Ярослава; въ 1078 году Изяславъ 1-й «мужъ красенъ взоромъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго не навидя, любяй правду,» при коемъ основанъ Печерскій монастырь и который уничтожилъ смертную казнь въ Россіи, возлегъ въ мраморномъ гробѣ у завѣтной могилы св. Владиміра, а у праха Изяслава въ 1094 году нашелъ пріютъ себѣ Ростисливъ Мстиславичь и за нимъ уже навсегда и для всѣхъ затворились двери усыпальницы Десятинной, въ продол-

*) Дитм. кн. VII.

женіе восьмидесяти трехъ лѣтъ принимавшей великокняжескіе гробы.

Постигшая участь этого храма весьма тождественна съ коловратною судьбою каждой древней церкви вѣковѣчнаго Кіева. Въ первомъ уже столѣтіи ея бытія, пожары, въ 1017 году, и междоусобія сыновей Владиміра лишили многихъ драгоцѣнныхъ украшеній. Рюрикъ съ Половцами, въ 1204 году, также коснулся святотатственною рукою святыни Десятинной и похитилъ всѣ ея внутреннія драгоцѣнности, даже и одѣяніе Великихъ Князей, отданное въ церковь для сохраненія на память будущимъ родамъ; и вслѣдъ за этимъ въ 1240 году, въ два дня, Декабря 6 и 7 чиселъ, храмъ Владиміра почти до основанія разрушенъ злочестивымъ Батыемъ.

Уцѣлѣлъ отъ него только одинъ юго-западный уголъ, вышиною до пяти сажень, къ которому, чрезъ триста девяносто пять лѣтъ, Митрополитъ Петръ Могила придѣлалъ новыя стѣнки изъ древнихъ кирпичей, устроилъ церковь Рождества Богородицы и придѣлъ Апостоловъ Петра и Павла.

Въ такомъ полуразрушенномъ видѣ оставался знаменитый храмъ Владиміра до 1824 года. Съ этого времени драгоцѣнныя Россіи развалины Десятинныя привлекаютъ изыскателей святыни и древностей; открываются древніе остатки разрушеннаго храма и тщательно изслѣдуются; собирается все достойное храненія и, наконецъ, на древнемъ основаніи воз-

двигается ревностію Курскаго помѣщика Александра Семеновича Анненкова, нынѣшній благолѣпный храмъ; на постройку и украшенія котораго строитель употребилъ болѣе 100,000 серебромъ.

По благочестивому обычаю своему Митрополитъ Петръ Могила, посѣщая каждую субботу храмы Господни, пришелъ помолиться въ исправленную имъ церковь Десятинную, въ придѣлъ Рождества Богородицы, и поклониться чудотворной иконѣ Святителя Николая, обрѣтавшейся въ Десятинной церквѣ, съ первыхъ дней ея основанія.

Не по чудотворному ли образу Святителя Николая церковь, возсозданная Митрополитомъ Могилою, называлась Николаевскою?

По выходѣ изъ церкви Митрополитъ, обозрѣвая ея развалины, остававшіяся внѣ предѣловъ возсозданной имъ церкви, увидѣлъ довольно пространный ходъ въ глубину фундамента, обложенный камнемъ. Тогда же благочестивый архипастырь повелѣлъ очистить этотъ ходъ, снять верхнія остатки каменной настилки и предъ взорами его явились двѣ мраморныя гробницы; по надписямъ, на нихъ находившимся, Митрополитъ узналъ, что въ одной почиваетъ Владиміръ, въ другой его супруга Анна. Тогда же изъ гробницы просвѣтителя Россіи, Петръ Могила взялъ голову, въ воспоминаніе будущимъ родамъ и отдалъ на храненіе и чествованіе въ Соборную церковь Кіево-Печерской Лавры; кость пра-

вой руки въ Кіево-Софійскій, а нижнюю челюсть въ Московскій Успенскій Соборы. И послѣ этого обѣ гробницы, найденныя благочестивымъ архипастыремъ, вновь были покрыты землею и закладены каменьями *).

Обветшалыя части Десятинныхъ построекъ Митрополита Могилы обновила Флоровскаго монастыря старица Нектарія—Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. Задѣлывая трещину въ алтарной стѣнѣ, и копая землю, работники открыли внѣ храма двѣ мраморныя надгробныя доски, подобныя той, которою покрыта Ярославова гробница. Но открытіе это въ то время, осталось въ безвѣстности и найденныя гробницы вновь засыпаны землею. Они не отысканы при послѣднемъ возобновленіи храма; едва ли объ нихъ не забыли. Можетъ быть и въ настоящіе дни эти двѣ гробницы находятся гдѣ-либо внѣ стѣнъ древняго фундамента, въ небольшомъ отдаленіи отъ нынѣшней церкви, и принадлежатъ Изяславу и Ростиславу, которые были погребены въ мраморныхъ ракахъ **). Если сохранились гробы Владиміра и Анны, то позднѣйшія гробницы также должны сохраниться.

При послѣднемъ же вскрытіи основанія храма Десятиннаго, нашли остатки мраморныхъ украшеній,

*) Ист. Госуд. Рос. Т. I. примѣч. 436. изд. 1833 г.

**) Тамъ же Т. II. стр. 84. и лѣтоп. Нестора.

половья шиферныя доски и половой же каменный мозаическій наборъ, украшавшій древнее алтарное возвышеніе, и положенный въ новомъ храмѣ, предъ престоломъ, гдѣ обыкновенно полагается коверъ. Въ щебнѣ отыскали слѣды фресковыхъ изображеній, но изъ этого не слѣдуетъ заключить, что вся древняя Десятинная церковь была, по примѣру храма Ярославова, разрисована фресками.

Въ числѣ гробницъ Десятиннаго храма, были найдены двѣ *). Ближайшая къ алтарю прежней малой церкви, у южной стѣны, состояла изъ трехъ плоскихъ кусковъ краснаго шифера, связанныхъ желѣзными прутьями. Въ этой гробницѣ покоились кости, истлѣвшая одежда, по виду парчевая, наполняла углы гроба. Въ немъ найдены также золотыя пуговицы и остатки башмаковъ. Извнѣ, у сѣверной стѣны фундамента древней церкви, найдена другая гробница, украшенная по красному шиферу изсѣченными изображеніями; на крышѣ разные кругловидные арабески, а собственно на бокахъ гроба четырехконечные кресты, среди колоннъ, и масличныя вѣтви. Въ гробницѣ этой сохранились кости, прахъ истлѣвшей одежды, остатки башмаковъ и нѣсколько металлическихъ блестокъ, вѣроятно изъ парчи.

Послѣ краткаго воспоминанія о судьбѣ Десятиннаго храма и почившихъ въ древнихъ его стѣнахъ,

*) Крат. Ист. опис. Десят. Церк. 1849 г. стр. 12.

отецъ П. ввелъ меня въ алтарь и открылъ шкапъ, стоящій у алтарной стѣны. Въ немъ хранятся всѣ древности, найденныя въ развалинахъ основанія этого храма.

Полки уложены этими драгоцѣнными остатками древностей: кусокъ мозаики, кусокъ штукатурки, съ фресковымъ изображеніемъ, крестики и иконки металлическія, польскія монеты, серги большія разныхъ видовъ; изъ числа ихъ нѣтъ и двухъ совершенно одинаковыхъ. Эта разность, а также величина и форма серегъ заставляетъ предполагать, что онѣ служили украшеніями для мущинъ, ибо по свидѣтельству Византійскихъ писателей князья, бояре и удальцы наши всегда носили, какъ знакъ благородства, въ лѣвомъ ухѣ золотую сергу *). На нижней полкѣ шкапа хранятся два мѣдныхъ колокола времени Владиміра. Столѣтія такъ съѣли ихъ, что одинъ изъ нихъ уцѣлѣвшій весьма легко поднять, несмотря на его величину; форма этихъ колоколовъ сходна съ формами колоколовъ греческой работы. Высота всегда превышаетъ основаніе. Много еще и древнихъ замѣчательныхъ остатковъ древности хранится въ этомъ шкапу, но я не всѣ ихъ исчисляю.

Вышедши изъ храма, я обошелъ по направленію древняго основанія Десятинной церкви, не во-

---

*) Ист. Госуд. Рос. Т. I. стр. 193.

шедшаго въ предѣлы новаго храма и скрытаго въ землѣ.

Вотъ все, что осталось намъ отъ древняго Кіева, отъ матери Русскихъ городовъ, по слову Олега,— Кіева Великокняжескаго, отъ столицы Игоря, мудрой Ольги, воинственнаго Святослава, просвѣтителя Россіи Владиміра, сына его—Ярослава, творца Русской правды, отъ перваго Россійскаго Царя Мономаха и потомковъ его. И что осталось намъ? Безвѣстныя мѣста святыхъ обителей, въ стѣнахъ коихъ совершились достопамятныя событія минувшихъ вѣковъ; безвѣстныя гробницы Великихъ Князей и славныхъ витязей нашихъ, имена коихъ съ блѣдными, и не всегда вѣрными очерками жизни передаютъ лѣтописцы. Стерты съ лица земли рукою всесокрушающаго времени и алчною рукою человѣческою жилища нашихъ Великихъ Князей и воеводъ. Измѣнился самый видъ горныхъ Кіевскихъ высотъ, на вершинахъ коихъ красовались трофеи войны, побѣдъ и міра: мѣдяны кони, львы и болваны мѣдяны. Златыя врата и каменныя стѣны твердыни Кіевской превратились въ груды праха и земли. Гдѣ же тѣ гридни, витязи и чудо богатыри, о удальствѣ которыхъ и славѣ воинской и нынѣ помнитъ Россія и гремятъ въ устахъ народа ихъ славныя имена. Куда унеслось веселіе и гостепріимство свѣтлыхъ пировъ Великокняжескихъ. Куда пронесся шумъ бранныхъ кровавыхъ пировъ и междоусобій, терзавшихъ оте-

чество наше. Гдѣ Половцы, Печенѣги, Турки, Татары, Ятвяги?... Все исчезло, все унеслось, какъ уносится въ часъ утра туманъ, покрывающій свѣтлое озеро, какъ уносится быстротечная туча, излившая благодатный дождь и громовыми ударами растворившая воздухъ и оставившая по себѣ одно благотворное вліяніе.

Вотъ небольшой остатокъ въ Трехсвятительской церквѣ, отъ первой церкви Святаго Владиміра; вотъ древній храмъ Святополковъ, съ современною его основанію мозаическою иконою Тайной Вечери, храмъ Ярославовъ, вмѣщающій въ предѣлахъ своихъ завѣтную его гробницу, древнее стѣнописаніе и несокрушимую мусію. Тамъ, вдали, тлѣнные остатки славныхъ Златыхъ вратъ и наконецъ остатокъ Ирининской обители. Слои костей человѣческихъ, перемѣшанныхъ испытующею рукою любознательности и коловратною судьбою, съ кучами щебня и мусора покоятся въ основаніи древняго вѣковѣчнаго Кіева и надъ всѣмъ этимъ прахомъ,—прахомъ нашихъ предковъ, возвышаются златые кресты древнихъ обителей, созданныхъ Владиміромъ, Святополкомъ и Ярославомъ.

Провидѣніе въ знаменіе того, что все тлѣнно и ничтожно въ мірѣ, кромѣ одной святой вѣры нашей, водрузило и сохранило въ предѣлахъ древняго Кіева эти три святые символы на его многовѣковомъ гробовищѣ.

VIII.

Путь изъ Стараго Кіева въ село Берестово.—Могилы въ селѣ Берестовомъ. — Фонтанъ Иванъ. — Государевъ садъ. — Кловъ.—Монастырь Стефаничь.—Исторія Государева сада.—Царскій дворецъ.—Бесѣдка.—Видъ Заднѣпровья.—Китайская бесѣдка.—Мои товарищи.—Видъ Стараго Кіева.—Цѣпной мостъ.—Минеральныя воды.—Видъ Института.—Дорога въ садъ.—Путь въ село Берестово.—Исторія села Берестоваго.—Угорское мѣсто.—Первая церковь въ Кіевѣ.—Преданія.—Пустынно-Николаевскій монастырь.—Слупъ.—Великокняжескій дворъ.—

Изъ міра языческаго въ міръ Христіанскій ведетъ священная стезя. Такъ, изъ древняго Кіева и Подола въ уединенное сельцо Берестовое, въ которомъ первоначально заронилось зерно Христіанства, пролегаетъ святой путь—Крещатикъ.

Еще на вершинѣ удѣла Кія красовался страшный богъ грома и молніи; еще истуканъ Волоса, мнимо хранилъ стада Кіевлянъ, утопавшія среди Подола, въ тучномъ пастьбищѣ, распростиравшемся

зеленымъ и цвѣтнымъ лугомъ, вокругъ кумира. А среди дебрей и овраговъ уединеннаго Берестоваго, въ тоже время, слышались мольбы Христіанъ, укрывавшихся отъ злобныхъ взоровъ Кіевскихъ язычниковъ. Уже были въ сельцѣ Берестовомъ двѣ присно-памятныя могилы, первыхъ Кіевскихъ Христіанъ: Аскольда и мудрой Ольги, ввѣренныя нѣдрамъ высотъ приднѣпровскихъ, чтобы изъ этихъ двухъ плодоносныхъ зеренъ, созрѣла обильная нива благодати Божіей среди глубокихъ нѣдръ, тѣхъ же самыхъ священныхъ высотъ.

Мимо святаго мѣста Крещатика пролегалъ и мой путь, изъ шумнаго Подола на священныя высоты Печерскія.

Довольно отлогій, но длинный восходъ Александровскій, живописно простирающійся надъ удольемъ Крещатинскимъ, какъ бы висящій надъ Днѣпромъ, и заслоненный съ правой стороны возвышенностію Старокіевскою, пролегалъ между двухъ отдѣловъ Кіева образуя третій среди Стараго Кіева и Печерска и составляя собственно часть Крещатинскую.

Еще не давно, на рубежѣ этихъ трехъ частей, близь возвышенности Старокіевской, существовало деревянное зданіе Театра, снесенное въ прошломъ году, по ветхости. На этой же дельтѣ Крещатинской, красуется прекрасный фонтанъ, носящій имя *Ивана*. Изъ мраморной широкой вазы тонкая струя падаетъ въ пространный гранитный резервуаръ. Въ знойные

дни, толпы богомольцевъ, восходящихъ изъ Подола, утоляютъ у этого фонтана жажду. Мимо фонтана проходилъ и я, благословляя память строителей, и задумчивый не чувствительно приблизился къ каменнымъ воротамъ, устроеннымъ у входа въ Государевъ садъ.

Нѣсколько различныхъ экипажей стояло у воротъ, съ разныхъ сторонъ въ садъ шли гуляющіе, и я тихо побрелъ въ слѣдъ за другими.

Направо, почти у самаго входа въ садъ, находился небольшой каменный домикъ садовника; противъ него расположены клумбы цвѣтовъ и ботаническихъ растеній. Въ сторонѣ выказалась небольшая теплица. Выращенныя въ ней растенія, преимущественно лимонныя, разставлены были противъ ея многостекольныхъ рамъ. Въ небольшомъ ихъ числѣ нѣтъ замѣчательныхъ. За то прекрасныя клумбы цвѣтовъ привлекаютъ взоры гуляющихъ.

Уединенною дорожкою, извивающеюся мимо теплицы и цвѣтниковъ, побрелъ я въ верхній садъ. Куртины, засаженныя виноградными лозами, школами тополей и греческихъ орѣховъ, съ обѣихъ сторонъ украшали эту дорожку.

Среди возвышенностей, покрытыхъ рослыми деревьями, въ глубокомъ удольѣ, подъ вѣтьвями тол-

стаго и развѣсистаго греческаго орѣха, изобильно обремененнаго дозрѣвавшими плодами, усѣлся я на небольшой деревянной скамьѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ надъ небольшимъ озерцемъ, въ сиреневомъ кустѣ, пѣлъ соловей, вдали ему вторилъ другой. По лѣвую же сторону отъ меня, красовалась стѣна стройныхъ пирамидальныхъ тополей, а далѣе росли плодовыя деревья и прекраснѣйшіе каштаны. По горнымъ аллеямъ и по спускамъ возвышенностей, пестрѣли толпы гулявшихъ, и издали доносились ко мнѣ звуки музыки, игравшей въ верхней части сада.

По аллеѣ, извивающейся по крутизнѣ одного изъ многихъ холмовъ, на коихъ расположенъ садъ, взошелъ я на верхнее его отдѣленіе. Вездѣ прекрасная растительность, мѣстоположеніе завидное и самое удобное для устройства превосходнаго сада. Знаменитая Софіевка, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ Умани, не богаче мѣстоположеніемъ Кіевскаго сада, а что въ Софіевкѣ сдѣлала рука человѣка!

На этихъ высокихъ, песчаныхъ приднѣпровскихъ берегахъ и по глубокимъ, среди ихъ удольямъ, издревле существовалъ лѣсъ, простиравшійся вдоль по всей ровной вершинѣ нынѣшней Дворцовой части; онъ занималъ пространство Кловское, гдѣ нынѣ зданіе первой гимназіи, на коемъ въ давноминувшіе вѣка существовала отрасль великаго монастыря Печерскаго—монастырь Кловскій или Стефаничь, замѣ-

ненный, по разрушеніи, небольшимъ церковнымъ Кловскимъ дворцемъ. Монастырь Стефаничь, а потомъ и дворецъ находились въ лѣсу. И нѣтъ еще столѣтія, какъ лѣсъ этотъ уступилъ мѣсто прекраснымъ домамъ и широкимъ улицамъ вокругъ зданія первой гимназіи, составляющимъ кварталъ *Липки*.

Въ слѣдующемъ году Государеву саду совершится столѣтіе, со времени его устройства и постройки въ немъ деревяннаго дворца, къ пріѣзду Государыни Елисаветы Петровны.

Извилистая, среди кустовъ и деревьевъ, нагорная тропа провела меня на вершину прибрежнаго возвышенія. Я вошелъ въ небольшую деревянную бесѣдку, устроенную на лучшей точкѣ этого возвышенія. Предо мною развернулась очаровательная панорама безпредѣльнаго Заднѣпровья. Въ низу береговыхъ возвышенностей, тянутся новоотстроиваемое шоссе, за нимъ синій Днѣпръ, а далѣе свѣтлая сестра Днѣпра—Десна, впадая въ него, катятъ въ море свои вѣковѣчныя волны, образуя живописныя острова, заросшіе рощами и застроенные, хотя ветхими, но ландшафтными постройками разныхъ заводовъ, отвсюду множество свѣтлыхъ озеръ, рѣчекъ и ручьевъ съ разныхъ сторонъ, какъ дѣти бѣгутъ въ объятія старика Днѣпра. Синею полосою дали и темною стѣною лѣса, за желтыми песками, укрывается заднѣпровская сторона, раждая поэтическія думы и унылыя воспоминанія о ея давно минувшей

судьбѣ, нѣкогда такъ много зависѣвшей отъ Кіева. Сотни утлыхъ челноковъ и небольшихъ лодокъ, съ округленными легкимъ вѣтеркомъ парусами, скользили по поверхности водъ, въ коихъ отражаются перловыя облака и лазурное небо. Налѣво видѣнъ Подолъ, утопающій въ волнахъ. Смотришь на эту чарующую картину прекрасной Кіевской природы и не насмотришься; желалъ бы провесть здѣсь цѣлый день, мало, цѣлый мѣсяцъ, и повѣрьте, и тогда бы не безъ сожалѣнія пришлось разставаться съ этимъ очаровательнымъ мѣстомъ. Въ душѣ раждается святое чувство благоговѣнія къ Богу. Вотъ лучшее доказательство величія красоты этого мѣста.

Далѣе отъ деревянной бесѣдки, когда вы взойдете на крайнюю высоту возвышенности, надъ широкою аллеею устроена живописная китайской архитектуры бесѣдка.

Нѣсколько сотъ гулявшихъ прохаживались по широкой аллеѣ, на противуположномъ концѣ которой, противъ бесѣдки, устроено временное помѣщеніе кондитерской.

Бесѣдку наполняли любовавшіеся Заднѣпровьемъ, которое съ этой точки, съ небольшимъ измѣненіемъ, представляетъ тѣже самыя красоты, какими прельщался я съ малой бесѣдки. Только одни постройки строющагося каменнаго моста видны отсюда явственнѣе и ближе, да едва замѣтная желтая полоса за-

днѣпровскаго шоссе теряется стрѣлкою, среди темной зелени лѣса.

Въ китайской бесѣдкѣ, въ числѣ знакомыхъ, нечаянно встрѣтилъ я двухъ моихъ лицейскихъ товарищей *) Князя Б. и знакомаго вамъ, по повѣстямъ и стихамъ Чужбинскаго. Они меня узнали. Полился разговоръ, начались воспоминанія давно умчавшейся юности и я вмѣстѣ съ ними увлекся, да какъ было и не увлектись! Картина юности въ воображеніи и картина чарующей природы предъ очами. Какихъ увлеченій нужно болѣе для сердца человѣческаго?

Мы припомнили всѣхъ нашихъ знаменитыхъ совоспитанниковъ Нѣжинской Гимназіи; почтили памятью отошедшихъ *въ путь всея земли*, по слову Пророка Давида. В. Ѳ. Домбровскаго—бывшаго Профессора Кіевскаго Университета, Е. П. Гребенку, Н. В. Гоголя, еще тогда мы не предвидѣли его раннеи кончины. Вспомнили о первомъ нынѣ нашемъ литераторѣ Н. В. Кукольникѣ, Рѣдкинѣ, Базили, Романовичѣ и о многихъ другихъ воспитанникахъ Гимназіи, имена коихъ записали лѣтописи отечественной литературы. Много, весьма много передали мы другъ другу разсказовъ изъ частной жизни этихъ нашихъ знаменитыхъ литераторовъ, которые могли бы служитть прекраснымъ пополненіемъ ихъ біогра-

*) Лицей въ Нѣжинѣ, именовавшійся прежде Гимназіею высшихъ наукъ Князя Безбородко.

фій; но я удалился отъ моего предмета; извините, онъ очень близокъ моему сердцу.

Большое общество дамъ вошло въ бесѣдку; мы уступили имъ мѣста и пошли вдоль главной аллеи. Направо во всей красотѣ и величіи, какъ бы расположенный на терассѣ, очертался Старый Кіевъ.

Западъ ярко золотился заходомъ солнца за предѣломъ города, и рѣзко отдѣлялись на огненномъ небосклонѣ высокій куполъ колокольни святой Софіи, и куполы самаго Собора, а отдѣльно виднѣлись верхи Михайловскаго монастыря и стрѣльчатые куполы Андреевскаго храма, а ближе всѣхъ выказывался большой и два малыхъ купола Католической церкви, существующей на томъ мѣстѣ съ 1799 г. *), и вполнѣ обрысовывались ея высокія каменныя стѣны. Два вида въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, но совершенно одинъ другому противуположные. Не тотъ характеръ, не тѣ очертанія, не тѣ краски, и наконецъ, различныя впечатлѣнія раждаютъ они въ зрителѣ, ими любующемся. Отсюда Старый Кіевъ кажется расположеннымъ по нѣкоей терассѣ; у ногъ его очерчивается подобно Константинопольскому *Золотому Рогу* пространный Подолъ.

Въ Кіевѣ на каждомъ шагу картины измѣняются. Множество разновидныхъ возвышенностей одна другой выше, одна на другой покоящіяся и

*) Первый Костелъ въ Кіевѣ построенъ, и первый Бискупъ поставленъ въ 1433 году. Моск. мѣсяц. на 1776 г.

несчетное число образуемыхъ ими удольевъ, разсѣлинъ, и овраговъ, то застроенныхъ правильными улицами и домами, прерываемыми пространными площадями, то занятые садами, булеварами, украшенныя фонтанами, водоемами, бесѣдками, памятниками, огромными зданіями, укрѣпленіями, церквями и наконецъ утесы, оставленные пока что, въ дикомъ, но все же прелестномъ видѣ, образуютъ эти картины, изъ коихъ и двухъ нѣтъ сходныхъ. Да, Кіевъ по преимуществу богатъ разнородными, живописными мѣстами, и мало найдется городовъ въ отечествѣ нашемъ, которые могутъ вступить въ состязаніе съ нимъ. Я посѣтилъ почти всѣ большіе города Россіи, любовался плѣнительною природою на южномъ берегу Тавриды, и находилъ истинныя красоты видописи на берегахъ величественной Невы и Ладожскаго озера. Виды по берегамъ Волги и Оки также мнѣ извѣстны, не разъ я ими восхищался; но Кіевъ, несравненный Кіевъ, выше всѣхъ ихъ природною красотою.

Мы подошли къ тому мѣсту, откуда удобнѣе можно было видѣть строющійся на Днѣпрѣ, постоянный цѣпной мостъ, или какъ называютъ его *Висячій мостъ*.

Для Кіева постоянный мостъ необходимъ. Необходимость эта чувствительна бываетъ весною, когда довольно узкій теченіемъ Днѣпръ, въ обыкновенное время, разливается на неимовѣрное пространство,

иногда на нѣсколько десятковъ верстъ, по лугамъ; тогда переправа чрезъ него становится не только затруднительною, но иногда въ продолженіе нѣсколькихъ дней и невозможною. Къ концу Іюня устроиваютъ мостъ временный, на якоряхъ. Но едва начнется холодъ, по рѣкѣ покажутся огромныя массы льду и тогда опять надобно снимать мостъ, дабы предупредить его отъ разрушенія. Мало замерзаетъ Днѣпръ и зимою, и то наноснымъ льдомъ. Небольшая оттепель, размываетъ его берега и тогда переѣздъ, по льду, вовсе невозможенъ.

Довольно кажется этого, чтобы доказать какъ велико для Кіева благодѣяніе правительства, оказываемое ему устройствомъ постояннаго моста, если при этомъ вспомнимъ, что однихъ только богомольцовъ должно переправиться чрезъ Днѣпръ около 100,000 человѣкъ, а сколько же пріѣдетъ изъ Заднѣпра, то есть Черниговской и Полтавской Губерній крестьянъ, привозящихъ жизненныя потребности, и разныхъ другихъ лицъ.

Новосозидаемый мостъ заложенъ, 30-го Августа 1848 года, у такъ называемаго Панкратьевскаго оврага, ниже впаденія р. Черторои, въ Днѣпръ. Мостъ будетъ утвержденъ на шести гранитныхъ быкахъ, сведенныхъ вверху арками, и двухъ береговыхъ устояхъ. Гранитъ большею частію привозится сухимъ путемъ изъ-за двухъ сотъ верстъ отъ Кіева. Быки расположены почти на шестьдесятъ два сажня

одинъ отъ другаго, и поэтому самыя значительныя барки и другія безмачтовыя суда, свободно будутъ проходить между ними. Для мачтовыхъ устроится конецъ моста, къ правому берегу, отдвижной, отверстіемъ на 22 аршина. Длина моста будетъ 365, а ширина 8 саженей. Каждое звѣно цѣпей сдѣлано въ 12 футовъ длины и вѣсомъ въ 12 пудовъ. Цѣпи положатся по вершинамъ устоевъ и на нихъ настелется полотно, или самый мостъ. Количество желѣза, употребленнаго на постройку моста и разныхъ для него машинъ насчитываютъ до 3,500,900 французскихъ килограммовъ. Всѣ металлическія части моста приготовлены въ Англіи, въ Бирмингамѣ, литейщиками Фоксомъ и Гендерсономъ, и на шестьнадцати корабляхъ привезены изъ Ливерпуля къ Одесскому порту. Цѣнность моста будетъ простираться до 2,500,000 руб. серебромъ.

Строитель моста Англійскій Инженеръ Карлъ Виньоль—Charles Vignoles. Ему и участвующимъ въ сооруженіи Инженерамъ Корпуса Путей Сообщенія будетъ принадлежать честь преодоленія трудностей при постройкѣ этого моста, чрезъ своенравный и бурливый Днѣпръ, глубина котораго, на мѣстѣ постройки, въ обыкновенную воду индѣ доходитъ до 30 футовъ, а во время сильнаго разлива, каковъ былъ въ 1845 году, до 50 футовъ.

Искусно сдѣланныя модели этого моста, Лондонскимъ модельеромъ Джеми, привлекли вниманіе

всѣхъ европейскихъ Инженеровъ. Одна изъ этихъ моделей подарена ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, Институту Корпуса Путей Сообщенія, другая же, во всемъ подобная первой, была на всемірной Лондонской выставкѣ подъ вывѣскою *Кіевскій висячій мостъ*. Многіе посѣтители кристальнаго дворца входили въ подробное и внимательное разсмотрѣніе не только частей этой модели, простиравшейся въ длину болѣе трехъ саженей (она сдѣлана въ $^1/_{100}$ долю натуральнаго моста), но и многочисленныхъ миніатурныхъ фигуръ людей разныхъ возрастовъ и половъ, выполненныхъ превосходно. Русскіе посѣтители выставки не нахвалятся удачно схваченными разными нашими народными сценами, тянущимся чрезъ мостъ обозомъ, мчащеюся почтовою тройкою и казачьимъ полкомъ, выступающимъ изъ города. Картина моста съ окрестностями Кіева также была приложена къ этой модели.

Работы Кіевскаго моста идутъ весьма успѣшно и надобно надѣяться, что въ скоромъ времени не на однихъ моделяхъ, но по натуральному мосту проѣдетъ длинная вереница тяжелаго обоза и промчится лихая тройка почтоваго ямщика.

Боковыми, тѣнистыми аллеями прошелъ я по всему верхнему саду, вездѣ наполненному густыми толпами гулявшихъ, и незамѣтно приблизился къ длинному зданію, оставшемуся отъ бывшаго дворца Елисаветы Петровны, коего верхній этажъ сгорѣлъ въ 1819 году. Нынѣ въ этомъ зданіи помѣщается

заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ. Изрѣдка бываютъ здѣсь танцевальные вечера.

Я посѣтилъ это заведеніе, и мысленно сравнивалъ его съ такимъ же заведеніемъ, существующимъ въ новой деревнѣ, близь С.-Петербурга, гдѣ несравненный Излеръ даетъ свои празднества, которыя присутствующаго на нихъ поневолѣ заставятъ забыть скуку и все, что тяготитъ сердце. Кіевское заведеніе еще неочень развивается; но несмотря на это, оно много приноситъ пользы нуждающимся въ пособіи минеральныхъ водъ. Обыкновенно курсъ леченія начинается съ половины Мая и продолжается до конца Августа. Изъ ваннъ болѣе всѣхъ употребляются съ морскою солью и желѣзныя, потомъ паровыя, Эмскія, сѣрныя, Струвскія, рѣдко Теплицкія, а еще рѣже Елисаветинскія. Воды приготовляются и поступаютъ въ продажу: Карлсбадскія, Маріенбадскія, Ненидорфскія, Киссингенскія, Эмскія, Эгрскія, Виши и другія. Всѣхъ этихъ ваннъ и водъ въ бутылкахъ, продается до 4,700 руб. сер. Помѣщеніе больныхъ отводится въ самомъ зданіи и его флигеляхъ.

Прекрасный горный воздухъ, прохлада въ тѣни деревъ и очаровательные виды, представляющіеся съ разныхъ сторонъ сада, благотворно дѣйствуютъ на страждущихъ. И право, въ этомъ привлекательномъ саду одни частыя прогулки должны кажется возстановлять здоровье страждущихъ. Приходите сюда

въ часы душевной истомы и, я ручаюсь, печаль ваша исчезнетъ и вы съ спокойною душею и свѣтлыми думами возвратитесь домой. Покрайней мѣрѣ это не разъ бывало со мной.

Прежнею дорогою возвращался я изъ сада, и при выходѣ изъ него, прямо противъ меня, въ нѣкоторомъ отдаленіи на возвышенности, представилось, выше прочихъ домовъ, зданіе Института благородныхъ дѣвицъ, сооруженное въ недавніе годы. Оно отличается огромностію и прекрасною архитектурою, мѣсто для него избрано превосходное.

На другой день, когда Днѣпръ и дальнія окрестности его только что оживлялись, пробуждаемыя легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, колыхавшимъ вершины стройныхъ и высокихъ тополей и уносившимъ съ удольевъ въ высь дымчатую пелену тумана,—я ѣхалъ по этому же пути, мимо Крещатинскаго памятника, и желая, хоть на нѣсколько минутъ насладиться чудною видописью днѣпровскихъ береговъ, поѣхалъ по пути, извивающемуся по самой вершинѣ крайнихъ возвышенностей, на коихъ раскинутъ садъ. Я забылъ сказать, что и чрезъ садъ, къ спуску Александровскому, существуетъ проѣзжая дорога и дорога чрезвычайно живописная.

Я ѣхалъ въ любимое Великимъ Княземъ Владиміромъ село Берестовое.

Лѣса густые сплошь покрывали, въ древности, всю нынѣшнюю Печерскую часть, спускаясь къ са-

мымъ водамъ днѣпровскимъ. Въ этихъ-то мрачныхъ и мѣстами непроходимыхъ дебряхъ берестовыхъ, ибо по преимуществу въ минувшіе вѣка и нынѣ ростутъ здѣсь березы, укрывались разбойничавшіе по Днѣпру и въ окрестностяхъ Кіева партіи Казаръ и Варяговъ, а потомъ, при Олегѣ 898 году, «идоша Угри мимо Кіева горою, еже нынѣ зовется Угорское; и пришедше къ Днѣпру сташа вежами.» Съ того времени и до этого дня, какъ бы въ подтвержденіе истины сказанія преподобнаго лѣтописца, урочище, гдѣ останавливались Угры, именуется Угорскимъ.

За семъ лѣтъ до пришествія Угровъ къ высотамъ Кіевскимъ, Олегъ убилъ Аскольда и Дира и изъ этихъ двухъ первыхъ Князей-Христіанъ прахъ Аскольда, какъ бы въ залогъ благословенія святымъ Провидѣніемъ нѣдръ горъ Печерскихъ,—полагается въ нѣдра Угорскихъ возвышенностей. Во дни преподобнаго лѣтописца, надъ прахомъ перваго Кіевскаго Христіанина существовала, можетъ быть, также первая Христіанская церковь въ Кіевѣ, во имя святаго Николая, сооруженная Ольмою. Не подалеку же отъ этой церкви находился и дворецъ Ольминъ.

Чрезъ пространную плацпарадную площадь, обсаженную прекрасными пирамидальными тополями, по дорогѣ, пролегающей отъ площади по самому хребту возвышенностей Печерскихъ, въѣхалъ я чрезъ превосходной архитектуры крѣпостныя Николаев-

скія ворота на Печерскъ, къ двумъ церквямъ Святителя Николая.

Прежде всего поспѣшилъ я на обрывистый скатъ возвышенности Печерской, на древнее Угорское мѣсто, на мѣсто первой завѣтной могилы, изъ тѣхъ могилъ, коими знаменуются вершины Кіевскія. И здѣсь вокругъ могилы Аскольда, какъ и могилы виновника его преждевременной смерти—Вѣщаго Олега распространяется нива Божія почившихъ въ Христѣ. Но два различные, по своему знаменованію, памятника украшали могилы этихъ первыхъ Князей Кіевскихъ. Язычникъ Олегъ успокоился подъ высокимъ насыпнымъ курганомъ, который видѣлъ Несторъ; Христіанинъ Аскольдъ успокоился подъ сѣнью перваго же Христіанскаго храма, который хотя и былъ разрушенъ Святославомъ, но вскорѣ на томъ же мѣстѣ возникъ новый и если разрушали варвары, или истребляло сокрушительное время церкви надъ прахомъ Аскольда, то на древнемъ фундаментѣ сооружались новые храмы, и нынѣ существуетъ на томъ мѣстѣ малый храмъ угоднику Николаю, построенный въ 1808 году.

Сохранились два преданія: полагаютъ, что Христіанское имя Аскольда было Николай, и поэтому Ольмою сооружена и церковь во имя св. Николая, и второе преданіе, что въ этомъ храмѣ св. Ольга, не желавшая, чтобы язычники творили надъ прахомъ ея тризну, повелѣла пресвитеру своему,

Григорію, тайно погребсти себя, и что св. Владиміръ священныя останки ея перенесъ въ Десятинную церковь.

И понынѣ еще, въ память минувшихъ событій, кладбище это именуется Аскольдовою могилою. Угорское же урочище приняло и другое проименованіе — *Красницы*. Видъ съ этого горнаго обрыва живописенъ; но невозможно мнѣ описать всѣ картины очаровательныхъ мѣстъ Кіева.

Мало того, что любимое село Владиміра, получило отъ рода деревьевъ, составлявшихъ лѣса Кіевскіе—наименованіе Берестоваго, и женскій монастырь во имя св. Николая, построенный въ XI вѣкѣ среди лѣса, принялъ наименованіе Пустыннаго. Древняго Пустыннаго Николаевскаго монастыря, въ коемъ, по писанію, приняла иноческій образъ мать Преподобнаго Ѳеодосія, съ 1113 года не существуетъ. Въ томъ же году Мстиславъ Владиміровичь, какъ сказано въ лѣтописи, заложилъ деревянную церковь святаго чудотворца Николы на Княже дворѣ. Потомъ, въ 1690 г. однимъ изъ Малороссійскихъ Гетмановъ устроенъ былъ большой Пустынно-Николаевскій монастырь, въ которомъ находится, такъ названный народомъ, Слунъ или Столповой храмъ св. Николая, построенный въ 1713 году Княземъ Голицынымъ, съ 1831 года монастырь этотъ обращенъ въ Военный Соборъ. По дорогѣ изъ Стараго Города, или Подола къ Печерской Лаврѣ, налѣво, по улицѣ находится

этотъ храмъ, по истинѣ оригинальный зодчествомъ, онъ представляетъ какъ бы колокольню, безъ прочихъ церковныхъ построеній. Войдите въ него и поклонитесь древнему чудотворному образу святаго Николая.

Изъ словъ Нестора видно, что Княжій Берестовскій дворецъ, въ которомъ 15-го Іюля 1015 года скончался великій просвѣтитель Россіи Христіанствомъ, Владиміръ, существовалъ недалеко отъ монастыря Николаевскаго. Любя Берестовое, Великій Ярославъ, по примѣру отца, построилъ также въ немъ загородній дворецъ и церковь Апостоловъ Петра и Павла и, часто пребывая въ Берестовомъ, узналъ Іерея Иларіона, мужа ученаго и добродѣтельнаго. Великій Князь повелѣлъ Епископамъ своимъ въ 1078 году поставить Митрополитомъ Іерея Иларіона. Не много оставили намъ лѣтописцы любопытныхъ извѣстій о прекрасномъ селѣ Берестовѣ и его загородныхъ княжескихъ домахъ, въ коихъ любили Великіе Князья Кіевскіе проводить время, нерѣдко предаваясь благочестивымъ размышленіямъ и бесѣдамъ съ смиренными отшельниками Печерскихъ горъ. 24 Мая 1096 года, Половцы напали на Берестовое, сожгли дворы Великокняжескія и совершенно разорили сады и разныя украшенія.

Ни лѣтописи, ни память не изобразятъ съ точностію, что истреблено временемъ и людьми и вотще буду я описывать красоты этого живописнаго мѣста.

И здѣсь, благовѣрный Князь, сооружаетъ, по свидѣтельству же Синопсиса, Великую церковь святаго Спаса на Берестовѣ. Несторъ объ ней не упоминаетъ. Преподобный лѣтописецъ могъ это упустить, и опять могло сохраниться преданіе о построеніи этого храма Владиміромъ.

Обозрѣвши церкви Святителя Николая, я поспѣшалъ въ Великую Печерскую церковь.

IX.

Приближеніе къ Печерской Лаврѣ.—Святыя врата.—Входъ во внутренній дворъ.—Церковь надъ святыми вратами.—Зданія, окружающія Лавру. — Колокольня. — Типографія. — Наружныя надгробія.—Внутренность Успенской церкви.—Образъ Успенія Богородицы. — Облаченіе. — Жертва Графини Орловой-Чесменской.—Угощеніе странныхъ.—Святыня Лаврская.—Икона Игоря и другіе образа.—Паникадила.—Главный алтарь.—Церковныя утвари.—Ризница.—Библіотека Лавры. — Портреты. — Гробницы внутри великой церкви.—Начало основанія Лаврской Типографіи.—Княжескія гробницы.—Посѣщеніе Лавры Іосифомъ II-мъ.—Наружность великой церкви.—Надгробія.—Исторія монастыря Печерскаго и особенно великой церкви.—Значеніе словъ: Лавра и Ставропигія.—

Еще одна площадь и крѣпостной въѣздъ отдѣляли меня отъ святой Лавры. Еще я былъ въ далекомъ разстояніи отъ нашего Русскаго Іерусалима, но душа моя и сердце пребывали уже въ стѣнахъ святой обители Успенія Богоматери. И вотъ, изъ-за ближайшихъ ко мнѣ зданій величественно предстала

прекрасная колокольня Лавры и заблистали семь золотыхъ куполовъ соборной Великой церкви, а вдали отъ нея выказывались другіе храмы и зданія обители. Нѣсколько минутъ, и я былъ у святыхъ стѣнъ Лаврскихъ, у тѣхъ стѣнъ, къ которымъ стремятся благочестивые странники Россіи, изъ нѣсколькихъ тысячь верстъ, которыхъ достигаютъ, перенося неимовѣрныя лишенія, терпя голодъ, жажду и непогоды, дабы поклониться великой святынѣ Россійской. Да, я у стѣнъ святой Лавры, у тѣхъ стѣнъ, къ которымъ, можетъ быть, многія тысячи желали бы притекти съ вѣрою и святымъ упованіемъ, но житейскія заботы и тяжкія обстоятельства удерживаютъ.

Душа моя полна благоговѣнія къ великой святынѣ, сердце жаждетъ молитвы, я отрѣшаюсь отъ суеты міра и умиленный подхожу къ западнымъ или *святымъ вратамъ* Лавры. Углубленіе этихъ вратъ исписано ликами святыхъ отшельниковъ: въ переди ихъ съ правой стороны изображенъ Преподобный Ѳеодосій, съ крестомъ въ рукѣ, а съ лѣвой Антоній, держащій икону Успенія Богоматери; въ сторонѣ видъ св. Лавры и ея окрестностей. Надъ вратами надпись: «Отверзутся врата твоя присно, Іерусалиме новый, день и ночь не затворятся....; а пониже, двуглавый золотой орелъ.

Нѣсколько шаговъ впередъ, и я на дворѣ Лаврскомъ, сердце бьется сильнѣе и благоговѣйная радость и какой-то святой трепетъ ощущаю я въ груди. Это

не тѣ чувства, которыя родятся при всякомъ житейскомъ обстоятельствѣ. Это чувство, благотворное для души, исходитъ свыше.

Надъ святыми вратами, коими ступилъ я во дворъ Лаврскій, первоначально устроена малая Троицкая церковь внукомъ основателя Печерскаго Собора Святослава Ярославича, Черниговскимъ Княземъ Николою Давидовичемъ, проименованнымъ Святошою, который, принявъ санъ инока, три года пребывалъ убогимъ вратаремъ Лавры. Замѣтимъ, что одинъ изъ прежнихъ писателей нашихъ, Кальнофойскій, сообщаетъ, что Троицкая церковь построена точно такъ, какъ была построена Благовѣщенская церковь на Кіевскихъ Золотыхъ вратахъ.

По обѣимъ сторонамъ тротуара, проведеннаго отъ святыхъ вратъ къ Лаврѣ и простирающагося на двѣстѣ шаговъ, тянутся въ два ряда длинныя одно-этажныя каменныя зданія; густая тѣнь греческихъ орѣховъ и каштановъ украшаютъ переднія фасады зданій. Направо, впереди, вполнѣ возстаетъ съ громаднаго своего основанія построенная въ 1745 году Архитекторомъ Шейденомъ *) четырехъэтажная, восьмиугольная колокольня Лаврская, вы-

---

*) А не Растрели, какъ сказано въ Пут. Записк. Жданова, изд. 1843 года, и во многомъ невѣрныхъ, а въ особенности въ Описаніи Кіева и его святыни.

шиною до креста 131 аршинъ, а за нею уже къ сѣверу, въ шестидесяти шагахъ находится главный соборъ Лавры. Я восходилъ вверхъ на колокольню по триста пятидесяти двумъ ступенямъ и въ подзорную трубу замѣчалъ туманныя окрестности Василькова, Переяславля, Козельца, удаленныя отъ Лавры на полтораста верстъ.

Приближаясь къ колокольнѣ, направо, представляется каменное же двухъ-этажное зданіе, созданное въ 1727 году, въ коемъ заключаются двѣ малыя церкви и покои Настоятеля Лавры. Противъ южныхъ ея вратъ находится Трапезная церковь, во имя Апостоловъ Петра и Павла, построенная въ 18 столѣтіи, на древнемъ своемъ основаніи. На сѣверной сторонѣ видите уже двѣ церкви: во имя св. Николая, при больничномъ монастырѣ и, собственно на вратахъ экономическихъ или сѣверныхъ, храмъ во имя Всѣхъ Святыхъ, созданный въ 1698 году.

На востокъ отъ собора, покатый скатъ, устланный, какъ и весь дворъ Лаврскій, камнемъ, ведетъ къ нижнимъ Лаврскимъ вратамъ, коими выходятъ къ ближайшимъ пещерамъ, по длинной галлереѣ. Въ концѣ этой галлереи, лѣтъ двѣнадцать, устроена теплая церковь во имя всѣхъ Преподобныхъ Печерскихъ. На сѣверѣ же отъ этихъ вратъ посѣтилъ я двухъ-этажное зданіе Лаврской Типографіи, основанной въ 1616 году.

Предъ самымъ входомъ въ святую внутренность

Лавры западными дверьми, украшенными изображеніями святыхъ отшельниковъ, взоръ мой остановился на двухъ бронзовыхъ надгробныхъ доскахъ, вдѣланныхъ на противуположныхъ стѣнахъ, одна противъ другой, на правой начертано дорогое памяти моей имя Наталіи Борисовны Долгорукой, умершей въ схимѣ, которую она приняла съ именемъ Нектаріи, въ Кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ. Вотъ гдѣ наконецъ опочила эта добровольная страдалица, жертва неизмѣнной любви къ другу сердца, избравшая, ради его, горькую участь, заранѣе ее предвидя. Она родилась въ 1714 году, Генваря 17, въ городѣ Лубнахъ Полтавской Губерніи. Лила слезы въ далекомъ Берестовѣ, гдѣ и воспитывала дѣтей своихъ, молилась за мужа и семейство свое въ обители Флоровской, а въ предѣлахъ святой Лавры, въ 1771 году, Іюля 3 дня, улеглась на вѣчный покой. И это величайшая для нее награда за гробомъ, и она достойна ея. Налѣво покоится любимый ея сынъ, Дмитрій Ивановичъ, умершій въ Кіевѣ на 30 году жизни въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, въ 1769 году, Мая 26 дня.

Когда переступилъ я порогъ храма, изъ крестообразной внутренности его послышалось умилительное пѣніе.

Осіяваемый сотнями свѣчей заблестѣлъ передо мною недавно позолоченный передній иконостасъ, по сторонамъ коего, въ священной темнотѣ храма,

едва обрисовывались у стѣнъ раки съ частицами святыхъ угодниковъ. Я шелъ ближе къ главному пяти-ярусному алтарю, сооруженному щедротами Петра I-го и по его чертежу. Литургія только что началась; церковь была наполнена молящимися, до невѣроятной тѣсноты. Я забылъ сказать, что это было 10-го Іюля, въ день, посвященный памяти Преподобнаго Антонія Печерскаго.

Надъ отверстыми Царскими Вратами, въ серебряномъ позолоченномъ кругу увидѣлъ я завѣтную и самую драгоцѣннѣйшую святыню Лавры—чудотворный образъ Успенія Божія Матери. Предъ этимъ образомъ горѣла серебряная, о десяти стаканчикахъ, неугасаемая съ 1812 года лампада, и частію заслоняла отъ взоровъ моихъ чеканныя изображенія, коими украшенъ кругъ иконы, находящійся среди золотыхъ и серебряныхъ лучей сіянія. Я ступилъ два шага въ сторону и вполнѣ увидѣлъ святыя украшенія креста и образа; Богъ Отецъ съ верху, Духъ Святой въ низу, а по сторонамъ ангелы, поддерживающіе икону, явственно были мнѣ видны. Самая икона, осыпанная драгоцѣнными камнями, коимъ нѣтъ цѣны, покрыта золотою ризою, величиною въ шесть съ половиною, а шириною въ девять вершковъ.

Происходило самое торжественное служеніе, какое помню видѣлъ я въ Александро-Невской Лаврѣ. Самъ Намѣстникъ Лавры, Митрополитъ Кіевскій, Филаретъ, соборнѣ совершалъ литургію. Цвѣтъ об-

лаченія на всѣхъ священно-дѣйствовавшихъ былъ зеленый. Я это зналъ впередъ, помня древній обычай Лавры, въ извѣстные дни, употреблять особые цвѣта въ облаченіяхъ: по розовому полю употребляются ризы во всѣ Господскіе праздники; во дни Богородичные и Ангельскіе по бѣлому или серебряному; въ Апостольскіе по золотому или желтому полю; въ Святительскіе по голубому; во дни Преподобныхъ по зеленому; а въ Мученическіе по красному полю.

Иконостасъ въ 1850 году поновленный и вызолоченный щедротами покойной Графини Орловой-Чесменской, пожертвовавшей въ Лавру значительную сумму, привлекалъ мое вниманіе своею завѣтною святынею, красотою и своимъ богатствомъ. Всѣ иконы его подъ серебряными позолоченными окладами; подлинно, что церковь Лаврская, по выраженію Нестора, *подобна небеси.* Подъ священными сводами ея, украшенными изображеніями святителей и церковныхъ событій, духъ суетный отрѣшается отъ души каждаго, входящаго во святую Лавру, и жажда молитвы, жажда прославленія Господа наполняетъ сердце и самую душу. Теперь я вполнѣ постигаю, вполнѣ сочувствую святому, вожделенному желанію смиреннаго Суздальскаго Епископа Симона, писавшаго въ концѣ XII вѣка, къ Печерскому иноку Поликарпу, что онъ всю славу свою и власть вмѣнилъ бы во прахъ, если бы

щепкою торчать за вратами, или валяться сметьемъ въ монастырѣ Печерскомъ.

Я не могу описать и передать того священнаго чувства, которое наполняло всего меня, когда я молился въ *Лаврѣ* *). Вѣрьте, что бѣдственное странствованіе, изъ-за многихъ тысячь верстъ въ Кіевъ, вполнѣ вознаграждается уже тѣмъ неземнымъ чувствомъ, какое испытываетъ каждый богомолецъ, поклонясь святынѣ Лаврской. Здѣсь-то, въ этихъ святыхъ стѣнахъ все забывается: и отдаленность пути, и страшныя лишенія, и скорби семейныя, и печали суетной жизни; умаляются тѣлесныя немочи и утухаютъ страсти грѣховныя. Нѣтъ, не безъ пользы душевной и тѣлесной стремятся въ эту обитель тысячи тысячь людей изъ всего свѣта, и не безъ особенной благодати Божіей выходитъ изъ нея каждый.

Служеніе продолжалось за полдень. Но вотъ оно окончилось, а я еще жаждалъ молиться; но, повинуясь влеченію выходившихъ изъ церкви, шелъ и я вслѣдъ за Архипастыремъ, къ которому несмѣтное множество народа прибѣгало за благословеніемъ, и поэтому выходъ его изъ храма долженъ былъ длиться. И вотъ онъ вышелъ и, все однако же сопровождаемый тысяче-главою толпою, поворотилъ

*) Симонъ, въ посланіи къ Поликарпу, первый церковь Печерскую наименовалъ письменно Лаврою.

налѣво отъ Успенскаго храма, гдѣ между Лаврою и трапезою, на столикахъ, рядами были поставлены огромныя мисы съ кушаньемъ и лежали хлѣбы. Нищіе и нѣкоторые богомольцы, да и весьма многіе изъ достаточныхъ, прибывшихъ въ Кіевъ на поклоненіе спѣшили занять мѣста за трапезою и отвѣдать угощенія Лаврскаго, учрежденнаго со временъ ея преподобныхъ основателей и бываемаго въ день Успенія Богоматери и во дни, посвященные памяти Преподобныхъ Печерскихъ Антонія и Ѳеодосія. Митрополитъ благословилъ трапезу и отвѣдалъ ея яства и хлѣба.

Старый пріятель мой, съ которымъ свелъ я знакомство во время пріѣзда его въ Петербургъ, когда служилъ я при Дежурномъ Генералѣ Главнаго Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, передалъ мнѣ свои краткія замѣтки о Кіевѣ, веденныя имъ во время его тридцатилѣтней жизни въ этомъ городѣ. Изъ этихъ записокъ узналъ я, что въ 1837 г., ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ 15-го Августа отслушать въ Печерской Лаврѣ литургію и потомъ удостоилъ посѣщеніемъ трапезу, отвѣдалъ яства и, одобривъ благочестивый обрядъ, пожелалъ, чтобы онъ свято сохранялся на будущіе вѣка. Объ этомъ обозрѣніи упоминается и въ указателѣ Кіевской святыни и въ Паломникѣ *).

---

*) Ук. Кіев. св. стр. 70.

Я также отвѣдалъ хлѣбъ Лаврскій, отличаю, щійся особенно пріятнымъ вкусомъ. Послѣ этого, сопровождаемый однимъ изъ иноковъ Лавры, снова вошелъ въ Успенскій храмъ, желая воздать должное поклоненіе его святынѣ и узрѣть всѣ его достопамятности.

Внутренность храма еще была довольно полна поклонявшимися святымъ мощамъ, я послѣдовалъ за моимъ смиреннымъ путеводителемъ. Онъ велъ меня, по моему желанію, первоначально къ главѣ нашего спасенія и просвѣщенія,—къ главѣ Благовѣрнаго Князя Владиміра. Вы уже знаете кѣмъ, гдѣ и когда обрѣтена эта святыня, и поэтому повторять сказаннаго не буду. Глава Равноапостольнаго Князя находится на правой сторонѣ внутренней церкви, предъ алтаремъ св. Архистратига Михаила, она сохраняется въ серебряномъ кіотѣ. Предъ нею горитъ золотая, осыпанная бриліантами лампада; кисть ея изъ драгоцѣнныхъ жемчужинъ. Это даръ Екатерины II, пожалованный въ 1788 году.

Не могъ я долго оставаться у главы просвѣтителя нашего, нахлынувшая толпа ревностныхъ богомольцевъ отдалила меня отсюда, и я пробирался къ ракѣ перваго Кіевскаго и отечества нашего Митрополита, святителя Михаила, крестившаго двѣнадцать сыновей В. К. Владиміра и народъ Русскій. Серебряная, открытая рака этого святителя, находится противъ главы Владиміра, съ лѣвой стороны внут-

ренней церкви; у сѣверной стѣны придѣла св. Архидіакона Стефана, на покровѣ, изображена надпись, означающая имя почившаго. Сколько благочестивыхъ воспоминаній родились въ памяти моей, когда стоялъ я у главы Владиміра и у мощей святителя Михаила,—этихъ двухъ виновниковъ нашего спасенія, и въ то время прямо передо мною сіялъ въ кругу, опущенный на шелковыхъ шнуркахъ, чудотворный образъ Богородицы, чудодѣйственно принесенный, изъ Греціи въ Кіевъ, строителями Великой Печерской обители *).

Боже мой! сколько исцѣленій излила эта икона на людей, прибѣгавшихъ къ ней съ теплою вѣрою, сколькими спасеніями одолжена ей и древняя Русь, и Кіевъ во дни губительныхъ нашествій злобныхъ варваровъ. Въ бѣдственные дни, эта святая икона обносится вокругъ монастыря Печерскаго. Послѣдній разъ торжественное обнесеніе ея совершилось въ 1847 году, когда въ Кіевѣ свирѣпствовала губительная холера.

Я подошелъ ко гробу Преподобнаго Ѳеодосія, находящемуся съ правой стороны притвора. Здѣсь царствуетъ священный сумракъ, и златая сѣнь, устроенная надъ блаженною гробницею, ярко выказывала позолоту, напоминая мнѣ святыя слова: свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не обнимаетъ.

*) Опис. Кіевской Печерской Лавры.

Подъ спудомъ почиваютъ мощи перваго основателя Великой Печерской церкви, но благочестивое чествованіе отъ этого не умаляется. Чрезъ 17 лѣтъ, по смерти Ѳеодосія мощи его были обрѣтены нетлѣнными и тогда же торжественно перенесены изъ его тѣсной подземной пещеры, въ которой жилъ и умеръ, въ святую Лавру. Въ 1130 году, Суздальскій Князь, Георгій, богато украсилъ раку Преподобнаго, употребивъ на это 50 гривень злата и 500 серебра; но, чрезъ сто десять лѣтъ, Татары захватили эту драгоцѣнность и сплавили ее въ куски металла. Мощи же Преподобнаго, предъ нашествіемъ варваровъ заблаговременно были сокрыты въ основаніи храма, и понынѣ тамъ почіютъ.

Свободно молился я нѣсколько минутъ у гроба Ѳеодосія, имя котораго, неразрывно соединенное съ именемъ Антонія, ежедневно, или лучше скажу, непрестанно произноситъ Русская Православная Церковь, при началѣ и концѣ своихъ молитвъ, въ безграничномъ отечествѣ нашемъ.....

— Укажите мнѣ образъ Богоматери, предъ которою молился, въ предсмертный часъ въ обители Ѳеодоровской, Игорь Ольговичь.

— «Вотъ этотъ образъ,» отвѣчалъ путеводитель, проведшій меня въ придѣлъ Іоанна Богослова. Икона эта древняго греческаго письма, украшена дорогими каменьями по серебряной, вызолоченной ризѣ; по краямъ ея, золотыми буквами вырѣзана надпись,

означающая, что образъ этотъ принадлежалъ Игорю, предъ коимъ онъ молился въ предсмертный часъ. Когда и по какому случаю перенесена икона Игоря въ святую Лавру, неизвѣстно. Къ этому святому изображенію Небесной Владычицы съ особенною вѣрою прибѣгаютъ обуреваемыя житейскими страстями, и чудны бываютъ знаменія нашей Небесной ходатайницы.

Впереди царскихъ вратъ изъ кованаго серебра, пожертвованныхъ Фельдмаршаломъ Петра I-го, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ и впослѣдствіи передѣланныхъ съ добавкою серебра, сыномъ его Сергіемъ Борисовичемъ, находятся два аналоя, на краяхъ которыхъ утверждены вертикально большіе круги, украшенные финифтевыми изображеніями. Въ одномъ кругу хранятся частицы мощей святыхъ угодниковъ, также часть древа трапезы Христовой и часть ризы Господней; а въ другомъ, въ числѣ иконъ, помѣщенъ небольшой образъ благословляющаго Спасителя, подъ золотою кованою шатою, съ вѣнцемъ, украшеннымъ двадцатью пятью бриллiантами. Этимъ образомъ Императрица Екатерина благословила въ 1788 году, Князя Потемкина, при отпускѣ его на войну съ Турками и который Свѣтлѣйшій Князь Таврическій прижалъ къ груди своей въ послѣдніе минуты жизни, умирая, 5-го Октября 1791 года, на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. На бездыханный трупъ его наклонилась любимая его племян-

ница, Графиня Браницкая, а одинъ изъ сопровождавшихъ Потемкина Черноморцевъ, замѣтивъ, что глаза покойнаго открыты, вынулъ изъ кармана двѣ мѣдныя копѣйки и положилъ ихъ на *вѣки* *). Образъ этотъ пожертвованъ въ Лавру Статсъ-Дамою, Графинею Браницкою.//

Мнѣ еще показывали нѣсколько замѣчательныхъ образовъ по превосходной и богатой отдѣлкѣ, въ томъ числѣ Страстную икону Спасителя, самой искусной мозаической работы, подаренную Графинею Орловою-Чесменскою Іеросхимонаху Лавры Парѳенію, а симъ послѣднимъ отдана въ Лавру. Но я особенное вниманіе обратилъ на образъ Спасителя, изображеннаго въ младенческомъ возрастѣ. Образъ этотъ писанъ художникомъ, лишившимся рукъ. Онъ держалъ кисть во рту и такъ писалъ. Образъ этотъ, какъ видно изъ надписи, находящейся на оборотѣ его, подаренъ художникомъ Царю, Ѳеодору Алексѣевичу, а имъ передана бывшему его наставнику Симеону Полоцкому; но кто и когда принесъ ее въ Лавру, неизвѣстно. Образъ этотъ находится въ придѣлѣ св. Архидіакона Стефана, надъ жертвенникомъ.

Внутренность Великой церкви росписана священными изображеніями и всюду на стѣнахъ, сводахъ, аркахъ, столбкахъ, поддерживающихъ хоры, пред-

*) См. мое соч. Потемк., какъ казакъ войска Запор., изд. 1852 года.

ставляются благоговѣйному взору лики угодниковъ Божіихъ и разные предметы церковной исторіи. Недавнее поновленіе этой живописи, а именно десять лѣтъ назадъ, ясно видно. Краски свѣжи и ярки, какъ ни въ одномъ древнемъ храмѣ Кіева, исключая конечно Святой Софіи.

По обычаю моему я обозрѣлъ крестообразно расположенную внутренность Великой церкви, помолился предъ всѣми ея восемью придѣлами, изъ коихъ четыре находятся внизу, и четыре вверху, на хорахъ.

Среди большой церкви виситъ, въ числѣ другихъ, серебряное паникадило, пожертвованное Екатериною II, а другое такое же, висящее въ притворѣ, подарено Атаманомъ Донскихъ Казаковъ, Даніиломъ Ефремовичемъ Ефремовымъ.

Я вошелъ въ главный алтарь. Престолъ обложенъ серебряными, вызолоченными досками, украшенными чеканными изображеніями. Это даръ Елисаветы Петровны. Изъ многихъ дорогихъ Евангелій, находящихся въ Лаврѣ и видѣнныхъ мною, я упомяну о нѣкоторыхъ: одно изъ нихъ принесено въ даръ Царицею Мароою Матвѣевною *); два большихъ, въ серебряныхъ, позолоченныхъ окладахъ, пожертвованы въ 1691 и 1720 годахъ Императоромъ Петромъ I.

---

*) Такъ сказывали мнѣ и такъ обозначено, въ Указ. Кіев. свят. стр. 26.

два рукописныя 1538 года; большое Евангеліе, сооруженное Кіевскимъ Митрополитомъ Серапіономъ и оцѣненное, въ то время, въ 17,173 руб. ассиг., и второе, подаренное покойною Графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою. Надъ горнимъ мѣстомъ главнаго алтаря, устроеннаго, по древнему обычаю, глубокимъ полукружіемъ, изображена Тайная Вечеря; лики Спасителя и Апостоловъ, въ позлащенныхъ окладахъ, начертаны во весь ростъ. Подъ этимъ священнымъ изображеніемъ находится святительская каѳедра, а по ступенямъ ея сдѣланы сѣдалища для сослужащихъ.

Предо мною были открыты богатства Лаврской ризницы. На описаніе всего этого, что находится въ ней, недостаточно нѣсколькихъ листовъ, надобны томы, и я упомяну только о тѣхъ священныхъ и достопримѣчательныхъ вещахъ, кои особенно привлекаютъ вниманіе. Начну съ ризъ: 1) осыпанныя жемчугомъ, пожалованы Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; 2) украшенныя бриллiантами и жемчугомъ, даръ Елисаветы Петровны; 3) двое священническихъ ризъ, пожалованныя Анною Іоанновною; 4) нѣсколько полныхъ Архіерейскихъ облаченій, богато украшенныхъ, пожалованныхъ Благословеннымъ Государемъ и нынѣ Царствующимъ Императоромъ. Но вотъ предъ взорами вашими пунсоваго бархата вышитыя золотомъ и коричневою синелью ризы, сшитыя изъ порфиры польскаго короля Станислава Августа.

Много драгоцѣнныхъ Архіерейскихъ и другихъ митръ хранятся въ ризницѣ Лаврской, много крестовъ золотыхъ и серебряныхъ, брилліантовыхъ и жемчужныхъ панагій, пожертвованныхъ Государями и знаменитыми нашими соотечественниками. Есть богатые дары Малороссійскихъ Гетмановъ и полковниковъ. Здѣсь же сохраняются фельдмаршальскій жезлъ и лавровая вѣтвь, изъ зеленой эмали съ брилліантами, Фельдмаршала Румянцова, пожалованные ему Екатериною II-ю; молитвенникъ Елисаветы Петровны, который она употребляла въ Кіевѣ, въ черепаховой отдѣлкѣ съ серебряными застежками; трость Московскаго Митрополита Платона съ искусно вдѣланными въ золотой набалдашникъ часами, осыпанными алмазами; и прекрасно выточеный изъ кости бокалъ, принадлежавшій этому же Митрополиту. Особенно сохраняется драгоцѣнная дарохранительница, устроенная на десяти агатовыхъ колоннахъ, пожалованная въ 1830 г. Государемъ Императоромъ.

Нѣсколько человѣкъ, одинаково любопытныхъ какъ и я, взошли въ слѣдъ за сопутствовавшимъ меня инокомъ на хоры Великой церкви, гдѣ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, помѣщается библіотека Лавры. Изъ хоръ явственно видѣлъ я святые Соборы, изображенные на ближайшихъ стѣнахъ къ алтарю, а на западной стѣнѣ, во весь ростъ изображенія великихъ и удѣльныхъ князей и духовныхъ лицъ, осо-

бенно памятныхъ Лаврѣ. Здѣсь это начертаніе, какъ бы въ подтвержденіе словъ Преподобнаго Нестора, сравнивавшаго Печерскую Лавру съ твердью Россійскаго неба.

Въ правомъ углу хоръ помѣщается библіотека церковныхъ книгъ. Здѣсь особенно замѣчательны первоначальныя изданія Печерской Типографіи, которыя нынѣ составляютъ библіографическую рѣдкость. Въ особомъ отдѣленіи помѣщены королевскія и Царскія граматы и разныя древнія записи. Въ углу налѣво расположена другая библіотека, содержащая въ себѣ болѣе трехъ тысячь томовъ; ей прилагаютъ наименованіе *ученой*. Сказывали мнѣ, что пожаръ, бывшій въ 1718 году, истребилъ огромную библіотеку Лавры, въ которой находились рукописи, собранныя В. К. Ярославомъ и бывшія прежде въ св. Софіи. Объ этомъ упоминаетъ и Конисскій, въ своей Исторіи Руссовъ. Онъ прибавляетъ, что когда достигла объ этомъ вѣсть Петра I, то онъ не могъ не прослезиться.

На хорахъ видѣлъ я портреты Печерскихъ Архимандритовъ, и въ числѣ ихъ изображеніе знаменитаго защитника Православія, Митрополита Петра Могилы. Три портрета видѣлъ я этого достойнаго Архипастыря и всѣ они не схожи одинъ съ другимъ. Можно ли же допустить, чтобы каждый изъ этихъ изо-

браженій вѣрно представлялъ драгоцѣнныя для насъ черты архипастыря? Какъ бы то ни было, но я съ благоговѣніемъ взиралъ на портретъ, находящійся въ Лаврѣ. Въ чертахъ лица, въ черныхъ глазахъ видѣнъ глубокій умъ. Черные волосы доказываютъ южное происхожденіе Архипастыря. Сошедши съ хоръ, я искалъ взорами мѣста достославной гробницы этого великаго мужа. Мы спустились съ лѣстницы, проводникъ провелъ меня къ лѣвому клиросу большой церкви и, указавъ на мѣсто между двумя столбами, сказалъ: «здѣсь, по собственному завѣщанію, погребенъ Петръ Могила. Сохранилось сказаніе, что нѣкогда надъ прахомъ его существовало надгробіе, но, какъ видите, его теперь нѣтъ».

Пожаръ, бывшій въ 1718 году, уничтожилъ надгробный памятникъ Петра Могилы; какая нужда, этотъ знаменитѣйшій Архипастырь воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ; каждый храмъ Кіева служитъ памятникомъ великихъ дѣлъ Могилы въ пользу Православія, учености и ревностной заботливости къ украшенію храмовъ Божіихъ. Не говорю уже о томъ, что исторія передастъ имя его въ вѣка вѣчные, что каждый, знакомый съ церковнымъ чтеніемъ, съ славянскою азбукою, вмѣстѣ заучиваетъ и славное имя этого великаго мужа. Нельзя не пожалѣть, что жизнь Петра Могилы была коротка; онъ умеръ на 50 году отъ рожденія, въ ночь подъ но-

вый 1647 годъ, и погребенъ 19-го Марта. Подъ новый годъ, ежегодно, въ Братскомъ монастырѣ совершается торжественное поминовеніе этого архипастыря, назвавшаго, въ завѣщаніи своемъ, Духовную Академію, учрежденную имъ при Братскомъ монастырѣ, *единственнымъ своимъ залогомъ*.

На южной сторонѣ, у лѣваго же клироса, на мѣдной доскѣ, начертано: «1797 года, мѣсяца Генваря 8 дня, на семъ мѣстѣ подъ спудомъ, въ каменной палаткѣ, для вѣчнаго покоя положено тѣло преставльшагося мудраго и славнаго Россійскихъ войскъ полководца, Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, родившагося 1725 года.

Въ придѣлѣ Іоанна Богослова привлекъ мое вниманіе мраморный бюстъ, на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ, Задунайскаго героя. Памятникъ этотъ поставленъ сыномъ Фельдмаршала Графомъ Николаемъ Петровичемъ, а на хорахъ, въ придѣлѣ Преображенія Господня, портретъ Фельдмаршала, окруженный двадцатью девятью надписаніями, гласящими о побѣдахъ и воинскихъ достоинствахъ этого славнаго мужа. Шесть престарѣлыхъ воиновъ, обязанныхъ присутствовать при поминовеніи Фельдмаршала, получаютъ опредѣленное, въ 1805 году сыномъ Графа Петра Александровича—содержаніе.

Еще два Фельдмаршала нашли пріютъ себѣ въ святой Лаврѣ: Князь Прозоровскій, окончившій

жизнь среди побѣдъ, подобно Задунайскому, за Дунаемъ. Его могила не ознаменова ни бронзовымъ украшеніемъ, ни витіеватымъ надписаніемъ, но за то онъ оставилъ по себѣ христіанскій памятникъ, завѣщавъ построить въ Кіевѣ каменный домъ для шестидесяти престарѣлыхъ воиновъ, которые должны получать содержаніе изъ доходовъ его имѣнія. Прахъ Прозоровскаго покоится въ склепѣ, вдѣланномъ въ стѣну святаго храма.

Въ придѣлѣ св. Стефана покоится Графъ Иванъ Васильевичь Гудовичь. Бронзовая позолоченная доска, вдѣланная въ стѣну, показываетъ мѣсто покоя и передаетъ время жизни и смерти этого воинственнаго мужа.

Я желалъ видѣть всѣ надгробія, существующія въ большой церквѣ Лавры, и знать имена тѣхъ, коихъ прахъ, почивая въ Великой церквѣ, не ознаменованъ никакимъ наружнымъ знаменіемъ или памятникомъ.

По лѣвую сторону отъ западныхъ дверей, внутри большой церкви, за небольшею рѣшеткою, вы увидите пышную гробницу съ гипсовымъ изображеніемъ возлежащаго на ней, облеченнаго въ воинскую броню героя Западной Руси, Константина Ивановича князя Острожскаго, Гетмана В. К. Литовскаго и ктитора Кіево-Печерской Лавры. Велики заслуги въ пользу Православія этого знаменитаго потомка св. Владиміра, упокоившагося здѣсь въ 1533 году.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, въ этомъ моемъ краткомъ обзорѣ Кіева, о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Князю Константину Ивановичу ошибочно приписываютъ учрежденіе Типографіи въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Въ такую непростительную ошибку, въ числѣ прочихъ, впалъ П. П. Свиньинъ, упомянувши объ этомъ въ статьѣ своей «Кіево-Печерская Лавра» помѣщенной въ «Картинахъ Россіи,» изд. въ 1839 году. Его статьею руководствовалась О. Шашкина и въ своихъ замѣткахъ по Россіи, изд. въ 1848 году повторила сказанное Свиньинымъ. Въ эту же ошибку впалъ Г. Муравьевъ и другіе писатели о Кіевѣ.

Сынъ Князя Константина Ивановича, Константинъ же Острожскій учредилъ Типографію въ Острогѣ, изъ которой пріобрѣтался шрифтъ и инструменты для Типографіи Кіево-Печерской.

Въ началѣ 17 столѣтія Печерская Лавра стараніемъ ея Архимандрита Елисея Плетенецкаго пріобрѣла покупкою Стрятинскую Типографію, остававшуюся безъ дѣйствія послѣ смерти ея учредителя Ѳеодора Юрьевича Балабана. Елисей Плетенецкій, избранный въ 1599 году Печерскою братіею, Архимандритомъ на мѣсто умершаго Архимандрита Никифора Тура, собралъ вокругъ себя ученое братство, изъ числа коего, со времени начала книгопечатанія въ Кіевѣ 1616 года, первыми учеными дѣятелями явились: Іеродіаконъ Захарій Копыстенскій и Мол-

давскій уроженецъ Іеромонахъ Памва Берында, вызванный Плетенецкимъ изъ Львова. Берында ревностно трудился надъ исправленіемъ и изданіемъ книгъ, состоя въ званіи архитипографа.

Въ одно время съ Берындою занимался корректурою и типографскимъ искуствомъ проповѣдникъ печерскій, Тарасій Левковичь Земко. Со смертію этихъ двухъ сотрудниковъ Плетенецкаго кончился первый достопримѣчательный періодъ Лаврскаго книгопечатанія.

Нѣсколько минутъ провели мы, стоя у памятника знаменитаго Князя Острожскаго, приводя на память многія изъ его благочестивыхъ и доблестныхъ дѣлъ.

Внутри же большой церкви опочили, послѣ Христіанскихъ подвиговъ и доблестныхъ дѣлъ, Плетенецкій, въ 1624 году Октября 29, Памва Берында, въ 1632 году Іюля 13 дня и Тарасій Земко, 1632-го же года Сентября 13 дня. Но мѣста могилъ ихъ нынѣ трудно опредѣлить. Еще одна надпись, начертанная на чугунной доскѣ, лежащей у лѣвыхъ малыхъ вратъ большаго алтаря, передаетъ намъ имя почивающаго въ усыпальницѣ Лаврской, подъ лѣвымъ клиросомъ: «Здѣ опочиваетъ яснепревелебный господинъ отецъ Иннокентій Гизель, трудолюбивый и благоразумный . . . . . преставившійся року 1683 мѣсяца Ноемврія 18 дня. Таково смиренное надгробіе незабвеннаго прусскаго уроженца Гизеля, который великими попеченіями и чрезмѣрными заботами сни-

скалъ себѣ титло благодѣтеля и покровителя Кіевскихъ школъ. Онъ въ мужественныхъ лѣтахъ, по сердечному убѣжденію, перешелъ изъ Реформатскаго исповѣданія въ Греко-Россійское. Подлѣ Гизеля опочиваетъ его преемникъ, Кіевскій Митрополитъ, Варлаамъ Ясинскій, руководившій отеческими наставленіями Стефана Яворскаго и св. Дмитрія Ростовскаго, во дни ихъ юности.

По преданію, много находилось надгробныхъ памятниковъ погребенныхъ въ Великой Печерской церквѣ, но пожаръ 1718 года истребилъ ихъ, и всѣ существующіе нынѣ, внутри церкви, исчислены мною. Бытописаніе сохранило для насъ нѣкоторыя имена почивающихъ въ Лаврѣ, надъ прахомъ коихъ нынѣ не обрѣтаемъ мы ни надписей, ни памятниковъ. Изъ таковыхъ именъ сохранились: Благочестиваго Минскаго Князя Глѣба Всеславича *), скончавшагося въ 1119 году Сентября 13 и супруги его, дочери Князя Ярополка Изяславича, умершей на 84 году своей жизни, въ 1158 году, Генваря 3 дня. Оба гроба эти положены подлѣ *чудотворящаго гроба Ѳеодосіева за*

---

*) Въ вѣкъ Святополковъ путешествовалъ къ святымъ мѣстамъ Игуменъ Даніилъ, испросившій у царствовавшаго тогда въ Іерусалимѣ Балдуина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя, и въ то же время записалъ въ обители св. Саввы, для вѣчнаго поминовенія, въ числѣ именъ великихъ Князей Кіевскихъ, имя Минскаго Князя Глѣба Всеславича, за его богоугодную жизнь.

великую любовь къ Богородицѣ и къ отцу Ѳеодосію, какъ сказано въ Воскресенской лѣтописи.

Въ 1109 году, въ Печерской Лаврѣ, у южныхъ дверей нашла вѣчное успокоеніе Евпраксія, инокиня, дочь Князя Всеволода; надъ прахомъ ея нѣкогда существовала каменная божница. Нашъ исторіографъ полагаетъ, что эта Княжна, принявшая въ 1106 году иноческій санъ, была супруга Нѣмецкаго Императора Генриха IV, извѣстная у западныхъ писателей подъ именемъ Пракседы. Если это такъ, то любопытно изъ исторіи нашего исторіографа *) узнать черту добродѣтельной жизни этой Княгини. Она вышла замужъ за Маркграфа Штаденскаго и вскорѣ овдовѣла. Генрихъ IV плѣнясь красотою Агнесы, такое имя носила русская княжна Евпраксія въ свѣтской жизни, женился на ней. Чрезъ три года по выходѣ замужъ Агнеса разставшись съ Генрихомъ, возвратилась въ Кіевъ, приняла санъ инокини и мирно окончила дни въ родномъ городѣ.

Много и другихъ именъ передаютъ намъ бытописанія, но не мѣсто здѣсь всѣхъ исчислять; скажу, что въ числѣ ихъ находится имя благочестиваго Кіевскаго Князя Симеона Александровича Олельковича, возобновившаго въ 1470 году, по разрушеніи врагами христіянства, придѣлъ Великой Печерской церкви. Князья Ольгердовичи, Острожскіе, Олельковичи,

---

*) Ист. Госуд. Р. Т. 2 стр. 99.

Корецкіе, Вишневецкіе, Полубинскіе, Елецкіе, Тишкевичи, Четвертинскіе, произшедшіе отъ рода Ольгердовичей, нашли успокоеніе въ предѣлахъ святой Лавры. Много Гетмановъ и полковниковъ Запорожскихъ и Украинскихъ улеглись подъ сводами Великой церкви, но самыя имена ихъ утеряны памятью людей. Къ числу гробницъ давно минувшихъ лѣтъ прибавилось нѣсколько новыхъ, но они мало замѣчательны.

Въ 1780 году Мая 14, Императоръ Іосифъ II-й посѣтилъ Кіево-Печерскую Лавру, все осматривалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Ризница и библіотека заняли его любопытство. Вошедши въ алтарь, онъ три раза поклонился предъ запасными Дарами. Въ память этого посѣщенія, написана надпись на металлической досточкѣ по красному полю. Эта досточка находится на столбѣ, у лѣваго клироса.

Помолясь святынѣ Лаврской, я вышелъ за предѣлы Великой церкви, желая подробно обозрѣть ее снаружи. Она представляетъ видъ четвероугольника, по мѣстамъ украшеннаго пилястрами и другими архитектурными убранствами. Длина Успенской церкви съ придѣлами 22 саженя, ширина 20 саженей и $1^1/_2$ аршина, высота до креста главнаго купола 22 сажени. Семъ позолоченныхъ куполовъ вѣнчаютъ каменныя стѣны святаго храма.

Я искалъ среди почивающихъ въ дворѣ Лаврскомъ именъ болѣе, или менѣе извѣстныхъ изъ исторіи, болѣе или менѣе доблестныхъ, и находилъ таковыя.

Пройдите шаговъ двѣнадцать, ко входу въ трапезу, и увидите три надгробныя плиты, лежащія одна подлѣ другой. На этихъ надгробіяхъ почти всегда отдыхаютъ усталыя спутницы; подъ надгробіями покоятся три обезглавленныя мужа. Полковникъ войска донскаго Ѳеодоръ Флоровъ, Генеральный Судья Василій Леонтіевичь Кочубей и Полтавскій Полковникъ Иванъ Искра.—Флоровъ положилъ свою голову у Хотина, въ сраженіи противъ Турковъ, а послѣдніе два по волѣ Гетмана Мазепы *).

Много встрѣчалъ я на дворѣ Лаврскомъ малыхъ остатковъ каменныхъ надгробныхъ плитъ съ полуистертыми надписями, но трудно, или почти и совершенно уже невозможно, вполнѣ разобрать ихъ. Среди этихъ начертаній искалъ я могилы Харьковскаго Полковника Григорія Семеновича Квитки, умершаго въ 1734 году, и погребеннаго предъ Великою церковью. Этотъ Полковникъ предокъ извѣстнаго

*) Въ 1843 году, я издалъ сочин. Кочубей Генеральный Судья. С. П. Б. Въ этомъ сочиненіи съ историческою вѣрностію, подробно описана жизнь Василія Леонтіевича и его дочери Мотреньи.

писателя нашего Григорія Өедоровича Квитки, скрывавшаго имя свое подъ Псевдонимомъ Основяненка. Поиски мои были напрасны. Могилы храбраго Квитки немогъ я отыскать.

Послѣ многихъ лѣтъ существованія монастыря Печерскаго и небольшихъ деревянныхъ церквей, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенныхъ Печерскимъ Игуменомъ, Преподобнымъ Варлаамомъ, а потомъ преемникомъ св. Антонія, св. Өеодосіемъ, на горѣ отданной монастырю Печерскому В. К. Изяславомъ, въ 1062 году, гдѣ нынѣ обитель дальнихъ пещеръ, начала созидаться, на мѣстѣ нынѣшняго своего нахожденія, Великая Успенская церковь.

Одна изъ первыхъ и значительныхъ жертвъ, на сооруженіе новаго каменнаго монастыря Печерскаго, была принесена Варяжскимъ Княземъ Симономъ. Изгнанный своимъ дядею, слѣпымъ Якуномъ, Симонъ прибылъ въ Кіевъ съ тремя тысячами вѣрныхъ ему воиновъ, кои, слѣдуя примѣру своего Князя, приняли всѣ Христіанскую вѣру. Симонъ отдалъ въ Печерскій монастырь свои богатства, въ числѣ коихъ находились, наслѣдіе его отъ отца, золотая цѣпь и такой же вѣнецъ.

Щедрость и заботливость сыновей Ярослава о построеніи каменной Успенской церкви были примѣрны. Святославъ далъ 100 гривенъ и 50 фунтовъ золота; призвалъ художниковъ изъ Греціи и собственными руками рылъ ровъ для основанія церкви. На-

чало основанія и самое созданіе Великой церкви было ознаменовано многими чудесами; описаніе коихъ находится въ изданномъ сочиненіи о Печерской Лаврѣ.

Преподобные основатели Печерской обители, Антоній и Ѳеодосій, отошли въ вѣчность прежде окончанія начатой постройкою Великой Успенской церкви. Первый изъ нихъ представился въ 1073 году, а второй въ слѣдующемъ, въ 1074. Уже преемникъ ихъ, Преподобный Стефанъ вчернѣ окончилъ зданіе церкви и вокругъ ея соорудилъ деревянныя кельи, въ которыя и перевелъ монашествовавшихъ изъ стараго Печерскаго монастыря.

Первоначальная Великая Успенская церковь созидалась шестьнадцать лѣтъ и освящена въ 1089 году, при В. К. Всеволодѣ Ярославичѣ, Кіевскимъ Митрополитомъ Іоанномъ II-мъ и Лукою, Епископомъ Бѣлогородскимъ и Исаіемъ, Епископомъ Черниговскимъ.

И такъ малая деревянная церковь монастыря Печерскаго Успенія Богородицы, первоначально построенная первымъ Печерскимъ Игуменомъ, сыномъ знаменитаго боярина Іоанна и внукомъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, передала свои церковныя и иноческія правила и завѣты, установленныя Ѳеодосіемъ, новой церквѣ и братіи, поселившейся въ кельяхъ, сооруженныхъ вокругъ каменной церкви.

Преемникъ Варлаамовъ, Преподобный Θеодосій, утвердилъ въ монастырѣ своемъ Студійскій уставъ, употребительнѣйшій на Востокѣ, и принесенный въ въ Печерскую обитель Студійскимъ инокомъ монастыря св. Саввы, Михаиломъ. Этимъ уставомъ подробно опредѣлены пѣніе, чтеніе, чинъ церковнаго священнодѣйствія и даже пища, и всѣ занятія монашествующихъ. Получивъ чрезъ это правильное устройство Печерскій монастырь наименовался первою отечественною обителью.

Кромѣ утвержденія устава Студійскаго, Преподобный Θеодосій завелъ при своей благоустроенной обители первый домъ страннопріймства, и до нынѣ существующій.

Добродѣтели Печерскаго Игумена Θеодосія и богоугодная жизнь братіи монастырской привлекали къ себѣ сердца православныхъ Христіянъ. Самъ Великій Князь, Изяславъ, не рѣдко приходилъ въ тѣсную и мрачную келію Печерскаго Игумена, бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него трапезовать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и искренно сознавался, что роскошная княжеская его трапеза ему наскучила и онъ предпочитаетъ ей монастырскую.

Любя Изяслава за правду, тихій нравъ и истинную набожность, Θеодосій великодушно обличалъ гонителя его, брата Святослава, въ беззаконіяхъ, и Святославъ терпѣливо выслушивалъ поученія Θеодосіевы; и когда святой мужъ приходилъ къ нему

[illegible]

въ домъ, то тотчасъ умолкали гусли и органы, звуки которыхъ часто раздавались въ Великокняжескомъ домѣ. Отходя отъ суетнаго міра въ иной, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его Глѣба, пришедшихъ къ нему, и поручилъ Великому Князю заботится о благосостояніи Печерскаго монастыря *).

Богоугодная жизнь иночествовавшихъ въ монастырѣ Ѳеодосія или Печерскомъ, привлекала въ святую обитель эту, съ самыхъ древнихъ временъ, не только тмы богомольцевъ, но и много такихъ лицъ, кои, оставляя все земное свое величіе, могущество багатство и славу, поселялись въ тѣсныя и уединенныя кельи, посвящая дни свои Богу. Въ числѣ такихъ были Князья и Вельможи русскіе. Въ началѣ уже своего основаніи монастырь Печерскій просіялъ святою славою въ отечествѣ нашемъ, а Великая Печерская церковь, *небеси подобная,* украсилась дивно и, по сказанію Синопсиса, была внутри выложена мусіею; помостъ церковный весь отъ различныхъ шаровъ каменіями всякими узорами бысть насажденный, а крестъ на версѣ церкве великія ваги, отъ самаго злата содѣланный, поставленъ бысть. Самый монастырь окрестъ каменными стенами обведенъ бысть на два стрѣльбища; въ толстоту же или въ широту каменна стѣна бяше въ сажень, и врата каменныя же, идѣже нынѣ церковь Троицы Пресвятыя, бяху двои,

*) Лѣт. Нест. стр. 171.

едиными вхождаху Царіе, Князіе и чинъ духовный, а вторыми народъ общій и мертвыхъ къ погребенію ношаху» *).

Чрезъ семдесятъ лѣтъ, по созданіи каменной Великой церкви, Великій Князь Андрей Юрьевичь Боголюбскій въ 1159 году, по завѣщанію отца своего, далъ Кіево-Печерскому монастырю право *Архимандріи*, титло *Лавры* и *Ставропигіи* Великокняжеской; съ 18 столѣтія наименованіе монастыря *Лаврою* составляетъ въ Іерархіи Россійской особенную привиллегію; въ настоящемъ же смыслѣ слово это, заимствованное нами отъ Грековъ, означаетъ кварталъ домовъ, или приходъ, принадлежащій какой-либо церквѣ; въ монастыряхъ рядъ келій, или отдѣльныя жилища нѣсколькихъ монашествующихъ, также именовались Лаврою. Слово *Ставропигія* означаетъ крестоводруженіе. Тѣ монастыри, при основаніи коихъ Патріархъ благословляя мѣсто, водружалъ крестъ, или производилъ это посланный отъ него, получали наименованіе Ставропигіи;—такія обители считались подъ особеннымъ покровительствомъ Патріарха.

*) Стр. 65. изд. 1823 г.

X.

Исходъ въ пещеры ближнія.—Нѣсколько словъ о жизни преподобнаго Антонія.—Иларіоновская пещера.—Варяжская пещера.—Начало пещернаго или Печерскаго монастыря.—Келья и ложе преподобнаго Антонія. Пещерная церковь.—Мѣсто покоя Преподобнаго Нестора, лѣтописца.—Іоаннъ многострадальный.—Мѣдный крестъ гробокопателя Марка.—Мойсей Угринъ.—Никола, Князь Кіевскій.—Первый отечественный иконописецъ Алимпій.—Нифонтъ, Епископъ Новгородскій.—Двѣнадцать братій. — Кладязи Антонія и Ѳеодосія. — Галлерея къ дальнимъ пещерамъ.—Церковь Зачатія св. Анны.—Исходъ въ дальнія пещеры.—Годы жизни Преподобнаго Антонія.—Преподобный Ѳеофилъ.—Преподобный Ѳеодоръ, Князь Острожскій.—Входъ въ Варяжскія пещеры.—Преподобный Несторъ, пеннижникъ.—Церковь Благовѣщенія. — Церковь Ѳеодосія. — Келья и ложе Преподобнаго Ѳеодосія—Мѣсто гроба его.—Церковь Рождества Христова.—Выходъ изъ пещеръ.—Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича.—Жертвы въ пещерныя церкви.—О древнѣйшемъ поклоненіи св. угодникамъ въ пещерахъ.—Гробницы Генераловъ.—Арсеналъ.—Путь отъ Лавры къ Университету.—Зданіе 2-й Гимназіи.—Университетъ.—Новое Строеніе.—Шулявщина.—Зданіе Кадетскаго Корпуса.—Историческое преданіе о Лыбеди.—Рѣка Лыбедь и другія мѣста. — Рогнѣда. — Предслава и ея село.—Заключеніе.—

Ночной сумракъ ослабѣвалъ, но все еще мерцали, по мѣстамъ, на чистомъ небѣ звѣзды; востокъ едва покрывался золотистою завѣсою тонкихъ змѣи-

стыхъ облачковъ. Наступленіе ранняго утра свидѣтельствовалось легкимъ порывистымъ вѣтеркомъ. Въ этотъ часъ я среди значительной толпы богомольцевъ, собравшихся въ церквѣ Воздвиженія Честнаго Креста Господня, устроенной надъ входомъ въ пещеру, сопровождаемый престарѣлымъ инокомъ, спускался въ нѣдры горъ Кіевскихъ. При нашемъ шествіи тьма пещерная озарялась свѣтомъ восковыхъ свѣчей, пылавшихъ въ рукахъ каждаго поклонника. Мы низспускались въ подземельную обитель Преподобнаго Антонія или ближнія пещеры. Въ этихъ нѣдрахъ Антоній пробылъ 16 лѣтъ.

Житель города Любеча (нынѣ мѣстечко Черниговской Губерніи), по имени Антипа, родившійся въ 983 году, достигши мужественныхъ лѣтъ и исполненный благочестія пламенно возжелалъ посѣтить святую гору Аѳонскую. Онъ долгимъ странствованіемъ по Греціи достигъ наконецъ вожделеннаго края и возлюбивъ иноческое житіе, былъ постриженъ подъ именемъ Антонія въ иноки, въ Лаврѣ святаго Аѳанасія. Игуменъ Лавры наставивъ Антонія въ правилахъ монастырскихъ, благословилъ его возвратиться въ отечество и быть въ Россіи начальникомъ иноческаго житія. Антоній прибылъ въ Кіевъ, за два года до смерти св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, обходилъ горы и удолья, тянущіяся по берегу Днѣпра и избралъ жилищемъ своимъ Варяжскую пещеру, въ коей нѣкогда жили разбойнича-

шіе по Днѣпру Варяги *). Въ этой пещерѣ Преподобный Антоній пробылъ недолго; дѣйствія окаяннаго Святополка, домогавшагося по смерти Великаго Князя Владиміра присвоить себѣ Великомняжескій престолъ, потревожили пустынника Антонія и онъ, оставивъ свое подземелье второй разъ отошелъ на Аѳонскую гору, въ Лавру св. Аѳанасія. Въ тотъ разъ Антоній принялъ схиму, и уже предъ концемъ Княженія Ярославова онъ снова возвратился въ Кіевъ.

Иларіонъ, бывшій Іереемъ въ с. Берестовѣ въ церквѣ св. Апостоловъ, любилъ въ часы молитвъ уединяться въ дебри Берестовскія. На берегу Днѣпра, на одномъ изъ очаровательныхъ по мѣстоположенію холмовъ Берестовскихъ, Иларіонъ собственными руками ископалъ для себя въ горѣ пещеру, въ двѣ сажени длиною и гораздо менѣе въ ширину. Въ этой небольшой пещерѣ Иларіонъ постоянно молился; но возведенный въ Митрополиты Всероссійской церкви оставилъ свое уединенное подземелье. Въ пещерѣ, никѣмъ не занятой со времени оставленія ея Иларіономъ, поселился, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, Преподобный Антоній. Красота мѣста и глубокое уединеніе, среди дебрей Берестоваго лѣса, нравились и отшельнику Антонію. Въ первой молитвѣ

*) Пещера эта нынѣ закрыта, она прилегаетъ къ дальнимъ пещерамъ.

своей Преподобный испрашивалъ у Господа на свой тѣсный пріютъ благословенія св. Аѳонской горы.

Эта малая пещера Иларіоновская, по древнему преданію, принадлежитъ, какъ и Варяжская, къ дальнимъ пещерамъ.

Слухъ о пустынникѣ горы Аѳонской скоро разнесся въ окрестностяхъ и день отъ дня увеличивалось число жаждавшихъ благочестивыхъ наставленій въ житіи и вѣрѣ и святаго благословенія Аѳонскаго схимника. Многіе изъ притекавшихъ къ подземелью схимника, просвѣтившись духовно, рѣшились для искупленія своего послѣдовать примѣру Преподобнаго и, оставаясь жить вблизи его пещеры, немедленно занялись ископаніемъ для себя подобныхъ же подземелій, которыя соединяли узкими переходами и наконецъ общими трудами изрыли и устроили подземельную церковь. Такое было началю пещернаго или Печерскаго монастыря, къ коему нынѣ, для поклоненія чудотворнымъ иконамъ и нетлѣннымъ тѣлесамъ святыхъ угодниковъ, несчетными тысячами стремятся благочестивые Христіане со всѣхъ концевъ безпредѣльной Россіи.

Избравъ двѣнадцать послѣдователей своего аскетическаго житія, Преподобный Антоній поставилъ для этихъ послѣдователей Игуменомъ сына знаменитаго Кіевскаго боярина Яна, внука воеводы Вышаты, Преподобнаго Варлаама, который прибылъ къ Антонію со свитою и отроками, ведшими его коней, на-

вьюченныхъ драгоцѣнностями. Варлаамъ всталъ съ лошади, сбросилъ съ себя боярскую одежду и сказалъ Антонію: отче употреби эту прелесть міра, какъ тебѣ угодно, а я хочу жить въ уединеніи и бѣдности!— Антоній удалился на ближайшій холмъ и тамъ уже собственными руками ископалъ для себя новую пещеру, принадлежащую нынѣ къ ближнимъ пещерамъ, и въ ней оставался съ немногими подвижниками иночества до своей кончины. Игуменъ же Варлаамъ видя, что пещеры его не могутъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ братій, устроилъ надъ пещерою небольшую деревянную церковь во имя Успенія Богородицы.

Пещеры Кіевскія изрыты въ пластѣ окрѣплой глины. Узкіе, закругленные переходы вели отъ одной пещеры, ископанной на подобіе малаго покоя, у стѣнъ коего, въ нишахъ стоятъ кипарисные гробы угодниковъ, обтянутые шелковою матеріею. Надъ гробомъ каждаго угодника находится доска съ надписаніемъ имени блаженнаго. Инокъ, провожавшій насъ, произносилъ предъ гробомъ каждаго Преподобнаго его имя и краткую къ нему молитву.

Отрѣшиться отъ свѣта, забыть міръ, забыть все, что драгоцѣнно сердцу, оставить родныхъ и родныхъ самыхъ близкихъ: мать, отца, жену, дѣтей, мало этого, отрѣктись самаго себя и, поселясь въ тѣсномъ, мрачномъ подземельи, жить гробовою жизнею, какой величайшій подвигъ святаго иноческаго житія! О какъ сильна была вѣра и упованіе на свя-

тое Провидѣніе у заключившихся въ эти подземелья; и вотъ, всѣ подвижники этой гробовой жизни, въ жизни отрекшіеся жизни, по смерти сподобились нетлѣнія.

Среди мрака пещернаго, стоя предъ нетлѣнными тѣлесами Печерскихъ чудотворцевъ, я вполнѣ постигаю: чудеса всемогущества Божія и всю бездну грѣховной мірской суеты; я плачу, я жаждалъ бы сбросить съ себя тяжелую ношу безполезныхъ вседневныхъ заботъ и отрекшись духомъ отъ всего тлѣннаго, мірскаго, на вѣки остаться у гробовъ пещерныхъ, отшельниковъ и, каясь и рыдая, искупить свою грѣховность ясно видимою силою помощи небесной, дарованной рѣшившимся жить для единаго Бога. Теперь я только вижу, какъ грѣховна жизнь въ мірѣ, до какой степени ничтожества она доведена нами..... О, повторю, какъ пламенно желалъ я на вѣки остаться во мракѣ пещерномъ, молясь предъ гробомъ Преподобнаго Антонія, чтобы молитва моя, проникавшая глубину мрачныхъ сводовъ, возносилась къ небу. Но все во власти единаго Бога.

Среди мрака мы замѣтили едва блестѣвшую лампаду, блѣдные лучи ея озаряли гробовую икону и среброкованную раку Преподобнаго, съ его изображеніемъ на ея крышѣ. Начальникъ пещернаго житія и по смерти смиренный духомъ, почиваетъ закрыто.

«Вотъ келья и ложе Преподобнаго!» сказалъ намъ сопутствовавшій инокъ и я въ числѣ прочихъ, съ умиленною молитвою повергся предъ иконою и каменнымъ ложемъ Преподобнаго.

Инокъ продолжалъ указывать на раку каждаго угодника и сказывалъ его имя. Мы молились и шли впередъ по тѣснымъ и извилистымъ переходамъ.

Вдали еще послышалъ я отдаленное церковное пѣніе и съ каждымъ шагомъ впередъ пѣніе это слышалось все громче и громче. Подойдя къ ракѣ, въ коей почиваютъ нетлѣнные останки Ольшанской Княжны Іуліаніи, я уже вполнѣ могъ различать самыя пѣніи церковныя, и едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, какъ предъ нами заблистали возженныя предъ мѣстными образами свѣчи и лампады. Мы пришли въ пещерную церковь Преподобнаго Варлаама Печерскаго, устроенную за сто шестьдесять лѣтъ до этого (въ 1691 г.) Кіевскимъ Митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ. Литургія только что начиналась. Мы приложились къ мощамъ перваго Игумена Печерскаго Варлаама и продолжали путь по дальнѣйшимъ переходамъ пещеръ.

И вотъ наконецъ достигли гробницы Печерскаго Іеродіакона Преподобнаго Нестора перваго нашего лѣтописца, отца отечественной исторіи нашей, ко-

его великіе услуги Россіи своими трудами по исторіи напоминаютъ о заслугахъ аскетическаго житія Христіанства и отечества.

Надъ ракой преподобнаго прибита бронзовая вызолоченная доска, присланная въ 1826 году, Московскимъ обществомъ Исторіи и Древностей Русскихъ. Изъ нѣдръ пещерныхъ, въ одно время истекали струи просвѣщенія христіанскаго и гражданскаго. Скажу яснѣе первыя строки нашей отечественной исторіи начертались во мракѣ пещерномъ въ тѣсной подземельной кельи Нестора, притекшаго на подвигъ самоотверженія съ самой цвѣтущей юности. Заслуги его велики. Поклонимся же его нетлѣннымъ останкамъ во мракѣ пещерномъ и, молясь Преподобному о просвѣщеніи насъ въ мірѣ, изыдемъ съ теплымъ упованіемъ въ предстательство его за насъ Господа силъ небесныхъ.

Теперь мы стоимъ предъ Преподобнымъ Іоанномъ многострадальнымъ, закопавшимся по рамена въ землю; предъ нимъ лежитъ раскрытое Евангеліе. Ревнуя о добродѣтели цѣломудрія, онъ по шести дней не принималъ пищи, удручалъ себя тяжкими веригами, закапывалъ себя въ землю и такъ провелъ 30 лѣтъ. Каковъ подвигъ, какова вѣра и каково ея дѣйствіе! И неужели послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ дивныхъ, очію явныхъ чудесъ всемогущества Божія есть еще мало вѣры?

Мы испили святую воду изъ мѣднаго креста, который служилъ ежедневною мѣрою утоленія жажды св. Марка гробокопателя, котораго подвиги терпѣнія и воздержанія, по какой-то непонятной причудливости нашей мы не хотимъ изучить, тогда какъ съ смѣшною энергіею изучаемъ и самые нелѣпые разсказы и анекдоты о такъ называемыхъ древнихъ философахъ.

Святую воду крестомъ Преподобнаго Марка зачерпнулъ намъ инокъ, глубокій старецъ. Вода, проникая нѣдра пещерныя и скрываясь въ глубинѣ горъ, протекаетъ въ Днѣпръ. Она чиста, какъ слеза, и имѣетъ спасительную силу исцѣленія отъ недуговъ.

Въ недальнемъ разстояніи отъ мѣста покоя Преподобнаго Нестора, лѣтописца, покоится въ ракѣ Преподобно-мученикъ Мойсей Угринъ, любимый отрокъ св. Князя Бориса. Въ началѣ моей книги я говорилъ объ этомъ блаженномъ отрокѣ *), здѣсь же прибавлю, что Мойсей прибывъ отъ поля Альтскаго въ Кіевъ и передавъ объ убіеніи Князя Бориса сестрѣ его Предславѣ, остался служить ей на нѣкоторое время. Болеславъ, король польскій, въ числѣ прочихъ плѣнниковъ увелъ съ собою и Мойсея Угрина, отличавшагося красотою лица. Плѣнясь этою красотою Мойсея, одна польская госпожа предложила ему свою любовь, но цѣломудренный юноша отвергъ

*) Стр. 7.

грѣховнбе предложеніе; его бросили въ глубокую яму, морили голодомъ, терзали, но онъ остался твердъ. Въ неистовомъ гнѣвѣ госпожа осудила его быть евнухомъ и съ безчестіемъ изгнала изъ своего дома. Тогда второй Іосифъ — Мойсей, удручаемый болѣзненными припадками, достигнувъ Кіева, укрылся въ пещеру къ Преподобному Антонію, гдѣ и довершилъ подвигъ святой жизни.

Въ ближайшихъ пещерахъ почиваютъ Преподобный Никола, Князь Кіевскій, правнукъ В. Князя Ярослава, вратарь Лаврскій. Алимпій, древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ Россійскихъ иконописцевъ. Алимпій изучилъ это искуство у греческихъ художниковъ, украшавшихъ Великую церковь Лавры и распространялъ это искуство между иноками Печерскими. Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ доселѣ сохраняется образъ писанія Алимпіеваго, подъ названіемъ: *предста Царица* или *Царь Царемъ*.

Вотъ рака, въ коей опочиваетъ Преподобный Нифонтъ, Епископъ Новгородскій, посвященный въ этотъ санъ въ 1131 году. Онъ прозванъ былъ современниками: *поборникомъ всея земли Русской*, за двадцатипяти-лѣтнее странствованіе свое по областямъ Россіи, для примиренія Князей и народа. И Преподобный Симонъ, Епископъ Суздальскій, посвященный въ Епископа въ 1215 году, пылавшій святою любовію къ блаженной жизни Печерскихъ сподвижниковъ и не перестававшій мыслить о Печерской

обители, возлегъ также въ ближайшихъ пещерахъ, оставивъ намъ описанія житія нѣкоторыхъ угодниковъ Печерскихъ и сказаніе о созданіи, украшеніи и освященіи Вел. Печерской церкви.

Шестьдесятъ девять угодниковъ почиваютъ открыто въ ракахъ, въ ближайшихъ пещерахъ, а девять покоятся въ затворѣ. Двѣнадцать братій, строителей Великой Лавры Печерской, возлегли на вѣчный покой въ одномъ гробѣ. Говорятъ, что греческія книги ихъ были еще цѣлы въ началѣ 17 столѣтія.

И такъ князья, воеводы, богатыри, витязи, удальцы, слуги, старцы и отроки сошлись въ нѣдра горъ Кіевскихъ и, постигнувъ всю тлѣнность и ничтожество земной славы, посвятили жизнь Богу и пріяли вѣнецъ нетлѣнія. Дивенъ Богъ во Святыхъ его! . . .

Вышедши изъ ближайшихъ пещеръ, съ сопровождавшими меня я низошелъ по крутой лѣстницѣ къ подошвѣ холма ближайшихъ пещеръ; среди трехъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, въ уѣдиненномъ мѣстѣ, находится колодезь, ископанный, какъ говоритъ преданіе, Преподобнымъ Антоніемъ. Большой оврагъ отдѣляетъ дальнія пещеры отъ ближнихъ. На самомъ днѣ этого оврага, указали мнѣ студенецъ, ископанный Преподобнымъ Ѳеодосіемъ. Изъ обоихъ источниковъ испилъ я цѣлительныя струи и долго,

долго любовался глубокимъ уѣдиненіемъ мѣста, въ коемъ обрѣтаются эти кладязи. Дѣйствительно, чтобы судить о тѣхъ дебряхъ, среди коихъ спасались Печерскіе угодники Божіи, надобно посѣтить эти мѣста и видѣть лѣсъ, покрывающій, въ этой части приднѣпровскія Кіевскія горы.

Чрезъ оврагъ, отдѣляющій дальніе отъ ближайшихъ пещеръ, устроена деревянная галлерея, служащая путемъ для богомольцевъ. Въ этой галлереѣ занимаютъ мѣста женщины, предъ которыми разложены крестики, образки, ладунки и другія вещицы.

Надъ самымъ входомъ въ дальнія пещеры, устроена за нѣсколько десятковъ лѣтъ каменная церковь во имя Зачатія святыя Анны. Можетъ быть Зачатіевская церковь заняла то самое основаніе, на коемъ Преподобный Варлаамъ, по благословенію св. Авва Антонія, построилъ первоначальную деревянную церковь, во имя Успенія Богородицы.

Помолившись въ церквѣ Зачатія св. Анны, я съ немногими уже богомольцами спустился чрезъ особенную галлерею, устроенную на востокъ отъ Зачатіевской церкви, въ каменную башню, служащую преддверіемъ пещеръ дальнихъ или Ѳеодосія, названныхъ такъ потому, что Преподобный Ѳеодосій подвизался въ ней нѣкоторое время и былъ погребенъ

въ этой же пещерѣ *). Мы зажгли свѣчи и инокъ, какъ и въ ближнихъ пещерахъ, провожалъ насъ по мрачнымъ переходамъ.

Когда первоначальный Печерскій монастырь, устроенный при Преподобномъ Антоніѣ, былъ переведенъ на мѣсто нынѣшней Лавры, то въ древнемъ было оставлено малое число иноковъ, для погребенія и поминовенія усопшихъ, а пещера Ѳеодосіева обращена въ кладбище. Нынѣ на мѣстѣ древняго монастыря, кромѣ церкви Зачатія св. Анны построена въ 1695 году и другая каменная церковь во имя Рождества Богородицы. Кальнофойскій въ своемъ Тератургимѣ упоминаетъ, что въ его время былъ еще цѣлъ простой, сложенный изъ камней, на глинѣ престолъ, на коемъ первые пустынножители отправляли литургію. Престолъ этотъ находился, гдѣ нынѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы.

Устройство и отчасти самое расположеніе пещеръ дальнихъ сходно съ устройствомъ и расположеніемъ ближнихъ пещеръ. Много ключей, находящихся въ горѣ дальнихъ пещеръ, чрезъ каменныя трубы отведены къ Днѣпру, но сырость въ пещерахъ чувствительна. Въ дальнихъ пещерахъ Преподобный Антоній провелъ сорокъ лѣтъ и такъ всего

*) Въ другомъ своемъ сочиненіи объ окрестностяхъ Кіева, я упомяну о пещерѣ Ѳеодосія, находящейся въ 15 верстахъ отъ Кіева.

житія его въ пещерахъ было пятьдесять шесть лѣтъ. Полагаютъ, что Антоній умеръ въ 1073 году; всей его жизни было девяносто лѣтъ, но исторіографъ нашъ годъ смерти Антонія назначаетъ позднѣйшій *).

Святыню дальнихъ пещеръ составляютъ 46 нетлѣнныхъ тѣлесъ угодниковъ Божіихъ, 31 мироточивая глава и часть мощей младенца убіеннаго по повелѣнію Ирода. Жизнеописанія святыхъ сподвижниковъ, почивающихъ въ этихъ пещерахъ не находятся въ Патерикѣ Печерскомъ. Въ библіотекѣ же этихъ пещеръ сохраняется небольшая рукописная тетрадка, въ которой помѣщены молитвы этимъ угодникамъ, съ самымъ краткимъ описаніемъ жизни каждаго изъ нихъ.

Въ дальнихъ пещерахъ подвизался Преподобный Ѳеодосій и здѣсь до 1090 года находился его чудотворящій гробъ, перенесенный въ то лѣто, въ Великую Лаврскую церковь.

Въ самомъ почти началѣ благоговѣйнаго поклоненія нашего въ дальнихъ пещерахъ угодникамъ Божіимъ, сопровождавшій насъ инокъ, знавшій любовь мою къ исторіи, остановился у раки Преподобнаго Ѳеофила и обратясь ко мнѣ сказалъ:

— Вотъ гдѣ нашелъ блаженный покой святитель Ѳеофилъ, послѣдній владыка Новгорода. Онъ употреблялъ самое дѣятельное участіе къ примиренію

*) Ист. Госуд. Т. II. пр. 128.

волновавшагося Новгорода, возмущеннаго Мареою посадницею противъ Московскаго В. К. Іоанна III. Доблестный пастырь былъ заточенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ давно минувшіе годы, при мощахъ Преподобнаго Ѳеофила находилась древняго письма икона, на коей было надписано, что во время болѣзни Ѳеофила, приключившейся ему въ Чудовомъ монастырѣ, онъ видѣлъ Нифонта, Епископа Новгородскаго, почивающаго въ ближайшихъ пещерахъ. Нифонтъ напомнилъ Ѳеофилу о данномъ обѣщаніи поклониться Преподобнымъ Печерскимъ. Ѳеофилъ, исполняя свое обѣщаніе, спѣшилъ въ Кіевъ, и уже приближался къ Днѣпру, какъ болѣзнь его усилилась и онъ, получивъ откровеніе свыше, что не доплыветъ живымъ до желанныхъ пещеръ, но тѣло его успокоится въ оныхъ—опочилъ на пути. Въ пятой гробницѣ за гробницею Ѳеофила почиваетъ Преподобный Ѳеодоръ, Князь Острожскій, предокъ знаменитаго воеводы, Константина Іоанновича. Преподобный Ѳеодоръ, скончавшійся въ исходѣ XV-го столѣтія, былъ во время Уніи ревностнѣйшій защитникъ Православія.

Еще прошли мы въ темнотѣ пещерной нѣсколько переходовъ и близь затвора Преподобнаго Лаврентія, инокъ указалъ мнѣ закладеный входъ въ древнія *Варяжскія* пещеры, отчасти разрушенныя въ 1614 году, землетрясеніемъ. Существуетъ преданіе,

что эти пещеры тянутся на безмѣрное пространство и даже соединяются съ Черниговскими.

И въ дальнихъ пещерахъ почиваетъ Преподобный Несторъ, но уже *некнижный*, отличенный этимъ званіемъ отъ лѣтописца. Всѣхъ равно Господь призываетъ къ спасенію; и книжники и непосвященные въ таинства мудрости человѣческой одинаково наслѣдуютъ верховное благо.

Пройдя мѣста затворовъ, въ коихъ почиваютъ нѣсколько Преподобныхъ, мы приблизились ко входу въ малую подземельную церковь Благовѣщенія. Эта церковь самая древнѣйшая изъ всѣхъ пещерныхъ церквей *); ее исконали своими руками святые отцы, спасавшіеся въ сихъ подземеліяхъ. Къ этой церквѣ направленъ крутой спускъ изъ церкви Зачатія, замѣнившей, какъ я уже сказалъ, подземельную.

Въ подземельной церквѣ во имя Преподобнаго Ѳеодосія мы вновь слушали молебственное пѣніе угодникамъ Печерскимъ и, помолясь въ ней, кратко, продолжали путь къ уединенной и въ самомъ подземельи и тѣсной кельѣ Преподобнаго Ѳеодосія. Келья эта подобна Антоніевой; такое же каменное ложе какъ и въ Антоніевой, на коемъ находилъ Преподобный краткій отдыхъ послѣ своихъ святыхъ

*) Кальн. Тератург. ст. 6. Онъ первоначально изданъ на польскомъ языкѣ въ 1638 году, въ типографіи Печерской Лавры, съ рисунками.

подвиговъ. Надъ ложемъ, въ углубленіи тускло мерцаетъ свѣтъ лампады, едва, едва озаряя узкую и мрачную пещеру. Это такъ сказать сердце монастыря Печерскаго. Съ умиленнымъ духомъ, исповѣдуя мою грѣховность и все ничтожество мое, я палъ предъ ложемъ Преподобнаго и молился.....

Наконецъ, пройдя нѣсколько тѣснымъ продольнымъ путемъ, мы достигли до мѣста гроба Преподобнаго Ѳеодосія. Онъ устроенъ совершенно одинаково съ гробницею Преподобнаго Антонія. И здѣсь блѣдный лучь лампады озаряетъ священное мѣсто, и здѣсь я молился во глубинѣ души моей. О! какъ отрадно изливать задушевныя моленія свои во мракѣ пещерномъ, у гробовъ святыхъ угодниковъ Господнихъ, на мѣстахъ тѣхъ, гдѣ они подвизались въ святой жизни, гдѣ ознаменовали каждый шагъ земли блаженными подвигами. Въ пещерахъ я вполнѣ сочувствую благочестивой жизни богомольцевъ, стремящихся въ Кіевъ, на поклоненіе святыни, со всѣхъ концевъ Россіи. Благо такимъ. О, поспѣшите въ эти святыя подземелья всѣ жаждущіе укрѣпленія въ вѣрѣ, всѣ страждущіе душевно и тѣлесно, здѣсь вы испіете струю, которая истекаетъ изъ источника вѣчной и блаженной жизни.

Мы помолились и въ третьей пещерной церквѣ Рождества Христова, въ коей почиваетъ Препод. Логгинъ, вратарь пещерный, и подошли къ главамъ мироточивымъ, изъ коихъ святымъ міромъ инокъ

ознаменовалъ чело мое и прочихъ богомольцевъ крестомъ; вслѣдъ за этимъ во умиленія сердецъ нашихъ вышли мы изъ пещеръ въ небольшое ихъ преддверіе и оттоль поднялись на открытый балконъ, съ коего открывается живописный видъ на синѣющій Днѣпръ, на его очаровательное Заднѣпровье, простирающееся во всѣ стороны.

И смотря и любуясь этою привлекательнѣйшею картиною природы, дыша и наслаждаясь свѣжимъ горнымъ воздухомъ, который такъ разительно дѣйствуетъ на душу послѣ мрака пещернаго, еще сильнѣе сознаешь всю неимовѣрную трудность подвиговъ Печерскихъ иноковъ, забывшихъ прелести природы и заживо погребшихъ себя въ нѣдрахъ горъ, въ гробовомъ мракѣ тѣсныхъ пещеръ.

Ѳеофанъ Прокоповичь написалъ, по желанію Петра Великаго, прекрасное сочиненіе, изданное въ свѣтъ, о нетлѣніи мощей въ Кіевскихъ пещерахъ. Эпиграфомъ этой книги служитъ текстъ изъ Евангелія: «Аще хощу, да той пребываетъ, дондеже пріиду, что къ тебѣ?»—Маловѣры, прочтя это сочиненіе, легко познаютъ заблужденія своего горделиваго разума.

Много жертвъ принесено святынѣ Печерской отъ Русскаго Царственнаго Дома. Еще Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ, въ 1787 году, кромѣ другихъ даровъ, пожертвовала парчевыя покрывала съ серебряными кистями, для по-

крова мощей, почіющихъ въ пещерахъ. Даже Римскій Императоръ Іосифъ II, посѣщая Кіевскія пещеры съ героемъ Задунайскимъ, въ знакъ своего благоговѣнія принесъ разные дары Печерской обители.

Съ котораго же времени началось открытіе и прославленіе св. мощей Печерскихъ угодниковъ Божіихъ? Такой вопросъ предлежитъ разрѣшенію. Но на него безъ затрудненія можно отвѣчать изучившему древнія лѣтописи и писанія св. отцевъ. Чествованіе св. мощей въ пещерахъ было съ самыхъ древнихъ временъ и гораздо ранѣе появленія первыхъ полчищъ татарскихъ у стѣнъ Кіевскихъ *).

Въ мракѣ пещерномъ Великіе Князья Кіевскіе Ярославы, Изяславы, Святославы и иные, познавали трудную науку управлять ввѣреннымъ имъ отъ Бога народомъ, и наставленные въ вѣрѣ и силѣ Небеснаго Промысла Печерскими отшельниками, Великіе Князья Кіевскіе исходили на брани и побѣждали враговъ. Отправляясь на битву противу Половцовъ Великіе Князья: Кіевскій Изяславъ, Черниговскій Святославъ и Переяславскій Ярославъ Ярославичи, пришли въ глубину пещеры Антоніевой испросить

*) См. Обрѣт. мощ. Препод. Ѳеодосія, опис. въ Никон. лѣт. изд. 1767 г.

совѣта этого святаго мужа; тогда праведникъ, движимый духомъ предвѣдѣнія, со слезами прорекъ, что ихъ постигнетъ гнѣвъ Божій въ предстоящей брани. И это совершилось. И съ тѣхъ временъ притекали въ пещеры всѣ жаждавшіе наставленій Печерскихъ отшельниковъ, прибѣгали къ нѣкоторымъ изъ нихъ нетолько для врачевства духовнаго, но и тѣлеснаго; ибо многіе изъ иноковъ, по благодати свыше, постигали тайну врачевства молитвами, травами и иными средствами *). Въ періодъ нашествія Татаръ входы пещерные были сокрыты, но когда миновалось это горькое время, то опять пещеры были открыты и съ того времени чествованіе св. Угодниковъ въ нѣдрахъ горъ Кіевскихъ уже не прерывается.

Съ древнихъ временъ за церковью Рождества, принадлежащею къ дальнимъ пещерамъ, находилось кладбище, уничтоженное въ позднѣйшее время, и въ настоящіе дни на томъ мѣстѣ находится крѣпостной бастіонъ. Въ оградѣ же Рождественской церкви и нынѣ находятъ вѣчный покой именитые люди, жаждавшіе покоя въ сосѣдствѣ съ святыми мощами Угодниковъ Божіихъ, въ числѣ такихъ покоятся два полководца Русскихъ войскъ, Генералы отъ Инфантеріи Кайсаровъ и Красовскій; внѣ же ограды

*) Объ этомъ находится извѣстіе въ Печ. Патер. листъ 141 на оборотѣ.

церковной улегся на безмятежный покой Генералъ-Фельдмаршалъ, Князь Остенъ-Сакенъ, умершій въ 1836 году. Чугунная доска съ надписью и военными аттрибутами, обнесенная красивою чугунною же рѣшеткою, покрываетъ мѣсто могилы этого героя. Эти всѣ три Генерала славны своими подвигами въ отечественную войну.

На Лаврской колокольнѣ прогудѣлъ часовой колоколъ, возвѣщая десять часовъ дня. Въ то время я окончивъ поклоненіе св. Угодникамъ въ пещерахъ и, хотя довольно усталый, и пока что забывшій мірскую суету, но все же спѣшилъ, посѣтивши арсеналъ, обозрѣть мѣстность села Предславина на Лыбеди и устроенную, въ недавнее время, Лыбедскую часть.

На нѣсколько минутъ зашелъ я въ келію одного знакомаго мнѣ инока, угостившаго меня чаемъ, и, простившись съ нимъ, пришелъ къ арсеналу. Зданіе арсенала находится противъ Лавры. Оно огромное; заложено при Императрицѣ Екатеринѣ и окончено при Императорѣ Павлѣ. Постройкою арсенала занимался Генералъ Бегичевъ. Превосходный кирпичь этого зданія былъ выдѣланъ на казенныхъ Кіевскихъ заводахъ. Въ числѣ помѣщеній арсенала заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ огромнѣйшія залы. Каждая изъ нихъ поддерживается тридцатью шестью столбами, которые, какъ и стѣны, кругомъ убраны оружіемъ. Убранство это размѣщено съ превосход-

нымъ вкусомъ и рѣдкимъ искуствомъ. Пробывъ въ арсеналѣ нѣсколько минутъ, я вышелъ изъ него и еще разъ помолился къ святымъ вратамъ Лавры, и изъ Печерска я поѣхалъ прежнимъ путемъ и потомъ по Клову, мимо зданія Первой Гимназіи.

Третій фонтанъ Кіевскій обозрѣлъ я на моемъ пути. Онъ находится среди небольшой площади, примыкающей къ Крещатинской улицѣ, отъ которой, мимо Второй Гимназіи, тянется къ шоссе булеваръ. Налѣво отъ этого булевара, какъ ѣхать къ зданію Университета Св. Владиміра, открывается только что планировкою оконченная прекрасная площадь. Направо отъ площади находится прекрасное архитектурою зданіе Второй Кіевской Гимназіи. Нынѣ въ этомъ зданіи помѣщается неранжированный Владимірскій Кадетскій Корпусъ.

Два зданія огромныя и величественныя оспариваютъ другъ у друга первенство—зданіе Гимназіи и зданіе Университета, находящееся прямо противъ новоспланированой площади. Но по внимательномъ обзорѣ этихъ зданій первенство отдаютъ Университету. Замѣчу еще и то, что, по красотѣ, зданіе Кіевскаго Университета величественнѣе и обширнѣе прочихъ зданій Россійскихъ Университетовъ.

Торжественное открытіе Университета происходило въ 1834 году, Іюля 15-го дня, въ день посвященный памяти Равноапостольнаго просвѣтителя Россіи; заложеніе же самаго зданія совершено

въ 1837 году, Іюня 31-го. Въ основаніе главнаго зданія положена платиновая медаль, на которой изображены: съ одной стороны—портретъ Августѣйшаго основателя Университета; а съ другой—крестъ въ лучезарномъ сіяніи, съ надписью вокругъ: «Во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ».

Строителемъ Университетскихъ зданій былъ Архитекторъ Беретти. Строителемъ 2-й гимназіи его сынъ. Много разъ посѣщалъ я всѣ залы и кабинеты Университета и каждый разъ оставлялъ ихъ получивъ душевное наслажденіе. Зала торжественныхъ собраній, украшенная превосходно написаннымъ портретомъ Августѣйшаго основателя Университета—чрезвычайно огромна. Пространны и прочія залы, вмѣщающія въ себѣ библіотеку и кабинеты. Въ Университетской библіотекѣ считается до 89 тысячь томовъ сочиненій на разныхъ языкахъ. Въ кабинетахъ: Минцъ-кабинетѣ до 25 тысячь монетъ и медалей *); Зоологическомъ до 37 тысячь различныхъ предметовъ; Минералогическомъ до 13,000 нумеровъ минераловъ, окаменѣлостей и другихъ произведеній ископаемаго царства; Физическомъ до 500 приборовъ; Технологическомъ и для прикладной математики съ собраніемъ машинъ и моделей до двухъ тысячь предметовъ; Архитектурномъ до 1000 предметовъ; Анатомическомъ до 2500 разныхъ препаратовъ и снаря-

*) До 600 предметовъ древностей.

довъ; въ кабинетѣ Сравнительной Анатоміи и въ совокупности съ снарядами для физіологическихъ опытовъ до трехъ тысячь препаратовъ и разныхъ предметовъ; Гербарій Университета заключаетъ въ себѣ до 15 тысячь видовъ сухихъ растѣній въ 32 тысячахъ экземплярахъ; въ Ботаническомъ саду, расположенномъ близь Университета до пяти тысячь растѣній; въ Химическомъ кабинетѣ и лабораторіи 650 приборовъ и до двухъ тысячь нумеровъ реактивовъ и матеріаловъ; въ Астрономической обсерваторіи до 80 снарядовъ и приборовъ; въ собраніи художественныхъ произведеній до 3000 предметовъ; въ собраніи агрономическихъ моделей и машинъ до 300 нумеровъ *).

Недалеко отъ зданія Второй Гимназіи находится также прекрасное зданіе Левашовскаго Института, для дѣвицъ, построенное Архитекторомъ А. В. Беретти.

Всѣ эти зданія, бульваръ и огромная площадь, лежащая предъ Университетомъ, дѣлаютъ эту новосозданную часть одною изъ прекраснѣйшихъ въ вѣковѣчномъ Кіевѣ. Но что здѣсь будетъ еще черезъ пять лѣтъ? Давно ли на мѣстахъ, гдѣ нынѣ красуются эти величественныя зданія находилось незастроенное, обширное, заглохшее поле, по мѣстамъ только занятое полуистлѣвавшими хижинками,—а теперь образовалась пространная часть города, при-

*) Цифры выставлены довольно приблизительно.

нявшая наименованіе—*Новаго Строенія*. Изъ оконъ Университета открывается прекрасный видъ на лѣсную дачу, носящую названіе Шулявщины. Въ этой дачѣ нынѣ созидается огромное зданіе для Кіевскаго Кадетскаго Корпуса. Въ Шулявщинѣ нѣкогда находился загородный Митрополитанскій домъ; самая роща была густа и тѣниста. Эту рощу насадилъ и въ ней основалъ загородный домъ Кіевскій Архіепископъ Варлаамъ Ванатовичь *). Въ прежніе годы въ Шулявщинѣ ежегодно собирались Кіевляне, 1-го Мая, на гулянье.

Близь Шулявщины протекаетъ рѣчка Лыбедь, на которой, во время Нестора, находилось село Предславино. Лыбедь обтекаетъ Кіевъ съ западной стороны и впадаетъ въ Днѣпръ за Выдубицкимъ монастыремъ. Въ настоящіе годы Лыбедь почти изсякла, а въ древности, а даже въ XVII вѣкѣ, монастыри Кіевскіе получали значительный доходъ отъ водяныхъ мельницъ, которыя были устроены на Лыбеди.

Лѣтописныя сказанія упоминаютъ о битвахъ, происходившихъ у береговъ Лыбеди. Въ 1146 году совершилась битва у Шелвова борку, во время коей Князь Игорь Ольговичь былъ застигнутъ въ тинѣ болотной, тамъ увязъ его конь и Князь былъ схваченъ и содержался сперва въ Выдубицкомъ, а потомъ

*) Описан. Кіево-Софійс. Соб. К. 1825 г. стр. 128.

въ Переяславскомъ монастырѣ, и вскорѣ послѣ того принялъ иноческій санъ.

Сестра трехъ братьевъ, основателей Кіева, носила, по древнему преданію, имя Лыбеди; въ удѣлъ свой она получила мѣстность, принявшую въ послѣдствіи наименованіе Лыбеди. Много поэтическихъ преданій и сказокъ сохранилось въ памяти народной объ этой части Златоверхаго Кіева, но въ настоящіе дни они занимаютъ однихъ любителей отечественной старины и преданій народныхъ. Много разъ я проѣзжалъ по этимъ лѣтописнымъ мѣстамъ и посѣщалъ каждую мѣстность, о коей сохранилось какое либо преданіе.

При впаденіи рѣчки Лыбеди въ Днѣпръ, находится довольно красивая гора называемая *Дѣвичью горою*. У подошвы Дѣвичь горы протекаетъ чистый кристальный источникъ *Лукарецъ;* въ иные годы весной онъ превращается отъ изобилія воды въ небольшое озеро; красота этого источника привлекательна, самая вода въ источникѣ имѣетъ свойство желѣзныхъ водъ, и поэтому весьма полезна въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Въ минувшіе годы сосѣдніе обыватели знали это свойство Лукарца и пользовались его врачебною водою. Недалеко отъ этого источника протекалъ у подошвы Дѣвичь горы другой источникъ *Живецъ*, а нѣсколько далѣе впадаетъ и нынѣ въ Днѣпръ небольшая рѣчка *Любка*, надъ которою издревле находилось небольшое поселеніе

Багриново *). Кто знаетъ, можетъ быть р. Любка не безъ причины получила такое названіе. Судя по названіямъ мѣстностей часть эта была въ древности ознаменована поэтическими событіями.

Дѣвичь гора въ 12 столѣтіи принадлежала какой-то Княгинѣ Иринѣ, какъ видно изъ монастырскихъ записей, и ею подарена Михайловскому монастырю.

На Лыбеди жила первая жена Великаго Князя Владиміра, Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей, изъ коихъ Предслава жила также на Лыбеди и во имя ея называлось село *Предславино*, существовавшее въ Несторово время.

Любопытенъ разсказъ продолжателя Несторовой лѣтописи и историческая замѣтка нашего исторіографа о *Гориславѣ*. Этимъ именемъ была названа несчастная Рогнѣда, простившая супругу, какъ говоритъ Карамзинъ, убійство отца и братьевъ **), но немогшая простить измѣны въ любви; ибо Владиміръ пребывавшій тогда его въ язычествѣ, предпочтивши ей другихъ женъ, выслалъ Рогнѣду изъ своего дворца на Лыбедь.

Великій Князь изъ своего Кіевскаго дворца пріѣхалъ на отдыхъ въ загородній домъ, находившійся въ селѣ Лыбеди и усталый заснулъ крѣпкимъ сномъ.

---

*) Кіев. Т. II. стр. 104.

**) Ист. Госуд. Рос. Т. I. стр. 209.

Видя это Рогнѣда, пылая непреоборимою ревностію, схватила ножъ и готовилась умертвить Великаго Князя, но въ то самое мгновеніе Великій Князь проснулся и отвелъ ударъ. Рогнѣда въ отчаяніи напоминала Великому Князю, что онъ ради другихъ женъ презрѣлъ ее и не любитъ младенца Изяслава. Великій Князь рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатомъ ложѣ въ свѣтлицѣ, ожидать смерти. Уже, какъ пишетъ исторіографъ, гнѣвный супругъ и судья вступилъ въ храмину Рогнѣды. Младенецъ Изяславъ, наученный Рогнѣдою, подалъ мечь Великому Князю и сказалъ: родитель мой, здѣсь ты не одинъ, сынъ будетъ всему свидѣтель. Великій Князь бросилъ мечь на землю, отвѣчалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь! Вскорѣ послѣ этого собралъ бояръ и требовалъ ихъ совѣта. Бояре предложили Великому Князю простить Рогнѣду ради младенца Изяслава и дать имъ въ удѣлъ бывшую область отца Рогнѣды. Владиміръ согласился съ предложеніемъ бояръ; построилъ городъ, давъ ему наименованіе *Изяславль*, нынѣ *Заславль*, въ Волынской Губерніи, и отправилъ туда мать и сына.

Но судьба дочери Рогнѣдиной, прекрасной лицемъ Предславы была горьше, чѣмъ судьба ея матери, если вѣрить польскимъ историкамъ, сказаніе коихъ подтверждаетъ нашъ лѣтописецъ. Эти исто-

рики *) говорятъ, что польскій король, Болеславъ храбрый, сватался за эту княжну; но Князь Ярославъ отказалъ ему въ рукѣ родной сестры, и польскій лѣтописецъ Мартинъ Галлусъ говоритъ, что это было главною причиною войны Болеслава съ Ярославомъ. Предслава, конечно, не могла любить врага ея отца, и при томъ помощника преступнаго ея брата Святополка, а къ тому еще Болеславъ былъ, по выраженію нашего лѣтописца, «тако великъ и толстъ, яко и на кони не могій сѣдѣти.» И однако же этотъ увѣсистый герой въ 1018 году, успѣлъ насильно похитить Предславу и какъ плѣнницу увезъ съ собою въ Краковъ.

Гдѣ именно на Лыбеди находилось достопамятное село Предславино, въ коемъ Великій Князь Владиміръ любилъ отдыхать послѣ трудовъ своихъ, съ точностію невозможно опредѣлить. Достовѣрнѣе всего будетъ, если полагать его не вдалекѣ отъ Стараго Кіева, за рѣчкою Лыбедью. Кучи щебня, остатки черепковъ, угля и стекла, попадающіеся при разрытіи земли, это подтверждаютъ.

Я проѣхалъ по многимъ, вновь проведеннымъ улицамъ Новаго Строенія и изумлялся быстрому,

---

*) Hist. Pol. Кн. II. стр. 168. Дитм. Chron. Кн. VIII. стр. 426.

скажу болѣе, неимовѣрному распространенію въ этой части Кіева, въ послѣднее время *).

Вотъ предъ вами книга моя, изъ которой узнали вы, что осталось настоящему столѣтію отъ Кіева, существовавшаго съ самыхъ древнѣйшихъ лѣтъ, и Кіева, обновленнаго въ минувшемъ столѣтіи **).

Укрѣпленія Стараго Кіева, сооруженныя еще Великими Князьями, почти изгладились. На поверхности земли и на ихъ едва примѣтныхъ слѣдахъ сооружены были Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ новыя. Россійскій Воевода, Князь Куракинъ, потомъ Князь Черкасскій и казаки распространили

---

*) По извѣстіямъ 1850 года въ Кіевѣ считается монастырей 9, церквей каменныхъ 48, деревянныхъ 13, Костелъ, Лютеранская Кирка, старообрядческая часовня и двѣ каплицы; домовъ 5869. Подъ поселеніемъ города съ предмѣстіями Куреневкою и Звѣринцемъ состоитъ земли 4578 десят. 1665 саж.; всей же земли въ границахъ Кіева, по правой сторонѣ Днѣпра 12,131 десят. 230 саж. На этомъ пространствѣ помѣщается, кромѣ обывательскихъ домовъ, 9 бассейновъ, 209 каменныхъ и 524 деревянныхъ лавокъ, кромѣ этого на торговыхъ площадяхъ лавочекъ для мелкой торговли 196, мясныхъ лавокъ 102, харчевень и ресторацій 21, кондитерскихъ 8, жителей 47,424. Кіевъ разстояніемъ отъ Петербурга 1233 верст., отъ Москвы 871. Лежитъ подъ 50° 27 Сѣв. Ш. и 48° 13 Вост. Долг.

**) Много предметовъ не вошло въ эту книгу, но все, что заслуживаетъ примѣчанія, найдетъ мѣсто въ слѣдующей книгѣ, въ которой будутъ описаны окрестности Кіева.

эти укрѣпленія около Печерской Лавры. Петръ Великій собственноручно заложилъ 15-го Августа 1706 года Кіево-Печерскую крѣпость. За этимъ, во время турецкой войны, Графъ Минихъ, не щадя никакихъ древнихъ памятниковъ, насыпаетъ новые валы, вдоль всего Стараго Города, соединяетъ эти укрѣпленія съ Кіево-Печерскими ретраншаментами, а съ Подоломъ палисадникомъ, и всѣ эти безмѣрные, вѣковые палисады и насыпи срыты и уничтожены какъ безполезные къ оборонѣ, и на новыхъ мѣстахъ возникла въ недавніе годы нерушимая твердыня—грозная Кіево-Печерская крѣпость,—образецъ изящнѣйшихъ военныхъ построекъ нашего вѣка.

Бѣденъ былъ древній Кіевъ и хорошими постройками до утвержденія въ 1787 году, Великою Екатериною плана этому городу. Но и послѣ этого онъ медленно устраивался; торговля его со времени перевода въ 1797 году изъ г. Дубно контрактовъ съ каждымъ годомъ увеличивалась и это нѣсколько содѣйствовало къ лучшему устройству города; но блистательная эпоха Кіева началась неболѣе какъ за пятнадцать лѣтъ отъ настоящаго года и можно вѣрно сказать, что, въ эти пятнадцать лѣтъ, Кіевъ создался вновь, расширился какъ никогда не расширялся, и украшался такими громадными и изящными зданіями, какихъ онъ не имѣлъ въ прежніе вѣка. Теперь-то вѣковѣчный Кіевъ, нашъ Кіевъ Златоверхій, въ славѣи величіи; онъ отъ минувшихъ

вѣковъ не оставилъ намъ полуистлѣвшихъ хижинъ, но чрезъ всѣ бурныя столѣтія сохранилъ, и въ залогъ грядущимъ тысячелѣтіямъ, свою драгоцѣннѣйшую нетлѣнную святыню, свои древнѣйшіе храмы, заповѣдныя преданія нашихъ праотцевъ, оставилъ намъ память о ихъ достославныхъ подвигахъ и своею коловратною судьбою доказалъ міру, что на землѣ, кромѣ одной вѣры и святыни, все ничтожно, все прахъ и тлѣніе.

КОНЕЦЪ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.		Стр.		
30	—	15	три	два
32	—	21	градомъ	гридомъ
33	—	1	дринные	длинные
»	—	9	всмотрясь	смотрясь
43	—	8	видѣлось	виднѣлось
59	—	9	икока	инока
61	—	5	упочилъ	опочилъ
»	—	9	предѣлѣ	придѣлѣ
63	—	22	какъ, ясно	какъ ясно,
69	(снизу)	3	усроенныхъ	устроенныхъ
77	(снизу)	2	Ругойломъ	Рогуйломъ
109	—	11	умиленіи	умаленія
114	—	9	папятникъ	памятникъ
116	(снизу)	4	Святославъ	Святополкъ
189	—	4	березы	бересты
203	—	1	отличаю, щійся	отличаю-щійся
228	—	4	Великомняжескій	Великокняжескій
237	—	1	уѣдиненіемъ	уѣдиненіемъ.

The [illegible]
[illegible]
[illegible]

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.